

История и современность

Т. Ю. Забелина
А. А. Сосновский

Бразилия до и после „чуда“

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «История и современность»

Т. Ю. Забелина
А. А. Сосновский

Бразилия до и после „чуда“

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. И. КОВАЛЬ

Москва «Наука»
1986

Рецензенты:

доктор исторических наук

Ю. Н. КОРОЛЕВ,

кандидат исторических наук

С. М. ХЕНКИН

Забелина Т. Ю., Сосновский А. А.**Бразилия до и после «чуда».** — М., 1986, 176 с. —
(Серия «История и современность»). 70 к. 19 600 экз.

Книга посвящена важным проблемам в социально-экономической и политической жизни современной Бразилии (1964—1984). Авторы рассказывают о тяжелом положении и борьбе бразильского народа против империализма и реакции, раскрывают подлинный смысл так называемого «бразильского чуда», анализируют политический курс военного режима, освещают вопросы идеологии и становления современной партийно-политической структуры.

З $\frac{0504000000-365}{054(02)-86}$ 7—86—НП

От редактора

Последние два-три десятилетия оказались поистине переломными в истории стран Латинской Америки. Прежние представления о ней, как об отсталой полуфеодалальной периферии капиталистического мира, сейчас безнадежно устарели. Ныне здесь окончательно обозначились две противоборствующие тенденции общественного развития. Первая — революционная — получила самое яркое воплощение в победе Кубинской революции и Сандинистской революции в Никарагуа. К сожалению, две другие народные революции — в Чили и на Гренаде — были потоплены в крови силами внешней и внутренней реакции.

На полпути остановились преобразовательные процессы, которые начала военная демократия в Перу, Панаме, Боливии.

Вторая тенденция — проимпериалистическая и контрреволюционная — проявилась не только в удущении империализмом США правительства Народного единства во главе с С. Альенде в Чили и в прямой американской агрессии против демократического правительства М. Бишопа на Гренаде, но также в установлении антинародных военных диктатур — сначала в Бразилии (1964 г.), а спустя несколько лет — в Уругвае и Аргентине.

В социально-экономическом плане первая тенденция обозначила начало перехода Латинской Америки от капитализма к социализму, вторая — ускоренный переход местного капитализма на новую ступень развития. Этот скачок был достигнут путем резкого усиления эксплуатации трудящихся масс, ограничения и даже ликвидации буржуазной демократии, дальнейшего роста зависимости от империализма США. Ценой немалых усилий и жертв, в том числе ценой разорения многих слабых фирм и компаний, военно-диктаторские режимы, защищая интересы самого крупного национального и международного капитала, буквально «протолкнули» местный капитализм вперед. Этот процесс

имел крайне негативные последствия для трудящихся, которые после первого и весьма глубокого шока, вызванного силовым переходом от демократии к тоталитаризму, постепенно поднялись на борьбу против реакционных диктаторских режимов. Для этого понадобилась огромная воля и смелость. В конечном счете борьба за демократию увенчалась хотя и не полным, по очевидным успехам в Бразилии, Аргентине, Уругвае и набирает все больший размах в Чили, Парагвае, а в самое последнее время и на Гаити.

Ярким и весьма поучительным примером такого хода событий может служить политическая история Бразилии в 60—80-е годы. Более 20 лет в этом крупнейшем латиноамериканском государстве у власти стояли реакционные круги армии и крупного монополистического капитала. В течение двух десятилетий — с 1964 по 1984 г. — бразильские трудящиеся не только мечтали о восстановлении демократических порядков, но и вели самоотверженную борьбу против империализма и реакции. На определенном этапе против диктатуры выступила часть буржуазии, церковь, националистически настроенные круги армии. Наиболее последовательным борцом оставался рабочий класс, и особенно его сознательный авангард, руководимый Бразильской коммунистической партией (БКП).

На алтарь демократии было принесено много жертв и страданий. Тысячи патриотов погибли в схватке с фашиствующими милитаристскими силами. Но жертвы не были напрасными. Они дали свои всходы: к середине 70-х годов наступила полоса глубокого кризиса диктатуры и в конце концов Бразилия, пройдя тяжелый период авторитаризма, вновь вернулась на рельсы буржуазной демократии. Правда, это «возвращение» еще не завершено, но главный рубеж преодолен — с военно-диктаторским прошлым покончено. И основная заслуга здесь принадлежит мужественному бразильскому народу.

Об этом сложном и противоречивом периоде в новейшей истории Бразилии рассказывается в предлагаемой читателю книге. Ее авторы собрали богатый документальный материал, многое передумали и продумали, обобщили факты, теоретически их осмыслили и сумели убедительно, доходчиво поведать читателям о главных перипетиях жизни бразильского народа в этот важный период.

Следует подчеркнуть, что книга Т. Ю. Забелиной и А. А. Сосновского — это, по существу, первая специальная работа по политической истории Бразилии периода военного правления. Случилось так, что вопросы политического развития бразильского общества в 1964—1984 гг. сколько-нибудь полно не освещались в нашей исторической литературе, хотя в целом ряде общих трудов и статей многие их аспекты в той или иной степени затрагивались.

Авторы книги привлекли довольно большой оригинальный документальный материал, но не ограничились описанием, не перегрузили текст деталями и мелочами, а попытались раскрыть главные тенденции и логику политической жизни бразильского общества на протяжении двух десятилетий, показать классовую сущность военно-диктаторского правления. С этой задачей они в целом справились успешно. Читатель найдет в книге немало интересных сведений о борьбе демократических сил страны за восстановление демократии. В исторической литературе сложилось ошибочное мнение, будто в течение ряда лет в Бразилии царил «социальный мир». Авторы убедительно опровергают эту надуманную версию. При этом они не впадают и в другую крайность, трезво оценивая слабости демократической оппозиции, вскрывая объективные и субъективные факторы, ритм и динамику антидиктаторского сопротивления.

«Бразильский путь» — от демократии к правой диктатуре и от военного режима к буржуазной демократии — в чем-то похож на процессы, происходившие в Испании, Аргентине, Уругвае. Однако он имеет и свои особенности, свои корни и значение. Авторы со знанием дела объясняют причины столь сложной исторической «траектории» страны, раскрывают последствия военного переворота 1964 года, социальный смысл диктатуры, политику империализма США, особенности политической, в том числе межпартийной, борьбы в период военного правления, позицию БКП и многое другое.

Правда, не все им удалось в равной степени. Кое-что намечено пунктиром. Некоторые важные моменты остались «за кадром». Тем не менее в целом авторам удалось раскрыть главное содержание законченного и во многом своеобразного 20-летнего этапа в истории Бразилии и тем самым внести свой вклад в научную

разработку проблем современной Латинской Америки.

Бразильский «опыт» имеет не только региональное, но и международное значение. В современном капиталистическом мире, подчеркивается в документах XXVII съезда КПСС, неизбежно нарастают социальные противоречия, формируются новые объективные и субъективные факторы классовой борьбы. Впереди — острые социальные схватки, боевые антиимпериалистические выступления масс.

Книга Т. Ю. Забелиной и А. А. Сосновского — оригинальное историко-политическое исследование, которое, безусловно, поможет широкому кругу читателей более глубоко понять современные проблемы революционных процессов в Латинской Америке.

Доктор исторических наук, профессор

Б. И. Коваль

Введение

Бразилии принадлежит видное место в современном мире. И дело не только в том, что «тропический гигант» занимает более 8,5 млн кв. км территории, а 135 млн. бразильцев составляют почти половину населения Латинской Америки. По объему продукции экономика Бразилии занимает восьмое место в мире. Все более пристальное внимание привлекают богатая и самобытная культура бразильского народа, своеобразие пройденного крупнейшей латиноамериканской страной исторического пути, ее динамично возрастающая роль на международной арене, сложность и острота противоречий современной бразильской действительности.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена главным образом социально-экономическим и политическим проблемам Бразилии в период военного правления — с 1964 по 1984 г. Выбор именно этого 20-летия в качестве хронологической основы нашего рассказа не случаен. Хотя все этапы бурной, насыщенной событиями бразильской истории представляют бесспорный интерес для советского читателя, именно с середины 60-х годов в этой стране интенсивно развиваются новые интересные и во многом противоречивые социальные, экономические и политические процессы¹.

На период военного правления пришлось «бразильское чудо» 1968—1973 гг. — экономический «бум», вызвавший большой интерес империалистических кругов. В стратегии развития, породившей «чудо», — так называемой «бразильской модели» — эти круги усматривали альтернативу социалистическому пути, противоядие примеру революционной Кубы, оказавшему большое влияние на латиноамериканские страны. Творцы «чуда» развернули в первой половине 70-х годов шумную кампанию пропаганды своих достижений. Один из них, А. Делфин Нету, писал в 1972 г. в предисловии к книге «Бразильское чудо», что страна может разви-

ваться и без иностранных капиталов. Но с их помощью она сделает это гораздо быстрее, ценой меньших социальных затрат и меньших жертв. Он утверждал также, что нет ни малейшего риска подчинить национальный рынок иностранному капиталу. «Этому пути нет альтернативы... Сегодня Бразилия заглядывает в свое будущее, и она полна решимости приблизиться к нему как можно скорее» ².

Однако «чудо» оказалось непродолжительным. За экономическим спадом последовал политический кризис военного режима. В условиях острой борьбы социально-политических тенденций Бразилия в начале 1985 г. вернулась к гражданскому правлению.

Анализу сложной мозаики политической борьбы, социально-экономических процессов 60—80-х годов посвящена большая часть нашей работы. Хорошо сознавая невозможность досконально рассмотреть в небольшой по объему книге все многообразие упомянутых проблем, авторы и не ставили перед собой такой задачи. Свою цель мы видели в том, чтобы читатель получил общее представление о социально-политической жизни Бразилии в один из наиболее сложных периодов ее истории. Мы стремились показать — во всей их неоднозначности — результаты применения в этой стране проимпериалистических «рецептов» развития и продемонстрировать, во что обошлись эти амбициозные попытки бразильскому народу. Наконец, авторам просто хотелось пробудить читательский интерес к сложной и многообразной бразильской проблематике. А насколько это удалось — судить читателям.

Немного истории

Бразилия вступила в XX в., пройдя нелегкий путь, отмеченный значительным своеобразием. В 1500 г. на бразильской земле появились первые португальские поселенцы. Сопротивление относительно немногочисленных индейских племен попыткам европейцев обратить их в рабство привело к гибели большинства местного населения. Португалия была вынуждена решать проблему хозяйственного освоения новой огромной колонии путем ввоза рабов из Африки. В колониальную эпоху закладывались основы монокультурной экономики Бразилии. Ее отличительной чертой было крупное плантационное хозяйство, ориентированное на производство и вывоз в метрополию двух-трех видов продукции, в основном сельскохозяйственной (сахар, хлопок, каучук, кофе). Такая ориентация экономического развития положила начало многим негативным явлениям в последующие периоды жизни страны: тесной зависимости от спроса на сырье на мировом рынке, засилью иностранного капитала, неравномерному развитию различных регионов.

В годы колониального господства в результате смешения коренного индейского населения, португальцев, негров-рабов, к которым позднее (с XIX в.) добавились иммигранты из многих европейских стран, начала формироваться бразильская нация. Зарождающаяся бразильская культура также вобрала в себя португальские, африканские, в меньшей степени индейские элементы.

В 1822 г. Бразилия отделилась от Португалии. В отличие от других латиноамериканских стран-колоний Испании, ставших независимыми республиками в результате длительной и кровопролитной освободительной борьбы, Бразилия пришла к независимости относительно мирным путем. В 1807 г., спасаясь от наполеоновского нашествия, сюда перебрался португальский королевский двор, что способствовало ускорению экономического и культурного развития страны. После

возвращения короля Жуана VI в Португалию бразильцы не пожелали мириться с колониальным статусом своей страны. Бразилия была провозглашена независимой империей. Сын Жуана VI принц Педро стал ее императором.

Особенности исторического развития Бразилии в начале XIX в. наложили отпечаток на дальнейшую политическую жизнь и культуру страны, предопределив сохранение культурных и политических связей с бывшей метрополией и воспрепятствовав распространению буржуазно-демократических идей.

В социально-политическом плане Бразилия и в колониальную эпоху (1500—1822), и в период империи (1822—1889) была одной из наиболее отсталых стран мира. Под защитой монархии там почти до конца XIX в. сохранялось массовое рабство. В начале XIX столетия половина бразильцев были рабами. Сохранение рабства способствовало консервации отсталых производственных отношений, докапиталистических форм эксплуатации, задерживая тем самым капиталистическое развитие страны. В результате уже к середине XIX в. Бразилия существенно отставала от передовых капиталистических государств в экономическом и техническом отношении.

Такое положение вызывало недовольство формирующейся буржуазии, всех националистически настроенных кругов общества. В 1888 г. в результате их упорной борьбы было отменено рабство. Это ускорило крушение монархии. В следующем году Бразилия стала республикой.

Перед страной, казалось, открывалась широкая перспектива буржуазно-демократических преобразований, необходимость которых становилась все более явной в обстановке ускорившегося во второй половине XIX в. развития экономики. В это время создаются первые сталелитейные заводы, судостроительные верфи, железные дороги, прокладываются телеграфные линии, образуются городские транспортные предприятия. К 90-м годам XIX в. в Бразилии насчитывалось 300—400 тыс. наемных трудящихся, примерно треть из них составляли рабочие промышленности и транспорта. В 1891 г. была принята первая буржуазно-демократическая конституция, объявившая о создании Соединенных Штатов Бразилии и введении основных буржуазных прав и свобод. Однако этот документ не отражал реальных, уже сложившихся

общественных отношений. Первая конституция явилась скорее программой, за осуществление которой крепнущей буржуазии еще предстояло бороться с крупными землевладельцами-латифундистами.

Период Первой («олигархической») республики (1889—1930) был временем, когда местные буржуазно-помещичьи кланы полностью контролировали и политическую, и экономическую жизнь, а органы центральной власти формировались посредством сговора между ними. Буржуазия тогда не выработала еще собственной общенациональной политики, методов руководства страной и обществом. Руководство страной в этот период осуществлялось в русле так называемой «политики губернаторов»: президент гарантировал тому или иному местному лидеру победу в ходе выборов в обмен на поддержку им линии президента.

Важным связующим звеном между государственной властью и господствовавшей в сельской местности традиционной системой подчинения, основанной на патриархальных отношениях, являлись так называемые «полковники» — крупные помещики, которые фактически обладали всей полнотой власти на местах. Они существовали еще в колониальную эпоху, но с учреждением республики их роль в политической жизни возросла. Манипулируя голосами избирателей, «полковники» обеспечивали губернатору того или иного штата необходимое большинство на выборах. Основная черта «режима полковников» — насилие. Это способствовало распространению настроений апатии и политического равнодушия среди населения, влияло на социальную психологию сельских тружеников и зарождавшегося городского пролетариата, состоявшего в основном из бывших сельских жителей.

Жестокость и беззаконие правящих верхов вызывали ненависть к ним со стороны низов общества. В конце XIX — начале XX в. в ряде районов Бразилии вспыхнули настоящие крестьянские войны, набирало силу рабочее движение. В 1906—1917 гг. в крупных городах прошли всеобщие забастовки, в 1918 г. уже действовали профсоюзы, находившиеся в основном под влиянием идей анархо-синдикализма. Огромное влияние на развитие классовой борьбы, рост сознания бразильских трудящихся оказал Великий Октябрь: в стране активизировалась пропаганда марксизма, стали возникать коммунистические группы. В марте 1922 г.

была создана Бразильская коммунистическая партия (БКП), практически сразу начавшая действовать в условиях подполья.

Важное место в борьбе бразильского народа против всевластия олигархии в тот период принадлежало выступлениям революционно настроенных представителей мелкобуржуазных слоев, главным образом молодых офицеров. Их движение получило название *тенентизма* * и преследовало цели демократизации политической системы, смены центрального правительства, которое, по мнению тенентистов, не обладало поддержкой народа, вело нечестную политику. Тенентисты не пытались привлечь к борьбе широкие массы трудящихся, не ставили радикальных социально-экономических задач, не стремились в ходе революционных действий решить кардинальные — прежде всего аграрные — проблемы страны, что в конечном итоге и предопределило постепенный спад повстанческого движения, возглавляемого ими. Однако выступления тенентистов, их самоотверженность, героизм вызвали симпатию народа. Яркую страницу в историю Бразилии вписал легендарный рейд Непобедимой колонны под руководством молодого капитана Л. К. Престеса. Этот трехлетний поход по внутренним районам страны (протяженность похода колонны превысила 20 тыс. км) способствовал пробуждению активности широких масс, привлек внимание всех слоев общества к самым острым национальным проблемам: засилью и беззакониям земельной олигархии, нищете и несправедливости крестьян, всевластию местных правящих кланов.

Особенностью политической жизни тех лет было активное соперничество между двумя основными олигархическими группировками; помещики и буржуазия, прежде всего торговая, штата Сап-Паулу богатели за счет производства и продажи кофе, а их соперники из штата Минас-Жерайс — за счет скотоводства. Экономическое влияние этих двух соперничающих группировок поддерживалось английским капиталом, что предопределило укрепление их политической гегемонии в стране. Это вызвало недовольство крепнущей промышленной буржуазии, которая стремилась покончить с политической гегемонией олигархии крупных латифун-

---

* От португ. *tenente* — лейтенант.

дистов. К 1930 г. напряженная внутривнутриполитическая обстановка еще более накалилась в результате потрясений, связанных с острейшим за всю историю капитализма мировым экономическим кризисом. Воспользовавшись тем, что кризис вызвал снижение спроса на бразильскую аграрную продукцию, прежде всего кофе, и значительно подорвал могущество помещичьей олигархии, активизировались буржуазные круги. Успешному осуществлению замыслов буржуазии способствовало то, что сама аграрная олигархия раздиралась глубокими внутренними противоречиями, обострившимися в результате соперничества местных группировок в борьбе за гегемонию в общенациональном масштабе.

События 1930 г. положили начало буржуазной революции в Бразилии. В ходе ее активизировалась антиолигархическая борьба широких масс, а также выступления тенентистов. При их активной поддержке на авансцену политической жизни страны вступил Жетулио Варгас, в дальнейшем остававшийся там более двух десятилетий. К 1930 г. это был уже 47-летний опытный политический деятель, связанный с влиятельными гражданскими и военными группировками. Именно опыт «выживания» в борьбе за власть помог Ж. Варгасу не только утвердиться в роли местного лидера, но и в целом успешно выполнять функции главы государства в крайне сложной обстановке 30-х годов, завоевать репутацию вождя масс, трибуна.

Главной политической задачей кругов, выдвинувших Ж. Варгаса на пост президента страны, являлось стремление отстранить традиционную «кофейную» олигархию от власти, причем сделать это, опередив народные массы. Сторонники Ж. Варгаса понимали необходимость заручиться поддержкой военных и средних городских слоев. Это помогло бы их группировке, названной Либеральным альянсом, обеспечить себе прочную социальную опору. Успешное выполнение намеченного плана объективно сделало альянсистов выразителями интересов широкого антиолигархического движения. В нем приняли участие представители трудящихся города и деревни, мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, офицерства. Подобные формы временной общности, соучастия широких социальных групп в борьбе против отжившего, против старых общественных устоев нередко именуются в литературе

популизмом, популистскими движениями*. Для них характерно своеобразное сочетание активности народа с лидерством буржуазии. В Бразилии таким популистским вождем масс стал Ж. Варгас, уловивший возможность использовать в интересах буржуазных кругов антиолигархический, антиимпериалистический настрой большинства населения.

Поводом к началу вооруженной борьбы Альянса за власть послужило поражение Варгаса на президентских выборах в марте 1930 г. Его сторонники объявили итоги выборов фальсифицированными и перешли к активным действиям. При этом они стремились удержать под своим контролем народные массы, не допустить развития революционных выступлений и свести антиолигархическое движение 1930 г. к отстранению от власти «кофейной» олигархии. Этот план в значительной степени удалось осуществить. После победы сторонников Альянса власть была передана Ж. Варгасу, объявленному подлинным представителем народа, «лидером нации». Это должно было символизировать завершение сражения с олигархией, послужить сигналом к прекращению массового революционного движения.

Однако снизить накал народной борьбы оказалось непросто. Выступления 1930 г. были не только массовыми, но и чрезвычайно широкими по социальному составу. Это объяснялось временным совпадением в тот период интересов различных слоев населения в осуществлении единой цели — свержения олигархии. Но массы, принявшие столь большое участие в событиях 1930 г. и в конечном счете обеспечившие победу над олигархией, не были удовлетворены исходом борьбы, так как в результате они ничего не получили. Перед правительством Ж. Варгаса встало множество задач, среди которых можно выделить две главные: обуздать невиданное ранее народное движение, не потеряв его поддержку, и провести экономические реформы в интересах развивающегося капитализма, но без предоставления буржуазии как классу полной политической самостоятельности. Дело в том, что ввиду отсутствия достаточного опыта и сил бразильская буржуазия в тот переходный момент могла потерять власть совсем: аграрная олигархия еще сохраняла экономическую мощь, возбуждение масс было велико, в стране отсутствова-

---

* От лат. *popularis* — народный.

ла развитая буржуазно-демократическая структура власти.

Стремясь выработать подходящие методы государственного правления, правящая группировка прибегала в зависимости от обстановки к различным формам диктаторского режима. Прямая военная диктатура, установленная в 1930 г., была в 1934 г. заменена конституционно оформленным режимом личной власти Ж. Варгаса, стремившегося таким путем упрочить доверие к себе, вовлечь широкие массы в процесс буржуазно-националистической перестройки общества. Ожидавшегося «классового мира» достичь не удалось: в 1935 г. революционные силы во главе с коммунистами с оружием в руках решительно выступили за демократию и социальный прогресс. Однако восстание было подавлено, после чего перед Ж. Варгасом и его группировкой вновь встала проблема обеспечения долговременной социальной стабильности. Наиболее подходящим в сложившейся ситуации представлялся путь сочетания авторитарных методов с буржуазно-реформистским национализмом. Режим, основанный на подобных принципах, был установлен путем государственного переворота «сверху» в 1937 г. Он получил наименование «нового государства» и просуществовал до 1945 г. Это был своеобразный и важный этап в истории Бразилии. Для него характерны попытки сочетать репрессивные методы подавления оппозиции с традициями патернализма, стремление представить хозяев предприятий и трудящихся в качестве «партнеров», соучастников производства. Чтобы ликвидировать то, что официальная пропаганда называла «трагическим противоречием между трудом и капиталом», правительство начало внедрять корпоративную систему. Она предусматривала создание под контролем государства предпринимательских организаций и параллельно им соответствующих профсоюзов трудящихся в рамках единой «корпорации». Бразильскому народу, при условии соблюдения «политического и социального мира», было обещано все необходимое для его «безопасности, благосостояния и процветания».

Конституция «нового государства» наделяла президента фактически диктаторскими полномочиями. По всей стране вводилось чрезвычайное положение. Усиленно подчеркивалось, что главными для нового режима являются «интересы национального производства»,

для обеспечения чего необходима перестройка всего общества. Корпорации были объявлены основным элементом социальной структуры общества, а стачки — «преступлением против государства». «Новое государство» являло собой особый тип правоавторитарной буржуазной диктатуры, призванной жесткими методами провести насущные экономические и социальные преобразования капиталистического характера.

В целом 1930—1945 гг. можно считать временем незавершенной буржуазной революции, для которой характерно сочетание противоречивых процессов. С одной стороны, Ж. Варгас и его сторонники стремились путем репрессий добиться заключения рабочего и профсоюзного движения в жесткие рамки, с другой — централизовать управление страной, преодолеть сопротивление реакционной аграрной олигархии, создать и укрепить государственный сектор экономики. В эти годы на авансцену политической жизни выдвинулся более передовой, по сравнению с полуфеодальными кланами латифундистов, класс бразильской национальной буржуазии. В период становления она всецело поддерживала диктаторские методы правления Ж. Варгаса, однако, окрепнув, начала все чаще их критиковать. Представители буржуазии сами рвались к власти.

К концу второй мировой войны в обстановке общего подъема демократического движения в стране и в мире стало очевидно, что авторитарные методы руководства, контроля над массами уже исчерпали себя. Понимали это и Ж. Варгас и его окружение: в 1945 г. они разрешили создание политических партий, начали подготовку ко всеобщим выборам. Впервые вышла из подполья БКП, принявшая активное участие в выборах.

Подъем демократического и рабочего движения вызвал озабоченность наиболее правых кругов во главе с реакционно настроенными генералами Э. Г. Дутрой и Г. Монтейро. Опираясь на верные им воинские части, они выступили против Ж. Варгаса, считая, что он уже не способен контролировать события. Ж. Варгасу пришлось уйти в отставку.

Последовали репрессии против левых сил. В 1947 г. вновь была запрещена БКП. В то же время, придя к власти под флагом защиты демократии, военные были вынуждены принять в 1946 г. конституцию, которая знаменовала собой утверждение в Бразилии буржуаз-

но-демократического строя со всеми его атрибутами — партиями, выборами, парламентом. В истории страны начался новый этап, отмеченный острой внутриполитической борьбой. В 1945—1964 гг. реакционные силы неоднократно пытались осуществлять государственные перевороты, передать власть армии. Этим попыткам противостояли усилия либеральной буржуазии, стремившейся управлять страной в рамках режима представительной демократии.

Еще одна тенденция, которая ярко прослеживается в послевоенный период, — это нарастание освободительной борьбы, рабочего и коммунистического движения. В 1945—1964 гг., несмотря на суровые условия подполья, упрочила свои позиции Бразильская компартия, окрепли массовые организации, прежде всего профсоюзы, появились боевые объединения сельских тружеников — крестьянские лиги. Одновременно нарастало широкое антиимпериалистическое движение, объединившее представителей различных слоев общества.

В обстановке общественного подъема национальная буржуазия стремилась сохранить контроль над событиями. Этому немало способствовала деятельность Бразильской трабалистской партии (БТП), находившейся, наряду с Национально-демократическим союзом (УДН) и Социал-демократической партией (СДП) в центре политической жизни в 1945—1964 гг.* Однако, если УДН и СДП действовали как типичные буржуазно-помещичьи партии правого толка, то политика БТП отличалась определенным своеобразием. Для нее была характерна ориентация на профсоюзы, на рабочий класс, пропаганда идей социального благосостояния всего общества. Требования более справедливого распределения доходов, участия трудящихся в руководстве страной привлекали к БТП широкие слои городского населения, в том числе рабочих, что полностью отвечало планам буржуазно-реформистских лидеров.

Бразильская буржуазия нуждалась в широкой поддержке своего националистического курса, в мобилизации трудящихся, в первую очередь пролетариата, на осуществление планов капиталистического развития. Это вынуждало ее лидеров, прежде всего из рядов трабалистов, претендовавших на роль выразителей

---

* Здесь даются аббревиатуры названий политических партий, принятые в советской историографии 50—60-х годов.

народных интересов, уделять все больше внимания социальным вопросам, идти на определенные уступки трудящимся. Первые шаги в этом направлении были сделаны Ж. Варгасом после того, как в 1951 г. он вернулся к власти, но уже в качестве законно избранного президента. Ореол «народного вождя», трибуна позволил Ж. Варгасу значительно расширить арсенал populistских приемов, включив в их число непосредственное апеллирование правительства к народу, показной социальный радикализм. Стремясь в рамках режима представительной демократии добиться максимальной мобилизации масс на осуществление планов ускоренного экономического развития, Ж. Варгас поднимает на щит идеи «классовой гармонии», национализма. Националистические акции президента, в первую очередь создание в 1953 г. государственной нефтяной компании «Петробраз», объективно имели антиимпериалистическую направленность и получили поддержку самых широких слоев населения.

В то же время крупная проимпериалистически настроенная буржуазия выступила против прогрессивных мероприятий Ж. Варгаса. Реакционные организации, в частности «Крестовый поход за демократию», правая печать, объединение военных—членов партии УДН начали постоянную кампанию травли президента. Под давлением реакции Ж. Варгас в августе 1954 г., подписав акт об отставке, покончил с собой. С его смертью завершился, по словам прогрессивного бразильского историка Н. Вернека Содре, «целый период в политической истории Бразилии, прошедший под знаком его личности, воплощавшей развитие в стране капиталистических отношений»¹.

После смерти Ж. Варгаса популизм не сошел с политической сцены. В нем обозначились новые тенденции патриотического толка: борьба за аграрную реформу, за укрепление основ государственного сектора экономики и самостоятельной внешней политики, а также противодействие наступлению иностранных монополий. В середине 50-х годов ускорился процесс включения трудящихся в политическую жизнь, возросли их требования, проявилось стремление освободить профессиональные объединения от опеки государства.

Наметившемуся подъему рабочего движения бразильская буржуазия противопоставила свою програм-

му ускоренного развития — так называемый «план целей». С его помощью страна должна была сделать огромный скачок вперед, в короткий срок решить основные социально-политические проблемы. Главным условием осуществления этой программы правительство Ж. Кубичека (1956—1961), нуждавшееся в поддержке широких масс населения, объявило необходимость соблюдения «классового мира», достижения «социальной интеграции» нации. Поначалу планам ускоренного капиталистического роста сопутствовал успех, что в значительной мере объяснялось благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой. В 1957—1961 гг. благодаря крупным государственным капиталовложениям повысился объем производства промышленных товаров, увеличился удельный вес тяжелой промышленности и среднегодовой прирост продукции. Как указывает бразильский ученый Т. дос Сантос, ускоренное развитие промышленности в эти годы «вызывало качественные изменения в соотношении сил внутри страны. Новые отрасли стали самыми динамичным фактором национальной экономики»².

Однако ускорение темпов промышленного развития было обеспечено за счет притока иностранного капитала. Это повлекло за собой серьезную деформацию хозяйственной структуры страны.

Рубеж 50-х и 60-х годов был временем, когда Бразилия как бы выбирала свой дальнейший путь. Во второй половине 50-х годов страна, в основном завершив этап индустриализации, вышла на новый уровень капиталистического развития. Полномасштабное развитие социально-экономических противоречий, свойственное этой стадии капиталистического развития, стало быстро перерастать в острый кризис. В начале 60-х годов страна оказалась перед выбором: революционная ломка существующих порядков либо дальнейшее развитие по капиталистическому пути. Последнее подразумевало монополизацию экономики, ее более тесную интеграцию в мировое капиталистическое хозяйство с соответствующим усилением зависимости от империализма.

Сочетание экономических и политических условий начала 60-х годов предопределило победу на том этапе второго, проимпериалистического пути развития. Существовавшая в Бразилии с 30-х годов национал-реформистская политическая система, сформированная

при Ж. Варгасе, оказалась «тесной» для проимпериалистических устремлений буржуазной верхушки. Потребности нового этапа развития бразильского капитализма выявили явное несоответствие между павшей перестраиваться на монополистический лад экономикой и старой политической надстройкой. Экономическая суть этого несоответствия заключалась прежде всего в том, что прежняя, популистская политическая система не могла обеспечить достаточно высоких темпов накоплений, необходимых для «скачка» — перехода капитализма в Бразилии на следующую, государственно-монополистическую стадию, к чему стремилась буржуазная верхушка. В этих условиях она, по словам Н. Вернека Содре, сделала «преднамеренный выбор, выбор в пользу империализма».

Это не могло не сказаться на внутривнутриполитической обстановке: активизировалась деятельность реакционных группировок, острая политическая борьба захватывала все новые слои бразильского общества. Страну сотрясали политические кризисы: в 1961 г. под нажимом правых вынужден был уйти в отставку президент Ж. Куадрос, находившийся у власти лишь полгода. Его преемник вице-президент Ж. Гуларт лишь после упорной борьбы с реакцией сумел занять президентский пост, принадлежавший ему в соответствии с конституцией. Обострилась борьба между прогрессивными и реакционными течениями в среде бразильских военных. Там начали все более явно проступать контрреволюционные настроения, которые постепенно обладали над идеями патриотического крыла армии.

Патриотическому течению в вооруженных силах был присущ ряд слабостей, главной из которых являлась растущая изоляция выступлений патриотов от борьбы народных масс и в то же время все увеличивающийся их отрыв от военной среды, поскольку увлечение «ультрареволюционной» фразеологией «приводило эту часть военных к пренебрежению профессиональными интересами»³. Идеологи проимпериалистического течения среди военных (Кастело Бранко, Кордейро де Фарияс, Ж. Тавора) стремились убедить большинство военных в том, что правительство Ж. Гуларта, вся система представительной буржуазной демократии не способны спасти страну от угрозы «коммунистической синдикалистской диктатуры». Правые силы начали активную обработку общественного мне-

ния с целью подготовить почву для контрреволюционного переворота, для слома существующей политической системы. Необходимо отметить, что в начале 60-х годов ряд факторов политической жизни бразильского общества играл на руку заговорщикам. Попробуем разобраться в ситуации.

В этот период обострение классовой борьбы, массовые выступления пролетариата (в 1963 г. бастовало 3 млн. человек), требования коренных реформ способствовали созданию реальных предпосылок для формирования единого демократического фронта. Значительно возросло влияние Бразильской коммунистической партии, внесшей большой вклад в развитие патриотического движения масс. Активизировались процессы радикализации профсоюзов, размежевание сил среди трабальистов. Возникло левое крыло этого движения, возглавляемое популярным политическим деятелем, депутатом Национального конгресса от штата Гуанабара * Л. Бризолой.

Стремясь снискать поддержку трудящихся, президент Ж. Гуларт под давлением профсоюзов начал склоняться к более решительным антиимпериалистическим действиям. В январе 1964 г. был обнародован декрет об ограничении перевода за границу прибылей, полученных иностранными компаниями в Бразилии; 13 марта 1964 г. в присутствии 200 тыс. человек Ж. Гуларт заявил о необходимости изменения конституции, которая узаконила «бесчеловечную и несправедливую экономическую структуру». В послании Национальному конгрессу он обосновал необходимость проведения аграрной реформы, а также политических преобразований — предоставления права голоса неграмотным и солдатам, наделения президента страны законодательными полномочиями. Ж. Гуларт выдвинул также идею национального референдума по вопросу о предложенных им коренных реформах.

Воспользовавшись экономическими трудностями, а также тем, что общественное мнение страны не было подготовлено к правильному восприятию этих начинаний, правые силы развернули невиданную по накалу антиправительственную кампанию, обвинив Ж. Гуларта в потворстве готовящемуся «коммунистическому за-

---

* В настоящее время — составная часть штата Рио-де-Жанейро.

говору», в «посягательстве на основы конституционного строя».

Антикоммунистическая истерия на страницах реакционной прессы оказала большое влияние на мелкую буржуазию и средние слои городского населения, вызвав их сдвиг вправо. В крупнейших городах такие влиятельные организации, как Движение женщин за демократию, Гражданский союз женщин, Бразильское аграрное общество, организовали многотысячные марши в защиту «бога, семьи и свободы», фактически направленные против правительства.

Успеху контрреволюционной агитации объективно способствовали и призывы левацки настроенных деятелей «положить конец политике соглашательства с правительством Гуларта», немедленно «начать социалистическую революцию». Негативные последствия имели также некоторые недостаточно продуманные лозунги единого фронта демократических сил, например призыв к немедленному роспуску конгресса, изменению действующей конституции, ряд завышенных экономических требований. Не всегда соответствовала обстановке и линия профсоюзных лидеров на дальнейшую активизацию стачечной борьбы. Выдвинутые демократическими силами требования снижения расходов на армию и последующей ее реорганизации оказали влияние на позицию значительной части офицеров, объективно способствовали их сдвигу вправо.

Многие военные поддержали антиправительственные призывы правых партий и организаций, инспирированные господствующими классами массовые выступления против угрозы «незаконной власти» профсоюзов. 20 марта 1964 г. в армии был распространен секретный циркуляр начальника штаба сухопутных войск генерала Кастело Бранко. В нем обосновывалось «право» военных не подчиняться правительству во имя «защиты конституции перед лицом надвигающейся угрозы синдикалистской диктатуры». 30 марта 1964 г. начальник генерального штаба генерал Перри Бевилакуа направил президенту доклад о положении в вооруженных силах. В этом документе говорилось о «подрывной деятельности профсоюзов и коммунистов» и по сути дела обосновывалось право военных на открытое антиправительственное выступление. «Я выражу мнение военных руководителей,— писал генерал,— если скажу, что вооруженные силы не могут разделять

ни с какой другой организацией свои конституционные функции; безопасность правительства и демократических институтов может покоиться только на верности и воинской чести вооруженных сил. В этой сфере не может быть мирного сосуществования военных властей и незаконной власти синдикализма»⁵.

31 марта 1964 г. началось выступление армии против правительства Ж. Гуларта под лозунгами «восстановления в стране демократии, гражданских прав и свобод». Мятеж сразу поддержали губернаторы крупнейших штатов — Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс. В этой ситуации правительство, побоявшись обратиться к трудящимся за поддержкой, не смогло оказать сопротивления заговорщикам: 1 апреля президент бежал из Бразилии. Сторонники Ж. Гуларта в армии остались в изоляции, левые силы не обладали достаточной организованностью, не имели четкой политической ориентации, рабочий класс оказался не готовым к самостоятельным действиям. Средняя буржуазия, не веря в способность правительства контролировать положение, перешла в основном на позиции путчистов. Она увлекла за собой мелкую городскую буржуазию, также напуганную возможностью «коммунистической» или «синдикалистской» революции. Проанализировав сложившуюся ситуацию, руководство Бразильской коммунистической партии приняло единственно правильное решение о невозможности начинать сопротивление, не имея массовой поддержки. Коммунисты были вынуждены уйти в глубокое подполье и начать кропотливую работу по подготовке трудящихся к борьбе за свои права в новых политических условиях.

Со свержением правительства Ж. Гуларта завершился почти 20-летний этап бразильской истории, отмеченный созданием развитой буржуазно-демократической системы власти. Ее характерной чертой было широкое использование популистских приемов мобилизации масс, идеологических установок национализма. Однако, как подчеркивал бразильский историк Р. Фако, «националистическое движение могло выстоять и не превратиться в шовинистическое движение на службе господствующих классов, лишь углубляя преобразования для более интенсивного экономического развития и социального прогресса Бразилии»⁶. Успех подобных преобразований возможен только при

поддержке самых широких слоев населения в ответ на последовательную деятельность правительства по облегчению их материального положения. Это условие не было выполнено: радикальные проекты остались на бумаге, правительство демонстрировало непоследовательность, было подвержено влияниям и справа, и слева, не сумело выработать стабильного курса, не решалось на серьезные меры в пользу трудящихся. Его дискредитация усугублялась неспособностью контролировать события, широко распространившейся коррупцией, а также дезорганизацией экономики, поскольку «стоимость» провозглашенных Ж. Гулартом реформ превышала реальные экономические возможности страны. На этом этапе бразильский популизм, как подчеркивают видные социологи Ф. Кардозо и Э. Фаллето, достиг предела «как форма мобилизации масс и как средство, способное обеспечить развитие»⁷. Иными словами, задачи, вставшие перед страной, нельзя было решить старыми методами. Их реализация требовала условий такого демократического режима, который опирался бы на подлинное и широкое участие народа в преобразованиях. Это выходило за буржуазно-реформистские рамки, и правительство Ж. Гуларта, несмотря на весь свой словесный радикализм, не решилось на такой шаг.

Важно отметить и еще одно обстоятельство: Ж. Гуларт, действуя в рамках буржуазного реформизма, являлся сторонником объективно устаревшей схемы экономического развития. Она не учитывала изменившихся условий концентрации капитала, ущемляла интересы иностранных и ассоциированных с ними местных компаний, ставших к тому времени важным фактором развития страны по пути капитализма. Это вызвало противодействие реформистским начинаниям президента со стороны крупного капитала, империалистических кругов, прежде всего США. Их позиция существенно повлияла на исход политической борьбы в пользу заговорщиков. Процесс развития Бразилии в рамках буржуазно-демократического строя был прерван: в стране установилась военная диктатура, представлявшая интересы военных и гражданских империалистических кругов международного и местного монополистического капитала.

У истоков «бразильской модели»

Свержение буржуазно-реформистского националистического правительства Ж. Гуларта не было рядовым эпизодом в богатой бурными событиями политической истории Бразилии. Как подчеркивалось в резолюции VI съезда Бразильской коммунистической партии, на этот раз переход к военному режиму внес глубокие изменения в бразильскую политическую жизнь¹. Они означали поражение демократических и националистических сил, победу реакционных и проимпериалистических течений. «Государственный переворот 1964 года, — указывали бразильские коммунисты, — явился результатом объединения многочисленных и разнородных политических, экономических и социальных сил; он положил начало новому политическому процессу в нашей стране»². Что же это за процесс и о каких силах здесь шла речь?

Переворот не был традиционным латиноамериканским путчем — примитивным заговором «горилл» (как презрительно называют в Латинской Америке реакционную военщину). Целью его не являлась замена одной правящей клики другой, не отличающейся от предыдущей по своей сути. События в Бразилии носили характер превентивной контрреволюции по отношению к коммунистическому и рабочему движению, а также демократическим силам в целом. Заговорщики стремились прежде всего не допустить осуществления коренных социально-экономических реформ в интересах широких народных масс, а именно этого требовали прогрессивные силы. В то же время замыслы организаторов переворота не ограничивались единственной задачей. Силы, пришедшие к власти в 1964 г., сознательно стремились насадить свою линию ускоренного развития страны по пути государственно-монополистического капитализма.

Созданный в результате переворота военный режим служил политическому оформлению зародившихся в Бразилии еще в 50-е годы государственно-монополистических тенденций. Мешавшая этим тенденциям, явно не соответствовавшая им политическая надстройка, существовавшая с конца 40-х годов, была решительно сломана в ходе переворота. Тем самым пришедшие к власти бразильские проимпериалистические круги разрешили в своих интересах противоречие, ле-

жавшее в основе глубокого социально-политического кризиса начала 60-х годов.

Таким образом, «в основе переворота 1964 г. лежала объективная потребность развития бразильского капитализма как системы»³, осознанная буржуазной верхушкой и связанными с ней военными и гражданскими кругами. Потребности ускоренного перехода на государственно-монополистическую стадию капиталистического развития породили военный режим — «политическую подпорку» этого процесса.

Переворот и установление военного режима в Бразилии имели серьезные последствия не только для этой страны. Они стали и первой «пробой» активно разрабатывавшейся в 60-е годы империалистическими кругами во главе с США контрреволюционной стратегии развития для Латинской Америки и развивающихся стран в целом. С этой точки зрения установление военной диктатуры в Бразилии положило начало волне контрреволюции в континентальном масштабе. Налицо была попытка сил реакции, напуганных Кубинской революцией 1959 г., перейти в широкое контрнаступление во всей Латинской Америке и перехватить историческую инициативу у революционного движения.

Составными частями этого контрнаступления реакции в континентальном масштабе в последующие годы стали вторжение войск США и ряда реакционных режимов Латинской Америки в Доминиканскую Республику в 1965 г., реакционные перевороты в Аргентине (1966 г.), Боливии (1971 г.), Уругвае (1973 г.), свержение конституционного правительства Народного единства в Чили (1973 г.) и другие преступные акции проимпериалистических сил. Практически во всех перечисленных случаях широко использовался «бразильский опыт» 1964 г. С точки зрения империализма Бразилия вплоть до середины 70-х годов оставалась своего рода эталоном, образцом для подражания. Ее пример широко пропагандировался среди контрреволюционных сил Латинской Америки.

В 1964 г. в Бразилии было положено начало первой в Латинской Америке комплексной попытке последовательно осуществить контрреволюционную стратегию общественного развития — в экономическом, политическом, социальном и идеологическом планах. В обширной научной и политической литературе по

Бразилии эту попытку и применявшуюся в ее ходе методику ускоренного капиталистического развития часто называют «бразильской моделью развития», или просто «бразильской моделью». Для ее характеристики как общественного явления основополагающее значение имеют положения ленинской теории империализма (монополистического капитализма). «Монополии,— писал В. И. Ленин,— соответствует политическая реакция»⁴. Именно политическая реакционность, соответствующая потребностям государственно-монополистического этапа капиталистического развития, обусловила жестокое подавление не только революционных, но и всех демократических сил Бразилии после переворота, насаждение военно-полицейской диктатуры, крайне антидемократическое «лицо» этой модели развития в целом.

В то же время «бразильская модель» опиралась на объективные потребности развития капитализма в стране, обладала собственной социальной базой в лице проимпериалистических военных и гражданских кругов. «Модель» всецело пользовалась покровительством и активной поддержкой международных монополий. В конечном итоге насаждавшим ее кругам удалось за счет невероятных жертв и лишений бразильского народа добиться качественного «скачка» в развитии капитализма. Этот «скачок» произошел в 1968—1974 гг. и ознаменовался чрезвычайно высокими темпами развития экономики — 10—12% прироста в год. Он получил название «бразильского экономического чуда».

Сочетание черт крайней политической реакционности и экономической модернизации вызывает известные трудности и неизменно порождает дискуссии при анализе «бразильской модели». Многие буржуазные исследователи склонны абсолютизировать ее экономическую «прогрессивность», косвенно оправдывая тем самым и политическую сторону «модели» — режим жесткой военной диктатуры. С другой стороны, большинство латиноамериканских леворадикальных авторов недооценивают масштабы реально происшедших в Бразилии в годы военного правления серьезных экономических и социальных сдвигов*.

* «Бразильскому чуду» посвящена обширная литература. Но в 70-е годы, когда создавались эти работы, историческая дистанция до «чуда» была еще слишком незначительной, что не позволяло достаточно полно оценить его место в истории браз-

Надо сказать, что при всей кажущейся противоречивости сочетание черт «бразильской модели» отнюдь не является чем-то впервые возникшим, а, напротив, типично для переходных периодов капиталистического развития. Это сближает «бразильскую модель», в частности, с режимом предыдущего переходного периода в истории бразильского капитализма — годами незавершенной буржуазной революции начала 30-х годов нашего столетия и «нового государства» Варгаса (1937—1945). Кроме того, налицо типологическая близость со сходными явлениями в истории других стран, включая столыпинский период в развитии российского капитализма начала XX столетия.

Важно, однако, подчеркнуть, что типологическая близость отнюдь не означает идентичности. Режим 1964 г. формировался на фоне живого и достаточно близкого примера революционной социалистической альтернативы развития в лице Кубинской революции, как непосредственный противовес ей. Это предопределило гораздо более выраженную контрреволюционность всех его проявлений.

Переворот в Бразилии был осуществлен военными при поддержке довольно широкого и неоднородного социального блока, включавшего большую часть латифундистов и буржуазии. В последний момент к ним присоединилась значительная часть средних городских слоев и даже немалое число трудящихся. Однако гегемонию среди всех этих сил осуществляла как в ходе подготовки переворота, так и в особенности после него весьма узкая по составу, по организационно и идейно сплоченная элитарная группировка. Она представляла монополистический капитал, милитаристские круги, часть высшей госбюрократии и гражданской интеллектуальной управленческой верхушки — технократии. Ее представители взяли на себя непосредственные функции управления Бразилией после переворота 1964 года.

зильского капитализма. Совершенно справедливо разоблачая антинародный характер «чуда», бразильские и зарубежные авторы в основном подчеркивали его иллюзорность, временность и т. д., не давая принципиальной оценки реальным сдвигам в экономической и социальной структуре страны. Дискуссии о «чуде» затронули и нашу научную печать. См., например, материалы «круглых столов» в журнале «Латинская Америка» за 1976—1980 гг.

В основе политики этой группировки лежала особая, довольно цельная и последовательная идеология — так называемая доктрина национальной безопасности. Она сыграла важную роль в подготовке и теоретическом обосновании переворота. Затем — в еще большей степени — ее положения способствовали выработке стратегии развития Бразилии при новом режиме, формированию и эволюции его политической системы. Анализ доктрины национальной безопасности представляет интерес и по другой причине. Дело в том, что она активно использовалась не только в Бразилии. Доктрина национальной безопасности — это насаждавшаяся при прямом покровительстве империализма США международная идеология реакционных проимпериалистических милитаристских кругов, широко применявшаяся правящими кругами Латинской Америки — от Чили до Гватемалы — в борьбе против собственных народов.

Доктрина национальной безопасности строится на основе нескольких взаимосвязанных формализованных понятий. Прежде всего это специфическая трактовка самой национальной безопасности. В трудах бразильского «классика» доктрины генерала Голбери ду Коуту-э-Силвы она определяется как «степень гарантии жизненных целей нации»⁵, — постоянных и текущих. Под целями понимаются стратегический и тактический аспекты задач национального развития. Важнейшее место в их достижении, в обеспечении безопасности нации отводится «национальной власти», а в ней — государству, в особенности такому его институту, как армия. Национальная власть трактуется как «совокупность всех средств, которыми располагает нация для обеспечения безопасности и реализации национальных целей как внутри страны, так и на международной арене, невзирая на существующие антагонизмы»⁶. Их достижению служат также якобы «стоящие выше классовых и частных интересов» национальная политика и национальная стратегическая концепция, осуществляемые средствами национальной власти. Они реализуются в двух взаимосвязанных сферах: внутренней (экономической, политической, социальной) и внешней (политической, торговой, военно-стратегической). Соответственно условно выделяются внешний (геополитический) и внутренний аспекты доктрины национальной безопасности.

Человеку, впервые сталкивающемуся с приведенной терминологией, прежде всего бросаются в глаза ее подчеркнуто-националистическая окрашенность, кажущаяся политическая «нейтральность», «надклассовость» и наукообразность. Все эти черты обманчивы. Здесь нет ничего латиноамериканского. Терминологическая сторона доктрины национальной безопасности практически полностью заимствована у реакционнейших течений общественно-политической мысли Западной Европы конца XIX — начала XX в., в частности германской геополитической школы, послужившей источником гитлеровской геополитики 30-х годов. Современные военно-авторитарные режимы Латинской Америки также вкладывают в приведенные формализованные националистические схемы сугубо реакционное, проимпериалистическое содержание. Не случайно здесь и обилие военных терминов, поскольку доктрина национальной безопасности — это военная стратегия «внутренней войны» милитаристских кругов против собственных народов, первым «полигоном» для которой на континенте послужила именно Бразилия.

Уже вскоре после переворота 1964 года в официальных документах пришедшего к власти режима довольно ясно проступил политический смысл его идеологии. Первый военный президент У. Кастело Бранко (1964—1967) официально интерпретировал национальную безопасность как глобальную оборону всех институтов, в том числе и «защиту от внутренней агрессии, выраженной в проникновении и распространении враждебной идеологии или партизанском движении. Ныне они являются более возможными формами конфликта, чем внешнее вторжение»¹. Это определение содержит чрезвычайно характерное для мировоззрения бразильских проимпериалистических кругов осознание неотделимости успешного, с их точки зрения, развития от безопасности. Под последней совершенно однозначно понималось жесткое подавление «внутреннего противника», в первую очередь революционного рабочего движения. Достигнутое в результате такой политики «разгораживание» экономического развития и классовой политической борьбы рассматривалось новыми правителями Бразилии как важнейшее условие успеха их «модели».

Взаимосвязь безопасности и развития — это своего рода стержень идеологии правящих кругов Бразилии

после 1964 г. Не случайно ее официальное наименование — доктрина национальной безопасности и развития. Представляют интерес некоторые страницы истории бразильского варианта доктрины национальной безопасности. Хотя становление этой идеологии как системы понятий в Бразилии относится к концу 40-х — началу 50-х годов; ее исторические корни уходят глубже — в позитивистскую концепцию государства, разработанную еще в конце XIX в. видным бразильским политическим деятелем и философом Б. Констаном * и его приверженцами, в геополитические идеи бразильских эпигонов германской школы⁸. Эти идеи более непосредственно связаны с особым, так называемым национал-авторитаристским мировоззрением оформившегося на рубеже 20-х и 30-х годов правого крыла мелкобуржуазного антиолигархического движения тенентистов. Его представители в 30-е годы приняли активнейшее участие в выработке правонационалистической идеологии и антидемократического политического курса «нового государства».

Уже в то время, наряду с национализмом, для правых тенентистов были характерны стремление к экономической модернизации, абсолютизация роли государственных институтов, в первую очередь армии, в достижении «национального величия». Им были свойственны своеобразный формальный конституционализм, «легализм», а также немалая доля социального консерватизма. Последний включал стремление к жесткому контролю над участием масс в политике как условию успешного экономического развития. Здесь можно сослаться на авторитетное мнение бразильского исследователя идеологии этой части тенентистов Ж. А. Риоса, подчеркнувшего их консерватизм и культ технократии: «Они предпочитают технического специалиста... который обращается к ним с проектами национального спасения, выраженными в формулах и планах»⁹.

Во второй половине 40-х годов под влиянием в основном двух факторов: активно нарождавшихся в нед-

---

* Констан Бенжамин (1838—1891) — бразильский государственный и политический деятель, известный философ-позитивист. Один из организаторов свержения монархии и установления республики в Бразилии в 1889 г. Свои взгляды на проблемы государственного устройства изложил в ряде печатных работ.

рах бразильского капитализма империалистических тенденций и американской антикоммунистической идеологии «холодной войны» — в мировоззрении многих тенентистов произошел существенный сдвиг. Здесь нам придется сделать небольшое отступление.

В 1944 г. Бразилия, вступившая во вторую мировую войну на стороне союзников, направила на европейский театр военных действий свой экспедиционный корпус. Подавляющее большинство его офицеров составляли бывшие тенентисты. В Италии бразильские войска сражались совместно с частями армии США. По окончании войны эти побывавшие в Европе бразильские офицеры получили приглашение Белого дома пройти стажировку в американских военных учебных заведениях. Как в ходе войны, так и во время довольно продолжительного обучения в Соединенных Штатах они наглядно убедились в огромном техническом превосходстве США над отсталой тогда Бразилией. Преклонение перед достижениями американской техники оказалось благоприятной почвой и для внедрения антикоммунистической идеологии «холодной войны». Вернувшись домой, эти бразильские офицеры составили первоначальное ядро приверженцев доктрины национальной безопасности, сохранив и в дальнейшем прочные связи с американскими военными и политическими кругами.

Прежние националистические взгляды, согласно которым лишь на основе сильной «национальной» (надклассовой) власти государства, обеспечивающей ускоренное экономическое развитие, возможны процветание нации, ее безопасность, территориальная и социальная консолидация, — причудливо переплелись в сознании бывших тенентистов с заимствованными в США положениями из арсенала «холодной войны»*. В результате эта военная группировка стала прямо связывать национальное величие Бразилии с ходом и результатами якобы ведущейся в мире «тотальной войны христианского Запада с атеистическим коммунизмом». В силу множества причин географического, исторического, религиозного и культурного порядка

* Из этого, однако, вовсе не следует, как считают ряд зарубежных авторов (Ж. Комблен, Г. Ачондо, А. Кавалья Рохас), что доктрина национальной безопасности была полностью импортирована ими в Бразилию из США. Такая точка зрения — явное упрощение.

Бразилии они отводили место в «идеологических границах» Запада.

Иначе говоря, идеи «холодной войны», сформулированные в США такими видными идеологами империализма, как У. Липпман, Х. Моргантау, Р. Страус-Хюпе и др., позволили достаточно четко совместить национализм с проимпериалистической политической ориентацией, изменив акценты в его трактовке. Формировавшаяся на основе правого крыла тенентистов новая военно-технократическая элита Бразилии сохранила национализм в качестве связующего звена своей идеологии, но уже в новой интерпретации — как синоним антикоммунизма. Это, безусловно, устраивало и США, поскольку вполне вписывалось в рамки координируемой ими единой империалистической геополитической концепции «атлантизма». Утешением же в ней для националистических устремлений бразильских военных должна была служить отведенная Бразилии, выражаясь на жаргоне сторонников доктрины национальной безопасности, роль второго, вслед за США, геополитического «центра силы» Западного полушария. Этим в какой-то мере «узаконивались» их великодержавные притязания.

Непосредственным толчком к объединению всех этих разрозненных идей и положений в единую и достаточно стройную теорию послужило создание в 1949 г. Высшей военной школы Бразилии (ВВШ). Она стала «мозговым центром» военно-технократической группировки в бразильской армии (отсюда — широко применяемое по отношению к ВВШ наименование «Сорбонна»). ВВШ сыграла чрезвычайно важную роль в подготовке высших управленческих кадров, «элиты» для будущего «государства национальной безопасности», о котором мечтали ее создатели. В стенах Школы осуществлялись и контакты военных и гражданских сторонников доктрины национальной безопасности. Впоследствии они совместно разрабатывали и осуществляли стратегию военного режима.

Стремление обеспечить «скачок» в капиталистическом развитии Бразилии было ярко выражено в мировоззрении главных теоретиков ВВШ генералов У. Кастело Бранко, О. Кордейро де Фариаса, Ж. Таворы, Голберы уже в 40-е годы. «Скачок» рассматривался ими как неперемненное условие модернизации хозяйственных и политических структур на пути к

национальному величию. Выступая за укрепление государственной власти, за устранение препятствий на пути капиталистического развития, идеологи ВВШ в то же время всегда отвергали «иррациональный национализм» предшествовавших перевороту 1964 года правительств — от Варгаса до Гуларта, — претендовавших на роль «народных вождей». Они были сторонниками экономического прагматизма, который понимали как тесный союз с иностранным капиталом. Отсюда — и враждебное отношение к националистическим экономическим реформам. Так, уже в 1948 г., в момент наивысшего подъема националистических настроений среди бразильских военных, будущий начальник ВВШ Ж. Тавора, выступая во влиятельном Военном клубе Рио-де-Жанейро, призывал «гармонично сочетать» национальные и иностранные интересы¹⁰. Основатели ВВШ выступали и за проамериканскую ориентацию внешней политики Бразилии.

В 50-е годы доктрина национальной безопасности оформилась в стенах ВВШ в цельную систему идеологических приоритетов. Многоцелевой характер, сочетание амбициозной геополитической концепции с экономическим модернизаторством и социальным консерватизмом позволили ей претендовать на роль связующего звена между верхушкой вооруженных сил и интересами различных группировок буржуазии. Руководство ВВШ в этот период уделяло внимание отнюдь не академическим задачам. В Школе разрабатывались теоретические основы нового, «более рационального» государственного устройства Бразилии под властью военных, готовились кадры будущей военно-технической элиты.

Сплоченность, идеологическое единство выпускников ВВШ во многом предопределили гегемонию именно этой группировки в пестром спектре сил бразильской контрреволюции 1964 года. Точные цифровые данные позволяют оценить «вес» питомцев ВВШ в осуществлении переворота: 60% генералов, принявших в нем активное участие, в свое время обучались в Школе.

Следует учитывать, что уже к 1962 г. 80% вновь произведенных бразильских генералов являлись выпускниками ВВШ. К 1964 г. через нее прошли $\frac{2}{3}$ всех генералов, находящихся на действительной службе¹¹. Весьма показательно замечание известного американ-

ского исследователя Р. Шнейдера об этом периоде: «Генерал, не прошедший через ВВШ, стал почти такой же редкостью, как одноногий футболист»¹². К середине 60-х годов среди выпускников школы насчитывалось 599 военных высших рангов, 200 высокопоставленных служащих министерств, видные адвокаты, парламентские деятели, журналисты. Это позволяет объяснить решающую роль ВВШ в определении нового политического курса непосредственно после переворота, поддержку данной группировки крупным капиталом. Вполне закономерно, что и первое после захвата власти военное правительство Кастело Бранко состояло на 90% из военных и гражданских деятелей, тесно связанных с ВВШ¹³.

Однако гегемония «сорбонцев» в лагере бразильской контрреволюции не была безоговорочной. Дело в том, что, хотя они и занимали большинство ключевых государственных постов, их было слишком мало, чтобы контролировать армию в целом. Этому способствовал и чрезвычайно элитарный, узкий характер их доктрины, которая мало затрагивала средние и низшие звенья офицерского корпуса, не говоря уже об остальной армии. Являясь идеологией правящей группировки, доктрина национальной безопасности неизбежно должна была вступить во взаимодействие с другими идейными течениями. Это предопределило ее дальнейшую эволюцию, тесно связанную с эволюцией самого военного режима.

Ставя перед собой масштабные задачи перестройки жизни страны в целом, представители группировки ВВШ, захватившие власть после переворота, готовились к их выполнению заранее, разработав программу неотложных мер по выводу Бразилии из кризиса, в который, по их мнению, она попала по вине «безответственных политиканов и коммунистических агентов». Эти меры касались главным образом экономики и были направлены прежде всего на обеспечение скорейшего накопления средств для ускоренного капиталистического развития за счет снижения заработной платы и жизненного уровня трудящихся, привлечения иностранного капитала на самых льготных для него условиях. Военные понимали, что для осуществления такого курса на практике нужна жесткая система управления страной. Важнейшие противодействующие их политике факторы — рабочее и профсоюзное движе-

ние, оппозиционные партии, любое проявление недовольства — исключались из игры политических сил. Руководствуясь этим, правящая группировка приступила к перестройке политической системы Бразилии.

Изменения в механизме власти были зафиксированы уже в первом законодательном документе нового режима — так называемом Институционном акте № 1, изданном 9 апреля 1964 г. Военное командование от имени «революционных сил», совершивших переворот, провозгласило свое «право» создавать правительство и издавать законы, необходимые для «реконструкции страны». Было приостановлено действие конституции; конгрессу предписывалось избрать нового президента страны путем открытого голосования. На время действия Институционного акта № 1 президент наделялся чрезвычайными полномочиями, в частности получал возможность лишать парламентских мандатов и политических прав любых граждан сроком на 10 лет¹⁴. Первые списки репрессированных были опубликованы в начале апреля и включали 3 бывших президентов страны, 6 губернаторов штатов и более 50 парламентариев¹⁵. Серьезной чистке подверглись армия, студенческие организации, профсоюзы; большие потери понесла компартия. В дальнейшем практика издания институционных актов — чрезвычайных законов, приравняемых к конституции, стала основным законодательным инструментом военных правительств. Их проводниками на местах стали назначаемые непосредственно президентом интервенторы — обладающие широкими полномочиями наместники, как правило, из числа старших офицеров. Введение в действие механизма чрезвычайного законодательства означало концентрацию в руках военных законодательной и исполнительной власти, что коренным образом меняло характер политической системы страны. Решительно перестраивая ее, военные лидеры нового режима считали, что выполняют предназначенную им особую функцию «гаранта порядка и прогресса», все больше входили в роль «вершителей национальных судеб». Вмешательство военных в политику рассматривалось ими на том этапе как вынужденная мера — движение за «восстановление дисциплины, иерархии, моральных ценностей, частной собственности, демократических свобод, общественного, экономического и финансового порядка, конституционной власти»¹⁶.

Все эти цели, сформулированные еще в ходе переворота, потребовали серьезных изменений не только в механизме управления, но и в составе самого правящего социального блока. Хорошо сознававшаяся военно-монополистической верхушкой нового режима его социальная значимость проявилась, в частности, в решительном отстранении от рычагов политической власти традиционных для Бразилии политиков-профессионалов типа известного правонационалистического лидера А. де Барроса — одного из видных организаторов переворота или губернатора стратегически важного штата Гуанабара К. Ласерды, считавшегося основным претендентом на президентское кресло среди правых гражданских политических деятелей. Несмотря на «заслуги» в качестве вдохновителей переворота и на не вызывающую сомнений контрреволюционность, они плохо вписывались в провозглашенный новым режимом «рационально-модернизаторский, очищающий» курс, который военные противопоставляли «иррациональному национализму» и управленческой неэффективности популистских правительств. Эти политики были слишком тесно связаны с экономическими интересами бразильской национальной буржуазии, с прежней партийно-политической системой, олицетворяя ее продажность, процветавшую при прежних правительствах пустопорожнюю парламентскую болтовню и демагогию, ставшие одними из главных пропагандистских «мишеней» нового режима в процессе его становления. Все они были сразу же отброшены новой правящей верхушкой.

Не меньшее разочарование ожидало и основную массу средней и мелкой бразильской буржуазии, городские средние слои, активно выступавшие против правительства Гуларта и первоначально поддерживавшие переворот. Вместо ожидавшейся нормализации политической жизни в рамках буржуазной демократии сразу же после «чистки» общества от «подрывных элементов» все они были лишены своих традиционных — главным образом парламентских — средств политического самовыражения и надолго оказались «за бортом» активной политической жизни. Подобным же образом оказалась не у дел и основная часть старой госбюрократии. Исключение составила ее наиболее динамичная проимпериалистическая прослойка, ориентировавшаяся уже в начале 60-х годов не на существовавшую политическую систему, а на монополистический капитал. Роль

этих элементов, тесно связанных с новым режимом, резко возросла.

Что касается также входивших в состав прежнего правящего блока помещиков-латифундистов, то для них как класса установление военной диктатуры означало еще один шаг по пути утраты и без того уже пошатнувшегося влияния на центральный аппарат государственной власти. В то же время политика военного режима была направлена не на ликвидацию латифундий, а на их постепенное превращение в современные крупные капиталистические хозяйства промышленного типа с сохранением влияния латифундистов на местах. Выдвинутая военными вскоре после переворота программа частичной аграрной реформы была направлена именно на такое преобразование латифундий. Кроме того, ставилась задача привлечь на сторону новой власти мелких земельных собственников, способствовать созданию опоры развитию капиталистических отношений на селе путем укрепления кулаческой прослойки.

Таким образом, подобно тому как приход к власти в 30-е годы Варгаса знаменовал утрату традиционными слоями «кофейной» олигархии монополии на государственную власть, переворот 1964 года в рамках навязанной Бразилии проимпериалистическими кругами стратегии развития «отодвинул» на задний план политической жизни большую часть социальных «верхов» периода представительной демократии. Речь идет не об уничтожении или поглощении, а именно о временном отстранении (причем в некоторых случаях с их прямого согласия) от принятия политических решений тех слоев господствующих классов, которые не могли соответствовать осознанным новой правящей верхушкой задачам и потребностям нового переходного периода в капиталистическом развитии Бразилии. Несмотря на подобные «издержки» военной диктатуры, господствующие классы в целом сочли выход военных на политическую сцену надежной гарантией поддержания буржуазных порядков и своих классовых привилегий. Кроме того, режим освобождал их от выполнения малопривлекательных репрессивных функций по отношению к рабочему движению и демократическим силам. За «классовый мир» и «социальное спокойствие» (кладбищенские мир и спокойствие, установленные военными путем террора и репрессий) буржуазия была готова

заплатить высокую цену — временно отказаться от непосредственного участия в принятии политических решений.

Относительно безболезненное, не вызвавшее серьезного сопротивления отстранение от активной политической жизни значительных буржуазных слоев было обусловлено и некоторыми «субъективными» особенностями бразильской буржуазии как класса. Известный социолог Ф. Э. Кардозо отмечал незрелость, разншерстность, слабое классовое самосознание бразильской буржуазии. Это сказалось на формах ее политического самовыражения, вызывало неустойчивость, противоречивость, резкие политические колебания в зависимости от изменений экономической конъюнктуры¹⁷. Этим в значительной мере объясняется, почему напуганная в начале 60-х годов угрозой революционной ситуации бразильская средняя и мелкая буржуазия так легко отказалась после переворота от активной политической роли в обмен на гарантии социальной стабильности со стороны военных.

Что касается крупного национального капитала, то для него «отказ» от участия в политике был осознанным и соответствовал долгосрочным классовым интересам. Он позволял переложить на плечи военных ответственность за репрессии, разгром институтов представительной демократии, обнищание широких народных масс и другие негативные последствия «бразильской модели» ускоренного капиталистического развития, оставляя предпринимательским кругам большую свободу политического маневрирования в будущем.

Необходимо подчеркнуть, что представители частного, прежде всего монополистического, тесно связанного с международными корпорациями, капитала встретили «жесткую» политику военных с пониманием и одобрением, видя в их крепнущей централизованной власти гарантию социальной стабильности, укрепления и модернизации капиталистической системы в стране. Действуя непосредственно в интересах монополистической буржуазии, ущемляя значительные немонаполистические буржуазные слои, правящая верхушка военного режима выражала объективные потребности развития бразильского капитализма как системы, а следовательно, и буржуазии как класса. На протяжении всего периода открытой военной диктатуры — вплоть до середины 70-х годов — она целенаправленно

перестраивала «сверху» базис бразильского капитализма на государственно-монополистический лад.

Фактически отстранив от управления страной профессиональных политиков и связанную с ними «старую» бюрократию, снизив до минимума влияние парламентских институтов власти — традиционного канала политического влияния национальной буржуазии, военные привлекли к управленческим функциям новую для Бразилии общественную группу. Это были высокообразованные и идейно близкие к военным — сторонникам доктрины национальной безопасности — гражданские специалисты в области экономики, планирования, финансов — так называемые технократы. Обладая сходной с группировкой ВВШ проимпериалистической идеологией, будучи тесно связаны с международными монополиями, технократы не просто отвергали экономический курс правительства Ж. Гуларта. По словам известного бразильского социолога Кандидо Мендеса, эти деятели после краха популизма были способны «создать новую и стабильную альтернативу развития»¹⁸. Их концепции, как правило, основывались на признании определяющей роли частного — прежде всего иностранного — капитала в процессе ускоренного экономического роста. Они считали, говоря словами одного из наиболее влиятельных представителей этой группировки, А. Делфина Нето, что «Бразилия превратится в развитую страну главным образом с помощью частного сектора»¹⁹. Подобно военным, технократы выступали за осуществление этой задачи ценой любых жертв и репрессий. Они отнюдь не отрицали и роли государства в экономическом развитии. Но в отличие от определявших экономическую политику прежних правительств националистически и реформистски настроенных экономистов О. Ианни, С. Фуртадо и других, считавших государство основной силой развития, способной защитить национальную экономику от посягательств иностранных монополий, технократы приветствовали вмешательство государства в экономику лишь в той мере, в какой это было необходимо и полезно частному капиталу. По сути, они стремились использовать государство в качестве крупнейшего вкладчика и предпринимателя, планирующего и программирующего учреждения, действующего в интересах иностранных концернов и их бразильских партнеров — крупной монополистической буржуазии.

Суть совместного курса военных и технократов после переворота емко и довольно цинично выразил один из видных гражданских деятелей режима, впоследствии признанный «творцом бразильского чуда» — Роберто Кампос, занимавший министерские посты в ряде военных правительств. Он писал: «С 1964 г. Бразилией управляет союз военных и технократов, причем профессиональные политики были временно отодвинуты на второй план. Кажется уже несомненным, что история сочтет этот союз не обязательно святым, но, во всяком случае, очень полезным в свете двух неоспоримых плодов — политической устойчивости и экономического развития. Только бы так продолжалось...»²⁰.

Механизм властвования новых правителей Бразилии во многом отличался от привычных методов буржуазного господства. В условиях преодоления кризиса власти, социально-политической нестабильности начала 60-х годов, ускоренного капиталистического развития, в интересах которого было необходимо быстрое и жестокое подавление классового сопротивления трудящихся, государство после переворота приобрело гораздо большую, чем раньше, автономию по отношению к различным фракциям господствующих классов. «Не утратив своей роли инструмента осуществления господства капитала, государство,— отмечал бразильский исследователь Гидо Мантега,— приобрело характер независимого бюрократического аппарата, требующего определенной автономии...»²¹ Власть оказалась сконцентрированной в руках узкой группы военных, высших бюрократов и гражданских технократов. Налицо была сильная милитаризация всей структуры управления страной.

Следует учитывать и то, что, в отличие от прежней партийно-политической верхушки, тесно связанной — что было общеизвестно — с интересами определенных региональных экономических групп крупного капитала Сан-Паулу («паулисты»), штата Минас-Жерайс («минейрос»), Риу-Гранди-ду-Сул («гаушо»), экономические связи новой бразильской элиты были, во всяком случае поначалу, гораздо менее явными.

Созданный в Бразилии после переворота механизм власти основывался на своеобразной «политической сделке» между теми, кто принимал решения в экономической сфере, и теми, кто защищал их, т. е. между технократами и военными. К этому альянсу, вся дея-

тельность которого была направлена против интересов бразильских трудящихся, не были непосредственно допущены представители национальной буржуазии. Это закладывало в основание создаваемой военно-технократическим альянсом «модели» развития своего рода «бомбу замедленного действия», грозило при любом сбое в механизмах ускоренного капиталистического развития (при одновременном жестком подавлении сопротивления трудящихся) лишить «бразильскую модель» равновесия.

По мере становления режима более четко определилось «распределение ролей» между партнерами по пришедшему к власти социальному блоку. Военные взяли на себя роль вооруженного гаранта, отчасти исполнителя программ капиталистической модернизации, а также основной репрессивной силы по отношению к противникам режима. На долю технократических и бюрократических элементов пришлось обязательности «мозгового центра», задачи планирования и — совместно с военными — осуществления «модели». Однако это «разделение труда» нельзя абсолютизировать, поскольку с первых дней существования режима началось сращивание, взаимопроникновение интересов партнеров по правящему социальному блоку. Оно завершилось к концу 60-х годов созданием достаточно цельной и единой военно-технократической верхушки Бразилии.

Эволюция политической системы режима, призванной обеспечить оптимальные условия для взаимодействия основных экономических «центров силы»: государства, международного монополистического капитала и связанной (ассоциированной) с ним крупной местной буржуазии, — продолжалась при всех сменявших друг друга военных правительствах.

1964—1968:

**фундамент «экономического чуда»
или смиренная рубашка
для страны?**

Что представляла собой Бразилия в начале 60-х годов? Крупнейшая страна Латинской Америки с почти 80-миллионным населением по многим показателям уже тогда могла равняться со среднеразвитыми капиталистическими странами, являясь аграрно-индустриальной

державой с огромными потенциальными возможностями: валовой национальный продукт достиг 50 млрд. долл., темпы роста промышленности значительно опережали рост экономики в целом, собственная тяжелая индустрия могла обеспечить $\frac{3}{4}$ внутреннего спроса. На огромных предприятиях ряда штатов трудились тысячи квалифицированных рабочих: пролетариат к началу 60-х годов составлял уже более $\frac{1}{3}$ всех лиц наемного труда. Наряду с традиционными изделиями бразильская промышленность выпускала современную продукцию, в том числе сложные станки, электроприборы, генераторы для мощных турбин, морские и речные суда, автомобили, тракторы, синтетический каучук и многое другое. Бразилия экспортировала изделия как легкой, так и тяжелой промышленности: 35% произведенных там токарных станков шло на экспорт, а по вывозу обуви страна занимала четвертое место в мире.

Однако бразильская экономика страдала многими хроническими заболеваниями. Тормозом развития являлся латифундизм, инфляция достигла к 1964 г. 80%, высок был уровень безработицы. Многие отрасли промышленности попали в полное подчинение иностранных фирм, постоянно рос внешний долг. Снизилась в начале 60-х годов и показатели экономического роста.

Придя к власти, военные, замалчивая глубинные причины кризиса, обвинили во всех бедах свергнутое правительство Ж. Гуларта, «безответственных политиков», которые якобы не пресекли галопирующую инфляцию, анархию в области заработной платы, подрывную деятельность профсоюзов и коммунистов. Играя на чувствах обывателей, ожидавших от новой власти восстановления твердого порядка, военные объявили своей целью «оздоровление» экономики и финансов, «уничтожение коммунистического нарыва», который «заразил» всю страну, включая и ее высшие административные органы.

Наиболее четко планы первого военного правительства в экономической области были сформулированы министром планирования Роберто Кампосом, подготовившим Программу экономической деятельности правительства на 1964—1966 гг. Программа предусматривала достижение 6% среднегодовых темпов экономического роста, существенное снижение инфляции, выравнивание уровней развития отдельных регионов,

решение вопроса о занятости рабочей силы. Методы же решения этих насущных задач наносили удар прежде всего по нуждам трудящихся — всех, кто живет на зарплату, а также ущемляли интересы национальных предпринимателей. Главной целью провозглашалась необходимость добиться замораживания заработной платы, составлявшей, по мнению министра, слишком высокую долю в валовом национальном продукте. Планировалось также резко сократить государственные расходы, значительно повысить налоги, урезать кредиты национальным предприятиям.

Особо превозносился в программе такой способ накопления средств для развития, как привлечение иностранного капитала. Стимулировать это предполагалось ликвидацией закона об ограничении вывоза за границу прибылей иностранных фирм. Иначе говоря, речь шла о стандартном наборе экономических «рецептов», вплоть до настоящего времени широко рекламируемых Международным валютным фондом (МВФ) и другими международными финансовыми агентствами.

Правительственная программа фактически начала приводиться в исполнение сразу же после переворота: 7 апреля 1964 г. были объявлены недействительными все последние декреты Ж. Гуларта — в частности, и закон о государственной монополии на вывоз нефти. В июле 1964 г. правительство отменило декрет об ограничении перевода прибылей за границу. Частные владельцы, в том числе иностранные, получили возможность приобрести нефтеперерабатывающие заводы, морскую транспортную компанию «Ллойд бразилейро», а также государственную компанию «Фабрика пасионал де моторес» — ядро бразильского грузового автомобилестроения.

При новом правительстве большие политические, военно-стратегические и экономические привилегии получили США. Их специалисты стали пользоваться правом неограниченной аэрофотосъемки бразильской территории, что давало американскому бизнесу ценные сведения о залегании бразильских рудных богатств. Американская корпорация «Хэнна Майнинг» добилась наконец того, в чем ей отказывало правительство Ж. Гуларта, — концессии на добычу «самой чистой в мире железной руды» на крупнейшем бразильском месторождении. Однако и этого «Хэнне» показалось недостаточно: попирая суверенитет страны, компания по-

требовала разрешения на строительство собственного порта для бесконтрольного вывоза руды. После того как посол США в Бразилии Линкольн Гордон, причастный к перевороту 1964 года, намекнул, что от положительного решения этого вопроса будет зависеть и перспектива получения американских займов новым правительством, президент Кастело Бранко подписал соответствующий декрет, вызвавший бурное недовольство бразильской общественности. Еще более позорными были уступки Вашингтону бразильской стороной в военной области: так, в мае 1964 г. послушный парламент Бразилии одобрил соглашение, лишавшее суверенную страну права прибегать к военному сотрудничеству с другими государствами, помимо США. Это фактически означало контроль иностранной державы над вооруженными силами Бразилии.

Чем же объяснить столь поспешные и щедрые дары американскому империализму? В этом вопросе необходимо разобраться, так как он является ключевым для понимания дальнейшего курса бразильского военного режима.

Прежде всего необходимо учитывать, что уже на первом этапе существования режима военными были приняты основные решения, которые легли затем в основу их политической и экономической стратегии — «бразильской модели». И хотя окончательно эта стратегия еще не была сформулирована, главные ее социально-экономические черты уже явно проступали. Финансирование всех планов экономической модернизации планировалось за счет двух основных источников — поступлений от сверхэксплуатации трудящихся и иностранного капитала. Теоретики «модели» утверждали, что внешние займы помогут избежать тяжких страданий населения, особенно беднейшего. Обычно эти явления сопутствуют ускорению темпов накопления капитала в развивающейся стране. Непрерывное поступление внешних кредитов и инвестиций, по их мнению, было бы «исключительно выгодно» для Бразилии, так как нехватка валюты сковывала возможности роста страны.

К такому выводу руководителей режима и его теоретиков-технократов энергично подталкивали те, кто действительно мог рассчитывать на выгоду и на огромные барышни, — представители международного монополистического капитала, прежде всего американского.

Бразилия, богатейшая страна Южной Америки, с давних пор привлекала внимание империализма США: еще в 50-е годы 50% иностранных капиталовложений в экономику Бразилии были американскими, доля США в экспорте страны достигала 43%, а в импорте — 52%¹. В такой ситуации стремление к экономической самостоятельности со стороны правительства Ж. Гуларта крайне беспокоило иностранных вкладчиков и правительство США. Особенно не понравился Вашингтону курс Ж. Гуларта на расширение контактов, в том числе экономических, с социалистическими странами, включая СССР и Кубу, а также заявления о невмешательстве в кубинские дела, о праве кубинского народа самому решать свою судьбу. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» предупреждала: «Если мы потеряем Бразилию, этого гиганта Латинской Америки, мы окажемся перед возможностью потерять весь континент с вложенными в него миллиардами долларов...»².

Большое значение для США имела также стратегическая концепция бразильских лидеров: Вашингтону не нравились проявления «своеволия» в позиции Ж. Гуларта и очень импонировала теория мятежных генералов о «взаимозависимости Бразилии и стран западной цивилизации», ведущих во главе с США «борьбу с коммунистической агрессией». Для проведения новым режимом курса, наиболее соответствовавшего этой концепции, немаловажное значение имел и субъективный фактор — в частности, выдвижение нужной кандидатуры руководителя военного режима. Появление в этой роли почти неизвестного широкой общественности генерала Умберто де Аленкара Кастело Бранко, начальника генерального штаба сухопутных сил, показалось большинству бразильцев неожиданным. Однако высшим военным, некоторым предпринимателям, а также американским наблюдателям он был хорошо знаком: еще в годы учебы Кастело Бранко, горячий сторонник технократических теорий, завязал многочисленные связи в офицерских кругах, которые значительно расширились во время стажировки в США, а также в период руководства рядом престижных военных учебных центров. Еще больше возможностей установить контакты с представителями армейского командования Кастело Бранко получил накануне переворота, став начальником генерального штаба сухопутных войск. Президента украшали лавры героя

«итальянской кампании» — в качестве начальника штаба бразильского экспедиционного корпуса, сражавшегося в Италии в конце второй мировой войны совместно с армией США, он участвовал в освобождении юга Европы от фашизма. Еще с тех пор Кастело Бранко сохранял тесные дружеские отношения с американскими офицерами. Наиболее прочные узы связывали его с Верноном Уолтерсом, личным переводчиком генерала Эйзенхауэра в годы войны, в 1964 г. служившим военным атташе при посольстве США в Бразилии, а впоследствии ставшим заместителем директора ЦРУ*. Примечательная деталь: сразу же после переворота 1964 года В. Уолтерс, произведенный из полковников в генералы, стал главным советником при президенте Кастело Бранко, получившем тогда же в «ознаменование заслуг» звание маршала.

Все эти обстоятельства не были известны общественности, газеты сообщили лишь о том, что группа генералов и губернаторов бразильских штатов предложила кандидатуру Кастело Бранко в качестве «руководителя нации, который будет трудиться на благо народа». Этот шаг группировка, захватившая бразды правления страной, решила оформить голосованием в Национальном конгрессе, предварительно очищенном от «подозрительных элементов». В результате этой чистки пострадало около 10% депутатов. Голосование было открытым и поименным, ни один парламентарий не осмелился высказаться против. Однако провести запланированные на 1965 г. общенациональные выборы президента военные не решились: оппозиционные настроения были сильны. Вследствие этого мандат Кастело Бранко был продлен до марта 1967 г.

Первое военное правительство руководило страной посредством чрезвычайных законов, принимавшихся без обсуждения конгрессом, что означало концентрацию в руках военных как законодательной, так и исполнительной власти. Проводниками политики нового режима на местах стали его полновластные представители — интервенты, назначавшиеся, как правило, из числа офицеров. Уже на первом этапе своей деятельности правящая группировка уделила первоочередное внимание формированию новой партийно-политиче-

---

* Ныне В. Уолтерс — официальный представитель США в Организации Объединенных Наций.

ской структуры. Это не было случайным: в сентябре 1965 г. предстояли выборы губернаторов штатов. Военные не желали рисковать и постарались заблаговременно подчинить партии и выборы жесткому контролю государства. Тем не менее в ряде штатов, в том числе в таких ключевых, как Гуанабара и Минас-Жерайс, победили представители Социал-демократической партии, выступившие с позиций буржуазной оппозиции военному режиму.

Эта открытая демонстрация недовольства политической военных серьезно обеспокоила представителей так называемой «жесткой линии» — крайне правой группировки в армейском руководстве. Они потребовали от Кастело Бранко аннулировать результаты выборов в тех штатах, где победила оппозиция. Правительство оказалось как бы между двух огней: с одной стороны, под угрозой находилось единство армии, с другой — налицо было недовольство гражданских кругов, в том числе тех, которые первоначально поддерживали военных в их стремлении подавить рабочее движение и демократические силы, покончить с национал-реформистским курсом предыдущего правительства.

В этой ситуации правительство Кастело Бранко поддалось нажиму ультраправых и предприняло наступление на последние остатки буржуазной представительной демократии. Внутриполитический кризис 1965 г. завершился изданием в октябре Институционального акта № 2, ликвидировавшего все прежние партии. Коренным образом была изменена система избрания президента страны: традиционное всеобщее прямое тайное голосование заменялось открытым голосованием коллегии выборщиков, составленной в основном из депутатов Национального конгресса. Принятый в феврале 1966 г. Институциональный акт № 3 отменил прямые выборы губернаторов штатов и ограничил выборы префектов (мэров) столиц штатов.

Жесткие меры в отношении буржуазно-демократических институтов соответствовали стремлению режима сосредоточить в руках военных всю полноту власти, свести к минимуму влияние на ход событий каких бы то ни было гражданских политических сил. Институциональный акт № 2 означал, в сущности, ликвидацию партийно-политической структуры буржуазной демократии. При президенте У. Кастело Бранко вмешательство военных в политику преподносилось как вынужден-

ная мера, направленная якобы на восстановление дисциплины, моральных ценностей, частной собственности, демократических свобод, общественного, экономического и финансового порядка, конституционной власти. Но, по мере того как бразильские военные входили в роль «вершителей национальных судеб», задачи по обеспечению национальной безопасности все чаще решались методами репрессий. При этом ставилась цель не только уничтожить рабочее движение, компартию, но и покончить с любой оппозицией, в том числе и с буржуазной.

В результате той социальной политики, которую начала энергично осуществлять военная диктатура, рабочий класс и все трудящиеся лишились важных завоеваний, достигнутых в упорной борьбе с капиталом. Значительным изменениям подверглось трудовое законодательство. В числе первых был принят закон, запрещающий политические стачки и забастовки солидарности. В 1965 г. последовал декрет, запрещающий предпринимателям повышать заработную плату сверх установленной законом нормы, вводить любые льготы, не предусмотренные общим законодательством. В 1966 г. был ликвидирован действовавший с 1935 г. закон о гарантии занятости после 10 лет непрерывной работы на предприятии. Жесткая регламентация трудовых конфликтов практически лишила рабочий класс таких эффективных форм экономической борьбы, как забастовка и коллективный договор. Профсоюзное движение оказалось в полном подчинении министерства труда, которое могло упразднить любой профсоюз, распустить его руководящие органы, не допускать к руководству «неудобных» кандидатов, даже если они избраны в соответствии с законом.

Таким образом, первый этап деятельности военных в политической сфере проходил под знаком ликвидации всего того, что служило или могло послужить препятствием вынашиваемым военно-технократической правящей группировкой планам капиталистической модернизации. «Чистка» общества, подавление рабочего движения, слом прежних политических институтов и традиций напомнили о временах «нового государства» с его диктаторскими методами и корпоративизмом. Однако последующие шаги правительства Кастело Бранко свидетельствовали о нежелании правящей группировки открыто идти на установление военной диктату-

ры, опирающейся лишь на силы безопасности и реакционную часть армии. Отдавая себе отчет в сложности задачи быстрой перестройки всех сторон жизни страны по госмонополистическим образцам, сторонники Кастело Бранко решили обеспечить себе более широкое, чем при «традиционных» диктатурах, поле деятельности, позволяющее более свободно маневрировать, идти на отдельные компромиссы с политическими кругами, что предполагало наличие более широкой социальной базы военного режима.

Правительство Кастело Бранко приступило к созданию той «пограничной зоны», где могли бы идти поиски контактов между военными и «политиками» — представителями гражданских буржуазных кругов. Такой зоной, по замыслу правящей группировки, должна была стать новая двухпартийная система, создание которой взамен ликвидированной многопартийной провозгласил в ноябре 1965 г. военный режим своим Дополнительным актом № 4. Начав институционализацию («узаконение») своего правления, военные, по словам прогрессивного бразильского историка Н. Вернека Содре, старались сделать политическую сферу «настолько узкой, насколько это возможно, сохраняя лишь минимум для стимулирования разделения институтов власти и функционирования народной воли»³.

Подлинным центром принятия решений являлось военное правительство, фактически выполнявшее функции исполнительной и законодательной власти. Парламенту же отводилась чисто декоративная роль: ему надлежало облачать в псевдодемократическую форму все решения правительства. Для обеспечения состава конгресса, соответствующего требованиям режима, было разрешено создать две новые организации — правительственный Национальный союз обновления (АРЕНА) и оппозиционное Бразильское демократическое движение (МДБ). Основой для них послужили ранее созданные Революционный парламентский блок и Оппозиционный блок, положившие начало «биполярной» ориентации бразильского конгресса после 1964 г. Все сенаторы и депутаты были обязаны вступить в одну из двух партий, что, по замыслу правительства, должно было подчинить политиков партийной дисциплине и правительственному контролю. Как указывалось в Дополнительном акте № 4, обе организации создавались с единственной целью — принять участие в

предстоящих парламентских выборах 1966 г., т. е. создать видимость политической жизни в стране.

Иронизируя по поводу создания новых «партий», бразильская пресса писала, что оно проводилось теми же методами, что и формирование воинских подразделений. Президент Кастелю Бранко поручил специальным комиссиям во главе с военными руководить отбором кандидатов и подготовкой программ обеих создающихся организаций. Он лично «просеивал» кандидатуры для включения в правительственную партию АРЕНА. Как отмечалось в прессе, «те, кто не будет приглашен пополнить список этой партии, должны понять, что их присутствие нежелательно, и у них не останется иного выбора, как вступить в ряды оппозиции»⁴. В итоге ядром правительственной партии стали бывшие члены наиболее правых партий УДН (от нее в АРЕНА вошли 83 депутата и 16 сенаторов) и СДП (67 депутатов и 15 сенаторов), а также небольшая часть трабальистов.

Оппозиционная партия объединила большинство парламентской фракции Трабальстской партии (73 депутата и 13 сенаторов), небольшую часть депутатов и сенаторов от СДП (крыло Ж. Кубичека), от УДН, а также сторонников Ж. Куадроса из Христианско-демократической партии. В феврале 1966 г. был обнародован учредительный манифест МДБ, составленный в крайне осторожных общедемократических выражениях.

Пестрый состав обеих организаций, представлявших собой разношерстный конгломерат различных, подчас антагонистических групп, не предвещал их скорой и прочной консолидации. Лишь в марте 1966 г. Национальный союз обновления и Бразильское демократическое движение были зарегистрированы центральной избирательной комиссией в качестве участников предстоящих выборов на правах организаций, которые в дальнейшем должны превратиться в политические партии. Обе партии на первом этапе представляли собой по существу лишь зародыши политических организаций, они не имели четких программ, им еще предстояло бороться за поддержку избирателей. Особенно трудным было положение МДБ: в борьбе за симпатии населения у нее имелся один путь — стать реальной оппозицией, подлинным выразителем устремлений демократических сил. В противном случае она неизбежно сошла бы с политической арены.

Всего несколько месяцев отделяло АРЕНА и МДБ от важных политических событий: 3 сентября 1966 г. предстояли выборы губернаторов 12 штатов, 3 октября 1966 г. — президента и вице-президента страны, позднее — всех членов палаты депутатов и законодательных ассамблей штатов, а также трети сенаторов. Из всех этих событий партии принимали непосредственное участие лишь в парламентских выборах, так как остальные не были прямыми, фактически представляя собой назначение президента страны и губернаторов штатов из числа сторонников режима — членов проправительственной АРЕНА.

Однако это показалось правительству недостаточным. Вот почему каждый шаг предвыборной кампании был строго регламентирован: оговорены сроки подачи списков кандидатов, условия их «избираемости» (т. е. благонадежности), даже время и содержание публичных выступлений. Большинство неугодных военным деятелей было устранено с политической арены; террор и репрессии способствовали росту в массах настроений апатии и аполитичности. При этом военные учитывали слабость только что созданной и не успевшей выработать какую-либо оппозиционную программу партии Бразильское демократическое движение. АРЕНА имела ряд существенных преимуществ перед МДБ: прежде всего, она была партией правительства, сохранившего еще для многих ореол «сильной власти», которая правит страной «железной рукой». Укреплению таких представлений способствовали безудержная демагогия и антикоммунистическая пропаганда, принявшие накануне выборов особый размах. Немаловажное значение для укрепления престижа АРЕНА имел факт вступления в эту организацию и участие в выборах в качестве ее кандидатов многих известных политических деятелей — экс-губернаторов, сенаторов, лидеров прежних партий. Программные документы АРЕНА отразили главную цель этой партии — стать «политическим фронтом» военного режима по внутри- и внешнеполитическим проблемам.

Расчеты правящей группировки оказались верными: на парламентских выборах 1966 г. с большим преимуществом победу одержала АРЕНА, что убедило военных в правильности избранной ими тактики, позволяющей и впредь поддерживать видимость парламентского строя. Искусственно созданная и функционирующая

под правительственным контролем двухпартийная система также способствовала этому, служила своего рода клапаном для устранения политической напряженности в обществе.

Следующим шагом в том же направлении стало принятие в 1967 г. новой конституции Бразилии. Подготовка этого документа как бы венчала собой законодательную деятельность президента Кастело Бранко, стремившегося как можно глубже реформировать все сферы жизни гражданского общества, юридически оформить новую систему власти. По словам видного бразильского социолога Кандидо Мендеса, военные пытались выдать процесс утверждения своего режима, его обрастание псевдodemократическими институтами за возвращение к нормам демократии, на самом же деле в Бразилии в эти годы наблюдалось «оформление особой, не имеющей ничего общего с демократией, политической модели, закамуфлированной под парламентский режим»⁵.

Действительно, на первый взгляд бразильская конституция не отличалась от аналогичных буржуазно-демократических образцов. Она содержала разделы о правах граждан, всеобщем избирательном праве, о деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти и т. п. При этом основой государственной деятельности провозглашалась «представительная и демократическая система, основанная на плюрализме партий и гарантии основных прав человека»⁶. Эта система объявлялась основой «представительного и демократического режима», якобы гарантируемого конституцией. Однако истинное лицо режима определяли не эти внешне демократические статьи. Реальными юридическими инструментами власти продолжали оставаться институционные и дополнительные акты, принятые Верховным военным командованием без всякого одобрения парламентом и включенные в конституцию в качестве разделов, «не подлежащих пересмотру юридическим путем». Традиционный для страны порядок всеобщего, прямого и тайного голосования при выборах президента был ликвидирован, что подтверждало намерение военных сохранить на длительный срок контроль за политической жизнью. Этой же цели соответствовала строгая регламентация деятельности партий: государственный контроль учреждался над партийными органами, программами, финансами; консти-

туция подчиняла членов партий строгой внутренней дисциплине, запрещала коалиции. Очень тяжелые, фактически невыполнимые условия преднамеренно устанавливались для создания новых партий, помимо двух официально признанных.

Конституция наделила военным президентом почти неограниченными полномочиями: не считаясь с конгрессом, президент мог издавать законы и вносить изменения в конституцию, мог объявлять осадное положение по всей стране и вмешиваться в дела отдельных штатов. Статьи, касавшиеся социальных вопросов, напоминали, по мнению печати, фашистское законодательство Муссолини: любой подозрительный мог быть лишен политических прав на 10 лет; любой «неблагонадежный» служащий — уволен под предлогом «дисциплинированности». «Новая конституция, — указывала влиятельная газета „Жорнал до Бразил“, — наделяет правительство правами, которые обычно действуют лишь в военное время»¹.

Оппозиционная партия МДВ распространила специальное заявление, назвав новую конституцию «тиранической, узаконивающей произвол, удушающей свободу народа». Правда, в тот период оппозиция еще не пользовалась необходимым авторитетом и не имела внутренних сил для организации отпора действиям правительства. Конгресс также не имел реальной власти: он по-прежнему оставался лишь местом бесплодных дебатов, необходимым режиму для ратификации правительственных решений.

Демократические силы страны, рабочие и профсоюзные организации все еще не оправились от ударов, которые нанесли им репрессивные органы. Многие бразильцы пребывали во власти апатии, аполитизма, многие ожидали от правительства быстрого решения насущных проблем. Однако им предстояло убедиться, что никакого улучшения жизненных условий не будет: политика «затягивания поясов» обернулась для трудящихся падением реальной заработной платы (в 1964—1965 гг. — на 20%), снижением в 1965 г. на 15,3% покупательной способности широких масс². С начала правления военных в оборот была пущена огромная масса бумажных денег — 1 трлн 18 млрд старых крузейро, т. е. столько же денежных знаков, сколько за 76 предыдущих лет. Привлеченный многочисленными льготами, в страну хлынул иностранный

капитал. Не выдерживая конкуренции с ним, разорались национальные фирмы: в 1966 г. потерпели крах 440 компаний, в 1967 г. — еще 550. Внешний долг возрос с 2 млрд долл. в 1964 г. до 3,3 млрд долл. в 1967 г., прирост промышленной продукции в 1967 г. составил лишь 2—3%⁹. В то же время за счет мер жесткой экономии военным в 1964—1967 гг. удалось существенно снизить инфляцию.

Резкое ухудшение материального положения, систематические репрессии, нарушение конституционных прав и свобод вызвали протест самых различных слоев населения: в ряде штатов прошли многолюдные профсоюзные собрания, рабочие и служащие крупнейших городов начали кампанию за повышение заработной платы, против «затягивания поясов», отдельные отряды пролетариата Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Сантоса провели стачки. Последовали массовые выступления студентов.

Наметившийся подъем антидиктаторских выступлений обеспокоил правящую группировку: влиятельные армейские круги потребовали от правительства Кастело Бранко не только ужесточения борьбы с оппозицией, но и еще большего усиления политической власти военных¹⁰. Монолитность правящей группировки оказалась под угрозой — шла постоянная борьба между представителями «жесткой» линии и более умеренными, в ходе которой на авансцену выдвинулся один из организаторов переворота 1964 года, генерал Коста-э-Силва, военный министр в правительстве Кастело Бранко. Он был в известной мере компромиссной фигурой и сумел получить поддержку значительной части влиятельных военных, особенно среднего поколения офицеров — «полковников», в основном стоящих на ультраконсервативных позициях. Красноречив такой факт: когда в начале 1966 г. Коста-э-Силва отправился в зарубежную поездку, в аэропорт пришли проводить его 3 тыс. офицеров, что было несомненной демонстрацией поддержки. В мае того же года Коста-э-Силва был выдвинут официальным кандидатом на пост президента от партии АРЕНА и в марте 1967 г. утвержден конгрессом. Экс-президент Кастело Бранко отошел от дел; летом 1967 г. он погиб в авиационной катастрофе. Вместе с ним сошел со сцены и «кастелизм» — космополитическое идеологическое течение среди бразильских военных. Кастело Бранко и «касте-

лизм» сделали свое дело — пустили в ход механизм привлечения иностранных капиталов, ликвидировали старую партийную систему, подавили сопротивление трудящихся. Коста-э-Силве предстояло лишь продолжить взятый ими курс. Его правительство уже не могло вывести Бразилию из того русла, в которое направила ее развитие группировка Кастело.

Новый президент, получивший после ухода с действительной военной службы звание маршала *, имел весьма примечательную биографию. 20-летним офицером Коста-э-Силва принимал участие в движении тенентистов и за это был даже временно уволен со службы. В 1930 г. он активно участвовал в борьбе за власть на стороне Либерального альянса Варгаса, затем был военным атташе в Аргентине, стажировался в США, вплоть до 1964 г. занимал командные должности в армии. Однако президент Ж. Гуларт не доверял ему (как оказалось, вполне обоснованно) и, стремясь удалить с ключевых постов, назначил начальником интендантского ведомства. Зато после переворота Коста-э-Силва становится вторым лицом в государстве, получив портфель военного министра.

Вступая в 1967 г. в должность, новый президент объявил целью своей политики «дальнейшую консолидацию революции путем восстановления полной конституционности и демократии... предоставления народу, как можно быстрее, основных прав»¹¹. Провозглашение такой программы действий должно было продемонстрировать всему миру, а также сторонникам возврата к демократии внутри страны, что новое правительство собирается внести коррективы в прежний жесткий курс военного режима. Действительность, однако, быстро развеяла иллюзии, порожденные этими широковещательными декларациями.

В основных чертах правление Коста-э-Силвы продолжило социально-экономический курс его предшественника. Сохранилась и даже усилилась антинародная направленность режима, стремившегося к модернизации за счет сверхэксплуатации трудящихся. Коммунисты в этой связи отмечали, что новое правительство

---

* По традиции президенты Бразилии из числа военных, прежде чем занять высший государственный пост, уходят с действительной службы. Эта традиция — своеобразная маскировка военно-диктаторского характера режима.

сохранило политику сдерживания заработной платы, вопрос о ее пересмотре был поставлен в полную зависимость от решений правительства, не были отменены законы, лишавшие трудящихся права на забастовку¹².

Вследствие такого курса экономическое положение всех лиц наемного труда еще больше ухудшилось: если в апреле 1965 г. 43,2% занятых получали минимальную зарплату, то в апреле 1969 г. это число снизилось до 28,4% (только 5% занятых получали зарплату выше минимального размера). Из-за низкой зарплаты фактической способностью потреблять промышленные изделия в 1969 г. обладало лишь около 5% населения страны¹³.

С каждым месяцем все большая часть населения испытывала на себе последствия жесткого экономического курса — снижения заработной платы, интенсификации труда, дальнейшего сужения профсоюзных и социальных прав и свобод. Под давлением массы рядовых членов руководство профсоюзов в крупнейших штатах организовало так называемое «межпрофсоюзное движение против затягивания поясов». Это была первая после переворота попытка объединить усилия трудящихся различных отраслей производства в борьбе за их насущные интересы. Действуя в глубоком подполье, стремилась выработать стратегию и тактику борьбы в условиях диктатуры Бразильская коммунистическая партия. Большое значение для решения этой задачи имел состоявшийся в глубоком подполье VI съезд БКП (декабрь 1967 г.), который дал оценку предыдущего периода, военного переворота и наметил программу борьбы с диктатурой.

Все чаще прибегал к забастовкам пролетариат: в 1968 г. в рабочих пригородах крупнейших городов — Сан-Паулу и Белу-Оризонти были созданы забастовочные комитеты. По их решению трудящиеся заняли предприятия, выдвинув ряд требований администрации. Эти выступления были жестоко подавлены, профсоюзные лидеры арестованы.

Задушить наметившееся сопротивление диктатуре сразу не удалось, ибо военные столкнулись не просто с отдельными отчаянными попытками протеста, а с проявлением оживления политической активности трудящихся, представителей средних слоев, студенчества. В определенной степени эти события были связаны

с общей активизацией демократических сил Латинской Америки, с распространением влияния леворадикальных политических концепций. Об изменении обстановки в стране говорит тот факт, что в движении солидарности с бастующими рабочими Сан-Паулу и других городов приняли участие не только трудящиеся, но и студенты, служащие, работники просвещения и культуры, многие из которых в свое время поддерживали реакционный переворот. Репрессивные действия властей осудила IX Национальная конференция епископов Бразилии, многие парламентарии, руководители профсоюзов. Правительство было вынуждено освободить большинство арестованных и удовлетворить некоторые требования рабочих.

Оживилась деятельность буржуазной оппозиции: в июне 1967 г. партия МДБ провела свой очередной съезд и приняла первую программу. В политической части этого документа содержались требования ликвидации диктатуры, восстановления представительной демократии. В разделе, посвященном трудовым проблемам, прослеживалось стремление оппозиции стать выразителем интересов широких социальных слоев, в том числе трудящихся: программа включала требования восстановления права на забастовку, свободной деятельности профсоюзов, гарантии занятости и многие другие. Провозглашение демократических принципов программы МДБ способствовало росту ее авторитета и влияния.

Активизация рабочего и демократического движения в 1968 г., все более широкое недовольство режимом, наметившиеся тенденции к сплочению различных оппозиционных течений вызвали крайнюю обеспокоенность правительства. В декабре 1968 г., вопреки своим предвыборным обещаниям, Коста-э-Силва ввел в действие Институционный акт № 5, в соответствии с которым практически все юридические гарантии в стране были отменены, деятельность парламента приостановлена почти на год, президент получил диктаторские полномочия. Вновь прокатилась волна террора, сотни прогрессивных деятелей, в том числе парламентариев, профсоюзных активистов, руководителей компартии, подверглись арестам и лишению политических прав на 10 лет. По словам президента, его целью было подавить «реваншистское движение» всякого рода «карьеристов, авантюристов, продажных и подрывных

элементов»¹⁴. На деле же принятие Институционального акта № 5 завершило сползание Бразилии к режиму террористической военной диктатуры, знаменовало установление гегемонии ультраправых «жестких» милитаристских группировок в правящем социально-политическом блоке.

«Последняя точка» в этом процессе была поставлена принятием Конституционной поправки № 1, означавшей ревизию многих статей конституции 1967 г. Даже собственное детище военных казалось представителям «жестких» чересчур либеральным. Конституционная поправка декларировала право президента издавать декреты-законы по вопросам национальной безопасности и экономики, уменьшила численность палаты депутатов и внесла еще свыше 30 изменений в полномочия конгресса. Весь комплекс чрезвычайных законов, репрессивных мер против оппозиционных и демократических сил, перестройка и милитаризация госаппарата, предпринятые военным режимом в 1964—1968 гг., стали, по меткому определению бразильского публициста Фернандо Педрейры, своего рода «смирительной рубашкой для страны». Они же в сочетании с политикой массированного привлечения иностранного капитала составили основу «бразильского экономического чуда» 1968—1973 гг. Начавшийся в 1968 г. период бурного экономического роста на время сгладил противоречия между враждующими военно-политическими группировками Бразилии.

Но далеко не по всем вопросам внутри правящей группировки наблюдалось взаимопонимание. В среде военных сохранились критические националистические настроения, осуждались не только внутриполитический курс, но и некоторые аспекты внешней политики, в частности слишком явная ориентация Бразилии на США. Борьба обострилась в августе 1969 г., когда Коста-э-Силва тяжело заболел. 14 октября того же года командующие трех видов вооруженных сил, несмотря на заверения врачей, что президент скоро поправится, объявили его пост вакантным. Коста-э-Силва вскоре скончался от сердечного приступа. После непродолжительного правления военной хунты, обойдя многих популярных и влиятельных деятелей, в результате компромисса нескольких группировок в армии и правящей верхушке президентом стал генерал Эмилио Гаррастазу Медиси, получивший, как и его предшественники,

«в ознаменование заслуг» звание маршала. На период правления Медиси пришлось наибольшие экономические успехи военного режима — «бразильское чудо».

1968—1974:

**«экономика развивается хорошо,
а народ живет плохо»**

К концу 60-х годов для военных правителей Бразилии, для их гражданских партнеров-технократов, а в еще большей мере для иностранного и местного монополистического капитала настало время пожинать плоды навязанного ими Бразилии жесткого социально-экономического курса и репрессивной внутренней политики. К этому времени затихли выступления оппозиции и профсоюзов, скованных «смирительной рубашкой» чрезвычайного законодательства и репрессиями. За счет жестких мер экономии, снижения жизненного уровня трудящихся военным удалось успешно, с точки зрения монополий, решить проблему инфляции: с 86% в 1964 г. она упала до 24 — в 1968 и даже 20% в 1971 г.¹ Это способствовало оживлению деловой активности. Поверив в способность режима справиться с профсоюзами, оппозицией и одновременно достаточно квалифицированно проводить экономический курс в интересах монополий, иностранный капитал «открыл плюзы». В Бразилию буквально хлынул невиданный поток иностранных инвестиций. Их общая сумма в начале 70-х годов превысила 6 млрд долл. Заинтересованность иностранных монополий в максимальной прибыли, в быстром обороте капитала привела к ускоренному росту за счет этих инвестиций высокорентабельных, наиболее передовых отраслей промышленности: автомобилестроительной, химической, радиоэлектронной. Менее прибыльные отрасли развивались гораздо медленнее, главным образом за счет государственных капиталовложений и местного частного капитала.

Тем не менее общие темпы роста бразильской экономики в конце 60-х — начале 70-х годов стали сенсацией мирового масштаба. Представители бразильских правящих кругов и западная печать развернули гигантскую пропагандистскую шумиху. В самом деле, если в 1967 г. прирост валового национального про-

дукта (ВВП) составлял 4,8%, то в 1968 г. — 11,2, 1971 — 13,3, а в 1973 — даже 14,0%². В среднем за 1968—1974 гг. этот показатель стабильно превышал 10%. Темпы же роста промышленного производства в 1973 г., например, превысили 15%, а в ряде отраслей шагнули и за 20%-ный рубеж. Творцы «бразильского чуда», агентура монополий буквально захлебывались от восторга. Один из них, неоднократно занимавший министерские посты в военных правительствах, А. Делфин Нето, писал в 1972 г. в предисловии к книге «Бразильское чудо»: «Страна может расти без внешнего финансирования. Но с его помощью она сделает это гораздо быстрее, с меньшими жертвами, более дешевой ценой в социальном отношении». И далее: «Нет ни малейшего риска, что национальный рынок будет захвачен иностранным капиталом...»³. Запомним эти слова. У нас еще будет возможность увидеть, что «сэкономили» бразильцы благодаря монополиям, какой была истинная цена «бразильского чуда», расцветшего наиболее пышно при президенте Э. Г. Медиси.

Эмилио Гаррастазу Медиси, третий военный президент, не был представителем элитарной прослойки военных, группировавшихся вокруг Высшей военной школы, не имел столь ярких страниц в биографии, как его предшественник Коста-э-Силва или тем более первый военный президент Кастело Бранко.

Однако в течение многих лет Медиси занимал ответственные посты: начальник штаба III военного округа, когда им командовал Коста-э-Силва, при президенте Кастело Бранко — военный атташе в Вашингтоне, затем возглавлял III военный округ. Это дало ему возможность завязать контакты с видными военными. После прихода к власти Коста-э-Силвы Медиси получил высший военный чин армейского генерала, а вместе с ним командование престижной III армией. Венцом его предпрезидентской карьеры стал ответственный пост главы Национальной службы информации (НСИ) — созданного в 1964 г. объединения разведки, контрразведки и ведомства безопасности. В годы военного правления роль и влияние этого учреждения непрерывно возрастали.

Приход Медиси к власти символизировал достижение определенного единства в руководящих армейских кругах, в значительной степени нарушенного в ходе политической борьбы 1967—1969 гг. Компромисс осо-

бенно явно прослеживался при распределении важнейших должностей в новом правительстве: поскольку сам Медиси считался «человеком Коста-э-Силвы», пост военного министра был уступлен генералу О. Гайзелу, близкому к «кастелистам». ВМФ, правое крыло офицерского корпуса армии и авиации также имели в правительстве своего представителя в лице вице-президента адмирала Радемакера. Важные министерства возглавили выпускники ВВШ, а также известные гражданские технократы Рейс Веллозу, Делфин Нето, Диас Лейте. С именами именно этих лиц связана легенда о «бразильском чуде», а сами они получили титулы «творцов чуда».

Последовательно проводя курс на ускоренную капиталистическую модернизацию, правящая группировка, контролировавшая важнейшие рычаги власти, при Медиси еще активнее вмешивалась в социальную и экономическую жизнь страны, в деятельность предприятий, разрабатывала конкретные планы развития.

Как отмечают многие исследователи, с первых дней существования режима — причем особенно явно именно в годы «бразильского чуда» — «правительство и технократы сделали упор на достижение высоких количественных показателей, основанных на результатах формального экономического роста, а не подлинного и всестороннего социально-экономического развития всей нации»⁴. Их курс был основан на «быстром росте промышленности... высокой концентрации производства и капитала и столь же высокой концентрации потребления, т. е. на его сосредоточении в узком слое населения с высокой покупательной способностью. Реализация данной экономической политики... означала... дальнейшее усиление эксплуатации трудящихся, расширение проникновения иностранного капитала в экономику Бразилии и денационализацию промышленности», — делают вывод советские ученые⁵.

Надо сказать, что методы, приемы реализации этой социально-экономической программы существенно различались в первые после переворота годы и в период «чуда». На первом этапе военного правления (1964—1967) основными методами режима были репрессии, разгром рабочего движения и оппозиции, попытки насильственной деполитизации трудящихся, сопровождавшиеся оголтелой антикоммунистической пропагандой. По замыслу творцов «бразильской модели», лишь жест-

кий репрессивный курс мог «обуздать» рабочих, сбить накал классовой борьбы, породить в массах страх и политическую инертность, необходимые режиму для обеспечения успеха его «шоковой» антиинфляционной политики.

Относительная результативность этой политики (в 1964—1966 гг. одновременно с 30%-ным падением заработной платы уровень забастовочной борьбы снизился с 1,6 млн до 340 тыс. человеко-часов в год) *, начавшийся бурный экономический рост позволили режиму существенно изменить методы его политики, цель которой оставалась все той же. Этому способствовали достижение относительного единства правящей верхушки, выработка ею зрелого варианта своей идеологии и, самое главное, связанные с экономическим подъемом большие возможности для националистической пропаганды, социальной демагогии и подкупа части пролетариата. Режим в период «чуда» (1968—1974) благодаря всему этому смог перейти к сочетанию выборочных репрессий против наиболее последовательных оппозиционных сил с некоторыми экономическими уступками трудящимся, безудержной социальной и националистической демагогией.

Одним из достижений периода экономического роста стала появившаяся у государства и крупного частного капитала материальная возможность безболезненно для своих интересов дополнительно финансировать некоторое повышение заработной платы, разного рода выплаты трудящимся в виде премий, расширение системы социального страхования, бесплатную профессиональную подготовку и т. д. Все это широко рекламировалось режимом как путь к «гуманизации» трудовых отношений, «социальной интеграции». В созданные предприятиями псевдоорганы «самоуправления» вовлекались те, в ком был наиболее заинтересован крупный капитал, — высококвалифицированные рабочие современных отраслей экономики. Таким путем правящая верхушка стремилась исключить социальные конфликты и на будущее.

На решение этой задачи был нацелен, в частности, провозглашенный режимом в сентябре 1970 г. План социальной интеграции, который предусматривал участие трудящихся в прибылях предприятий через так называемые «фонды участия», составленные из отчислений от подоходного налога рабочих и прибылей

предпринимателей. План официально ставил целью «способствовать интеграции лиц наемного труда в деятельность и развитие предприятий»⁷, на деле же он должен был, приобщив рабочих к капиталистической собственности, сделать их послушным орудием творцов «бразильской модели».

Эти меры, вызвавшие лишь символическое улучшение положения трудящихся, сопровождались широчайшей кампанией социальной демагогии. Ее составными частями являлись «национальная кампания бережливости», конкурсы на звание «лучшего рабочего», где прежде всего учитывались политические взгляды кандидатов, и т. д. Важным средством «примирения» с режимом широких слоев населения была великодержавная националистическая пропаганда. Она использовала самые разнообразные лозунги. Спекулируя на «футбольном величии» Бразилии — сборная страны тогда стала трехкратным чемпионом мира по футболу, — официальная пропаганда трубила об «общем превосходстве бразильской расы», подкрепляя тем самым притязания режима на роль «творца великой Бразилии 2000 года», стоящего «выше» классовых интересов. На все лады рекламировался выдержанный в великодержавном духе документ «Цели и основы деятельности правительства» (1970).

Созданию иллюзий «надклассовости» режима и его заботы о «будущем величии» нации в целом, в том числе и трудящихся, способствовала и провозглашенная правительством Медиси в сентябре 1970 г. новая политика в отношении профсоюзов. Расширилось их участие в программах социального обеспечения, здравоохранения, борьбы с неграмотностью, профессионального обучения. Всячески подчеркивалось внимание правительства к их нуждам, несколько увеличивались за счет государственных отчислений финансовые возможности профсоюзов. Как и другие социальные мероприятия режима, закон о профсоюзах был призван выхолостить их классовое содержание, превратить в часть бюрократической государственной машины. Как и в 30-е годы, во времена корпоративистского «трудового курса» Варгаса, уступки режима в области социального обеспечения выдавались за «подарок трудящимся».

Разжигая экзальтированный национализм внутри страны, военная верхушка «с нескрываемой враждебностью восприняла политику разрядки международной

напряженности, рост влияния принципов мирного сосуществования», она «все более открыто подчиняла доктрину национальной безопасности борьбе против освободительного антиимпериалистического движения не только в самой стране, но и за ее пределами»⁸

Представители бразильской армии приняли деятельное участие в подготовке свержения прогрессивного военного правительства Х. Х. Торреса в Боливии (1971 г.), грозили оккупацией Уругваю в случае, если там на выборах победит объединение демократических сил Широкий фронт (1973 г.). Они активно поддерживали планы чилийских заговорщиков в период правительства Народного единства. Именно Бразилия первой признала кровавую хунту Пиночета на следующий же день после военного переворота в этой стране (1973 г.).

Одновременно продолжались жесточайшие репрессии против наиболее последовательных оппозиционных сил в самой Бразилии, в первую очередь против действующих в подполье коммунистов. После принятия в декабре 1968 г. реакционнейшего Институционального акта № 5 обычным явлением стали пытки противников режима, участились случаи их «исчезновения» в стенах спецслужб. Отражением этой стороны «политики кнута и пряника» стали и репрессивные поправки к трудовому законодательству, направленные против профсоюзных активистов — сторонников запрещенных, «подрывных» партий и организаций.

Искусно сочетая репрессии с отдельными экономическими уступками, националистической пропагандой и социальной демагогией, режиму в период «чуда» удалось повысить свою популярность, привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать значительную часть населения. Так, например, по данным опроса, проведенного в декабре 1970 г. в главном индустриальном центре страны — Сан-Паулу, 75% опрошенных верили в большее благополучие для своих семей в 1971 г., а 73% рассчитывали на «социальный мир»⁹. Это свидетельствовало о том, что режим, умело маневрируя, выдавая себя за «надклассового арбитра» политической жизни страны, насаждая дух национализма, провозглашая себя защитником интересов нации в целом, сумел в этот период посеять иллюзии среди довольно широких слоев бразильского общества, в том числе и части трудящихся.

Попробуем более детально разобраться в тех источ-

никах, которые питали «бразильское чудо». Прежде всего отметим, что накопление средств для ускорения развития шло за счет усиленной эксплуатации трудящихся, снижения реальной заработной платы: по данным профсоюзов, заработная плата за 1965—1974 гг. снизилась на 31%, а производительность труда выросла на 56%¹⁰. В 1973 г. доходы 89 млн бразильцев, т. е. 95% населения, были на 8% меньше, чем в 1968 г., тогда как 5% населения, на которых ранее приходилось 37% национального дохода, в 1973 г. получили уже 47%. На оплату труда рабочих, которые, к примеру, участвовали в сборке автомобиля «Фольксваген», в Бразилии приходилось лишь 7,3% издержек производства — в несколько раз меньше, чем в США или Западной Европе¹¹. Такая низкая оплата рабочей силы позволяла обеспечить конкурентоспособность бразильских товаров на мировом рынке.

Несмотря на внушительные показатели экономического роста Бразилии в годы «чуда», уровень жизни не только пролетариата, но и большинства других слоев населения оставался низким, о чем можно судить по числу бразильцев, уплачивавших подоходный налог. По сообщению журнала «Визао», к середине 70-х годов списки 14 млн бразильцев, ранее плативших подоходный налог, т. е. имевших доходы выше определенного минимума, пришлось пересмотреть. Выяснилось, что из них полную сумму должны теперь платить лишь 800 тыс. человек, остальные либо подлежат освобождению от уплаты подоходного налога ввиду мизерного размера прожиточных средств, либо должны уплачивать его со скидкой¹².

Такое обнищание широких масс населения фактически привело к их отчуждению от процесса модернизации страны, что, по словам бразильского экономиста Э. Л. Баша, означало, что в экономике имеется огромный «неиспользованный производительный потенциал, мобилизация которого могла бы внести существенный вклад в экономическое развитие»¹³. Подобные суждения показывали, что и у бразильской буржуазии появились сомнения в эффективности применяемой экономической «модели», понимание непомерности цены, уплаченной за «чудо». Даже такие его апологеты, как Р. Кампос и А. Делфин Нето, начали проявлять обеспокоенность растущим «социальным разочарованием» широких масс населения.

Все бóльшую обеспокоенность вызывали в стране и неизмеримо возросшие в период «чуда» масштабы проникновения иностранного капитала, что привело к денационализации ряда важнейших отраслей промышленности. Но массивное привлечение инвестиций из-за рубежа было краеугольным камнем всей «бразильской модели», важнейшим источником накопления средств для экономического роста. Ведь уже в первых программных документах правительства Кастело Бранко говорилось: «Когда сделан выбор в пользу ускорения развития с использованием внешних источников получения финансовых ресурсов, уже неважно, будет ли расти внешний долг страны. Можно обсуждать лишь форму контроля за его ростом»¹⁴. Однако проблема внешней задолженности отнюдь не была второстепенной, как пытались доказать лидеры режима. Ведь только за первые три года «бразильского чуда» внешний долг страны вырос более чем вдвое, — с 5,2 млрд до 12,5 млрд долл. (к 1973 г.), а за пять лет, увеличившись в 5 раз, он достиг 23 млрд долл. (1975 г.), т. е. темпы роста внешней задолженности страны во много раз превысили даже самые высокие темпы роста ВВП¹⁵.

Привлечение иностранного капитала привело к усиленному поглощению им национальных фирм: при специальном обследовании в 1974 г. выяснилось, что из 55 крупнейших бразильских национальных предпринимательских объединений, существовавших в 1962 г., «уцелело» лишь 30, зато почти половина из 243 филиалов американских корпораций возникли в Бразилии в 1966—1973 гг., причем большая часть — в результате покупки действующих национальных предприятий¹⁶.

Красноречиво охарактеризовал такой курс министр финансов А. Делфин Нето: «Наша политика достаточно либеральна, так как не делает особого различия между бразильским и иностранным капиталом. Мы придерживаемся принципа, согласно которому национальный рынок в равной степени принадлежит всем предприятиям, действующим на территории Бразилии. У нас не установлено какого-либо различия между национальными и зарубежными предприятиями»¹⁷. Действительно, зарубежные предприятия и банки получили практически не ограниченные ничем возможности для своей деятельности. Законом фактически предусматривались способы превращения иностранных монополий в «бра-

зильские» — для этого было достаточно включить в правление фирмы определенное число бразильцев.

Таким образом, развитие Бразилии по пути, навязанному ей военным режимом в союзе с монополистическим капиталом, вело к однобокости, деформациям и денационализации экономики. В то же время «бразильское чудо» не просто означало ускорение капиталистического развития страны, но явилось качественным скачком в монополизации бразильской экономики, индустриализации страны, росте пролетариата.

К 70-м годам более половины бразильского рабочего класса было занято в тяжелой, а не в легкой, как в 60-е годы, промышленности; 200 крупнейших предприятий (свыше 1000 занятых на каждом) объединяли в 1970 г. уже 13,2% всех занятых в промышленном производстве. Крупные предприятия возникли в металлургии, химии, машиностроении, автомобилестроении, где они начали создаваться практически одновременно с самой отраслью. Так, в металлургии в 1970 г. действовало 28 предприятий с более чем 1000 занятых, в машиностроении — 15 подобных предприятий, в производстве электроприборов и средств связи — 16, в производстве транспортных средств — 15, в химии — 10 таких предприятий. Крупные заводы и фабрики появились и в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности: в 1970 г. предприятий с 1000 занятых и более на каждом насчитывалось в текстильной промышленности — 45, в швейной и обувной — 6, в пищевой — 7. Укрупнение предприятий в традиционных отраслях стало следствием процесса модернизации производства, активно протекавшего в 60—70-е годы. По удельному весу металлургии и машиностроения в промышленном производстве Бразилия в первой половине 70-х годов вплотную приблизилась к развитым капиталистическим странам, а по доле производства транспортных средств в продукции машиностроения догнала США *.

Однако эти высокие количественные показатели отражали отнюдь не полную картину развития страны. Подлинное экономическое развитие связано не только с ростом экономики, но и с расширением внутреннего рынка, ростом покупательной способности населения.

* Правда, нельзя забывать, что по объему продукции обрабатывающей промышленности на душу населения даже в разгар «чуда» Бразилия намного (более чем в 10 раз) уступала США.

Поскольку в Бразилии этого не наблюдалось ни до, ни в период «чуда», то, несмотря на ускоренное развитие промышленности, можно утверждать, что процесс денационализации ее экономики продолжался. Это подтверждалось и увеличением прибылей иностранных компаний (например, в 1968—1974 гг. среднегодовая норма их прибыли составила 15,83%, тогда как у государственных — 8,96%), и колоссальным ростом внешнего долга.

«Бразильская модель развития» не только не обеспечила «всестороннего развития производительных сил страны, но и еще больше усилила его неравномерность по отдельным районам...»¹⁸ Особенно наглядно об этом свидетельствует пример бразильского Северо-Востока. Здесь, не так далеко от передовых индустриальных центров и крупнейших городов юга Бразилии, живут в условиях крайней нищеты и фактически натурального хозяйства десятки миллионов человек. По свидетельствам бразильской и иностранной прессы, по уровню детской смертности, неграмотности, голода этот регион Бразилии «не уступает» беднейшим африканским странам.

Еще больше расширившаяся в годы «чуда» пропасть между роскошью «верхов» и нищетой «низов» бразильского общества не могла не тревожить саму буржуазию, в том числе иностранных кредиторов Бразилии, сознававших опасность мощного социального взрыва в этой стране. Так, влиятельный лондонский журнал «Экономист» уже в 1972 г. писал: «Если все население не будет пользоваться плодами экономического развития, создастся угроза политической нестабильности. Если в этой области не будет достигнут прогресс, иностранные инвесторы перестанут верить в прочность режима, и поток иностранной валюты в страну начнет иссякать»¹⁹.

Кроме того, растущее недовольствие местной буржуазии вызвали попытки правящей группировки усилить государственный сектор экономики. Многие представители монополистического капитала начали обвинять государственный аппарат в том, что он отступил от роли «соавтора частного накопления», слишком активно вмешивается в экономическую жизнь.

Озабоченность местной буржуазии стала вызывать также все более явная неспособность режима сохранить принятый им стиль политики, основанный на сочета-

нии «социальной стабильности» и «экономического динамизма». Даже виднейшие апологеты «бразильской экономической модели» начали проявлять беспокойство из-за роста политической самостоятельности военных.

Критические замечания о бразильском режиме нередко высказывали и иностранные бизнесмены, которые справедливо усматривали в развитии ситуации в Бразилии зачатки кризисных явлений, чреватых угрозой политической стабильности в стране, именно эта стабильность составляла основу гарантий безопасности иностранных капиталовложений.

Недовольство правительственной политикой все более активно высказывали и представители местной, так называемой «неассоциированной» буржуазии — владельцы национальных предприятий, в частности крупных фирм «Барделла», «Роми», «Вилларес» и т. п., объединенных в Бразильскую ассоциацию развития базовой промышленности. Конечно, не следует переоценивать «оппозиционность» этих буржуазных кругов; они лишь требовали для себя «место под солнцем», своей доли в доходах, настаивали на изменении такой ситуации, когда по решению государства ввозится то, что могут производить собственные бразильские предприятия, которые оказались как бы «не у дел». Кроме того, определенная часть господствующих классов надеялась, что конституционный режим будет более эффективно защищать их классовые интересы.

Постепенно нарастало недовольство политикой диктатуры и в среде пролетариата. Ускоренное промышленное развитие в начале 70-х годов способствовало появлению новых отрядов рабочего класса, обладавших более четким классовым сознанием и лишённых иллюзий в отношении капитализма. Этот фактор особенно важно учитывать: ведь мы знаем, что именно в начале 70-х годов правительство Э. Г. Медиси активно прибегало к методам социального маневрирования.

Тем не менее по мере того, как все яснее становились симптомы недолговечности «экономического чуда», рушились и надежды на «чудо» социальное: рабочий класс преодолевал растерянность, настроения апатии, неверия в возможности организованной борьбы, постепенно росла активность профсоюзов.

В 1971 г. IV съезд Национальной конфедерации трудящихся промышленности — крупнейшего профобъединения, принял знаменательную резолюцию. В пей,

в частности, говорилось: «Не может быть социальной интеграции при капиталистическом строе, так как не может быть равномерного распределения общего богатства и социальная природа рабочих и предпринимателей остается неизменной»²⁰. В условиях назревания внутреннего кризиса режима бразильский пролетариат стал чаще обращаться к такому испытанному оружию, как стачка: только в Сан-Паулу и его пригородах в 1973 г. прошло 23 забастовки, в 1974 — около 40. Правительство было вынуждено удовлетворить ряд требований забастовщиков: в 1974—1975 гг. впервые при пересмотре трудовых договоров увеличение заработной платы превысило реальное повышение стоимости жизни, была введена 14-я зарплата для низкооплачиваемых и увеличена категория трудящихся, получающих 13-ю зарплату.

К середине 70-х годов проявились также явные признаки конфронтации правительства с церковью, с интеллигенцией, с оппозиционной партией МДБ и рядом влиятельных общественных организаций. В Декларации коллегии адвокатов, в послании архиепископа Сан-Паулу, в документе, принятом на региональной ассамблее Национальной конференции епископов Бразилии, в заявлениях парламентариев от оппозиционной партии МДБ все настойчивее стал звучать протест против террора и репрессий, нарушений основных прав человека, осуждалась экономическая политика правительства.

Оппозиционная партия все активнее включалась в борьбу за восстановление демократии в стране, направив свои усилия на подготовку к участию в парламентских выборах 1974 г. В партийных документах МДБ все четче становились антидиктаторские настроения оппозиции. Так, в декларации «Письмо из Ресифи» партия подчеркнула, что ее целью является «установление демократического и национального государства», для создания которого необходим союз «гражданских и военных лиц, национальных предпринимателей, священников, городских и сельских тружеников, студентов, интеллигенции, всего народа»²¹. В предвыборной программе МДБ 1974 г. политика правительства определялась как «антинародная».

Рост антидиктаторских настроений в различных слоях общества заставил правящую верхушку начать поиск новых средств стабилизации положения. Стало

очевидным, что сохранение диктатуры в прежнем виде уже плохо соответствует сложившейся ситуации.

«Бразильское чудо», казавшееся в конце 60-х — начале 70-х годов панацеей от всех бед, «волшебной палочкой», которая поможет Бразилии мгновенно попасть в число экономически развитых стран капиталистического мира, не оправдало возлагавшихся на него надежд. Хотя военным правителям Бразилии в союзе с монополистическим капиталом и удалось добиться модернизации экономики, быстрого роста промышленности, достигнуто это было за счет закабаления страны иностранными банками и монополиями, ухудшения положения трудящихся, обострения противоречий бразильского общества. Экономика страны попала в сильнейшую зависимость от конъюнктуры внешнего рынка, оказалась крайне неустойчивой к ее колебаниям. В полной мере эти негативные последствия «бразильского чуда» проявились в середине 70-х годов, после ухода со сцены правительства Медиси, когда стало очевидным, что «чудо» завело страну в тупик, в трясину кризиса.

1974—1979:

в поисках выхода из тупика

15 марта 1974 г. во дворец Планалту — резиденцию главы государства в Бразилиа — торжественно вступил очередной хозяин. Четвертым после 1964 г. военным президентом Бразилии стал генерал Эрнесто Гайзел. Профессиональный военный, выходец из бедной семьи немецких эмигрантов, он был отнюдь не повичком в политике, поскольку до выдвижения на президентский пост возглавлял сначала военную канцелярию президента Кастело Бранко (должность, равная министерской), а затем, руководя крупнейшей государственной компанией «Петробраз», хорошо познакомился и с экономическими проблемами. Гайзел был типичным представителем сложившейся к концу 60-х годов новой правящей военно-технократической элиты Бразилии. Курс его правительства, отличаясь реализмом, прагматическим и осторожным подходом к решению политических и экономических проблем страны, в полной мере выражал интересы этой прослойки.

Вступление Гайзелла на президентский пост совпало с моментом серьезного поворота в жизни Бразилии. Экономика страны, на протяжении пяти лет переживавшая бурный рост, вдруг начала давать сбой. Если предшественник Гайзелла генерал Медиси в конце пребывания у власти имел основания говорить о своем правлении как о «четыре года без единого дня кризиса», с гордостью перечисляя действительно ошеломляющие экономические показатели тех лет, то уже в начале 1974 г. положение стало меняться буквально на глазах. Хотя официальная пропаганда режима продолжала трубить о «грядущем величии и процветании» страны, на деле в бразильской экономике проявились первые тревожные признаки спада. Основной экономический показатель — прирост ВВП, в 1968—1973 гг. регулярно превышавший 10%, в 1974 г. снизился до 5%. Инфляция, успешная борьба против которой составляла предмет особой гордости всех предыдущих военных правительств, впервые после 1964 г. поползла вверх. Дефицит внешней торговли достиг 6,7 млрд долл. за счет резко выросших на мировом рынке цен на нефть — основную статью бразильского импорта¹. Начавшийся в Бразилии в 1974 г. экономический спад был частью потрясшего всю мировую капиталистическую экономику «нефтяного» кризиса, связанного с резким ростом цен на топливо. «Бразильская модель», ориентированная на внешние источники финансирования и экспорт, оказалась особенно чувствительной и неустойчивой к неблагоприятным изменениям внешней экономической конъюнктуры. Мировой экономический кризис практически мгновенно похоронил ее разрекламированные достижения. «Бразильское чудо» ушло в прошлое так же быстро, как и возникло.

Спад сам по себе отнюдь не был смертельным для бразильской экономики, замедление бурного экономического роста вовсе не означало краха всей «бразильской модели». Но экономические трудности стали своего рода детонатором цепной реакции нарастания кризисных факторов. Выяснилось, что «бразильская модель» как стратегия развития подобна велосипедисту, который сохраняет равновесие только при быстрой езде и начинает падать при торможении. Это объяснялось рядом особенностей ускоренного капиталистического развития предшествовавшего десятилетия, усилившего старые и породившего новые противоречия в бразиль-

ском обществе. Резко возросло социальное неравенство, углубилась пропасть между богатством и бедностью. Если в начале 60-х годов на долю беднейших 50% бразильцев приходилось 17,7% национального дохода, то в середине 70-х годов — лишь 11,8%. Доля самых богатых 5% населения — крупной и средней буржуазии, латифундистов, высших военных и чиновников, напротив, выросла за тот же период с 27,7 до 39%². Бурный рост городов и промышленных зон увеличил разрыв в уровне развития между ними и отсталыми сельскими районами. В надежде получить работу огромные массы обнищавших крестьян устремились в индустриальные центры юга Бразилии, пополнив и без того немалое население печально знаменитых «поясов нищеты» — фавел. Экономический спад лишил обитателей фавел даже слабой надежды на лучшее будущее.

Расширение монополистического сектора бразильской экономики, широкое проникновение в страну в годы «чуда» иностранного капитала, а также бурная экспансия госсектора стали вызывать в 70-е годы серьезное недовольство экономической политикой режима со стороны значительной части местной буржуазии. Оно особенно усилилось в условиях спада, порождая трения в самом правящем социальном блоке.

Наряду с ростом безработицы, усилением противоречий между трудящимися и предпринимателями и среди различных фракций самой буржуазии, «горючим материалом» для развития социально-политического кризиса в середине 70-х годов послужило крушение надежд огромных масс бразильцев, поверивших в годы «чуда» официальной пропаганде, обещавшей им скорое благополучие и процветание, сулившей миражи «национального величия». Надежды эти в условиях спада стали явно несбыточными. Это как бы «разморозило» недовольство широких слоев народа правящим режимом. Утратив иллюзии, разочаровавшись в экономической политике военных, трудящиеся, многочисленные городские средние слои, часть буржуазии начинают все активнее поддерживать единственную легальную оппозиционную партию МДБ.

Серьезные сдвиги в настроениях широких слоев бразильского общества проявились уже в конце 1974 г., после очередных парламентских выборов. Несмотря на продолжающиеся репрессии, многочисленные ограничения деятельности оппозиции и дискриминационные

меры властей, МДБ впервые получила 14,5 млн, или 50%, голосов избирателей на выборах в сенат и 11 млн, или 38%, голосов на выборах в нижнюю палату Национального конгресса. Особенно убедительно эти цифры выглядели в сравнении с 35% голосов, набранными правительственной партией АРЕНА при выборах в сенат и нижнюю палату³. Благодаря специально разработанной системе неравномерного — в пользу отсталых и малонаселенных сельских районов, где большинство голосов получали правительственные кандидаты, — представительства в выборных органах партии АРЕНА удалось сохранить за собой большинство мест в Национальном конгрессе. Однако правящие круги были встревожены тем, что впервые за годы военного правления легальная оппозиция на выборах 1974 г. вышла вперед по общему числу набранных голосов, победив во всех промышленно развитых и некоторых аграрных районах. Особенно значителен был успех МДБ в индустриальных штатах Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Риу-Гранди-ду-Сул, Минас-Жерайс, Парана и Санта-Катарина, где сконцентрировано около $\frac{2}{3}$ населения Бразилии и до 80% пролетариата. МДБ победила в городах, большинство трудящихся которых занято в фабрично-заводском производстве, отличающемся высокой степенью концентрации. Так, в Волта-Редонде (штат Рио-де-Жанейро), где большинство рабочих и служащих трудятся на крупнейшем в стране металлургическом комбинате, представители оппозиции победили с соотношением 4:1. Избиратели — в основном рабочие — четырех крупнейших городов штата Санта-Катарина и 16 из 18 индустриальных городов долины Итажаи также с большим перевесом избрали своими префектами кандидатов от МДБ⁴. По оценке бразильских коммунистов, именно выборы 1974 г. стали поворотным пунктом в активизации сопротивления режиму со стороны демократических сил, которое затем вылилось в открытые выступления массового характера.

Недовольство ухудшающимся экономическим положением и политикой военного режима, активизация легальной оппозиции способствовали в середине 70-х годов возрождению массовых движений «низов» бразильского общества. Оживилось рабочее движение. После десятилетнего перерыва, вызванного жестокими репрессиями, в ряде районов прокатились крестьянские волнения. К участию в политической жизни вернулся

запрещенный в 1968 г. военными Национальный союз студентов — самая влиятельная молодежная организация страны. Начиная с выборов 1974 г. установились контакты профсоюзов с наиболее решительно настроенным крылом — «истинными» — в оппозиционной партии МДБ. Борьбу антидиктаторских сил активно поддержало и сильное оппозиционное, «мятежное» течение бразильской католической церкви. Демократически настроенные священники выступили против репрессий и антинародной экономической политики режима. В совместных действиях всех этих сил правящие круги с полным основанием усмотрели зачатки будущего единого антидиктаторского фронта.

Бурный рост оппозиционного движения в стране чрезвычайно беспокоил военную верхушку, особенно реакционную военную группировку «жестких». Правительство уступило их давлению. В 1975 г. после выступления Э. Гайзела по телевидению о необходимости «борьбы с проникновением коммунизма» в стране развернулась широкая кампания арестов и репрессий, в числе жертв которой оказались коммунисты, активисты демократического движения, профсоюзные и рабочие деятели, представители МДБ.

Чтобы положить конец «подрывной деятельности левых», в 1975 г. в тюрьмы было брошено более 1,5 тыс. человек. Руководители БКП и рабочих профсоюзов Ж. Массена, О. Пашеко, рабочий-металлист М. Фьел Фильо, журналист В. Эрцог и другие погибли под пытками.

Пользуясь попустительством властей, активизировали террористическую деятельность ультраправые военизированные банды — «Бразильский антикоммунистический альянс», «эскадроны смерти», «Команда охоты за коммунистами» и т. д. Наибольшего размаха антикоммунистическая истерия достигла в связи с подготовкой к намеченным на ноябрь 1976 г. муниципальным выборам. Участились случаи похищения людей, нападений на прогрессивных деятелей, в том числе священнослужителей; в помещениях демократических организаций, редакциях газет и журналов взрывались бомбы.

Однако и террор оказался не в силах прервать подъем демократических настроений в стране. Репрессии правительства встречали сопротивление в различных слоях общества: повсеместно прошли выступления

студентов, интеллигенции, рабочих и служащих. Твердую демократическую позицию заняла большая часть деятелей МДБ, прогрессивного крыла католической церкви. Так, Национальная конференция епископов Бразилии 15 февраля 1975 г. заявила, что приложит все усилия для восстановления прав человека в стране, а в конце того же года распространила документ о необходимости для духовенства участвовать в политической жизни страны, обличать судебные процессы над инакомыслящими, пытки и террор. С манифестом «МДБ и нация» в апреле 1976 г. выступило руководство МДБ, протестуя против ликвидации депутатских мандатов трех представителей партии, критиковавших режим. Документ призвал к отмене Институционального акта № 5, к восстановлению демократии и соблюдению законности в стране.

Экономические трудности, активизация демократических сил бразильского общества способствовали быстрому расшатыванию внутривнутриполитической стабильности. Хотя власти еще могли с помощью силы подавлять отдельные выступления оппозиции и трудящихся, нарастание кризиса влекло за собой уменьшение доверия к военному режиму со стороны международных монополистических кругов. Дело в том, что основной притягательной стороной «бразильской модели» для внешних империалистических сил была именно гарантируемая ею политическая стабильность, дававшая возможность беспрепятственной сверхэксплуатации бразильских трудящихся монополиями и обеспечивавшая им баснословные прибыли. Именно благодаря этим прибылям не иссякал приток иностранных капиталовложений в бразильскую экономику в годы «чуда». Когда же внутривнутриполитическая стабильность уменьшилась, отношение иностранного капитала к режиму стало гораздо менее восторженным. Сократились и размеры иностранных займов и кредитов — той «крови», вливаниями которой питалась «бразильская модель».

Таким образом, в результате нарастания лавины кризисных явлений перед военными правителями Бразилии замкнулся своего рода «порочный круг». Чтобы преодолеть экономический спад, нужны были новые иностранные капиталовложения. Но, прежде чем вкладывать деньги, иностранные банки и монополии требовали гарантий внутривнутриполитической стабильности и высоких прибылей. Военные же в результате экономического спада оказались не в состоянии пол-

ностью и надолго справиться с оппозиционными настроениями все более широких слоев бразильского общества, чтобы обеспечить иностранному капиталу соответствующие его требованиям условия. Перед правительством Гайзела встала задача поиска выхода из тупика, в котором оказалась «бразильская модель».

Экономическая политика нового правительства не решила стоящих перед страной проблем. Она была направлена на смягчение последствий кризиса, на поиск новых рынков для бразильских товаров и новых источников финансирования. Не меняя (и не будучи в состоянии изменить) сущность «бразильской модели», Гайзел и его «команда», не снискали лавров в экономической области. Продолжался рост инфляции и цен. Темпы экономического развития даже в самые благоприятные моменты были вдвое ниже, чем в начале 70-х годов. Не уменьшилась безработица. Одновременно резко выросла задолженность Бразилии иностранным банкам. Впервые после создания в конце 40-х годов национальной компании «Петробраз» в бразильскую нефтехимическую промышленность в 1975 г. был допущен иностранный капитал (так называемые «контракты риска»). Все это вызвало недовольство националистически настроенных предпринимательских кругов. «Если вы хотите узнать, как нынешнее правительство войдет в историю, — заявлял один из видных критиков экономической политики Гайзела, — взгляните на основные показатели экономики: с 1974 г. кривая роста цен неудержимо устремляется вверх, а линия экономического роста так же неудержимо катится вниз»⁵.

Недовольство большинства бразильцев положением в стране вновь ярко продемонстрировали выборы в местные органы власти в ноябре 1976 г. Пытаясь не допустить повторения 1974 г., когда оппозиция завоевала большинство голосов на парламентских выборах, и рассматривая муниципальные выборы как плебисцит, проверку отношения к режиму, власти в 1975—1976 гг. развернули мощное наступление на демократические силы. После того как в конце 1974 — начале 1975 г. были разгромлены действовавшие в подполье руководящие органы Бразильской компартии, репрессии обрушились и на легальную оппозицию. Правительство лишило политических прав ряд депутатов Национального конгресса от МДБ — наиболее актив-

ных критиков его политики. Представители оппозиции фактически были лишены доступа к печати, радио, телевидению. Принятый накануне выборов 1976 г. «закон о пропаганде» (или, как его называли по имени тогдашнего министра юстиции, «закон Фалкао») запрещал публично критиковать любой аспект курса правительства. Однако, несмотря на эти дискриминационные меры, МДБ вновь сумела добиться ощутимых успехов. Особенно заметно укрепились ее позиции в крупных городах. В Сан-Паулу за МДБ было подано 65% голосов, в Рио-де-Жанейро — 60, в Белу-Оризонти, Порту-Алегри — свыше половины⁶. МДБ поддерживали представители различных социальных слоев — трудящиеся, значительная часть мелкой и средней буржуазии, студенты. В этом проявилось растущее недовольство политикой военных среди широких кругов населения, общественных организаций, профессиональных объединений, интеллигенции, церкви. В 1976 г. Национальная конференция епископов Бразилии опубликовала заявление, сурово осудившее режим террора в стране: «Тюрьмы переполнены беззащитными бедняками. пытки широко применяются даже в отношении людей, которые попали в тюрьму лишь потому, что при них не оказалось удостоверения личности... Совсем не так обстоит дело, когда речь идет о богатых и влиятельных лицах...». Епископы подчеркнули, что существующий режим держится на силе и объявляет войну тем, кто не согласен с его авторитарным представлением об обществе, обвиняя их в «подрывной деятельности». При этом правительство приносит в жертву свободу печати и свободу мысли, попирает гарантии свободы личности⁷.

Все более резко звучали критические выступления предпринимателей, настаивавших на возврате к нормам буржуазной демократии, на пересмотре в пользу местного частного сектора экономической политики режима, на ограничении роли разросшегося в годы военного правления бюрократического аппарата и госсектора. Так, председатель влиятельной Торговой федерации Сан-Паулу Жозе Папа Жуниор, ранее не раз открыто объявлявший себя сторонником военного правительства, заявил: «Бразилия должна стать государством, где господствует закон. Когда мы готовили движение 31 марта (имеется в виду переворот 1964 года. — Авт.), то хотели видеть демократический, а не

деградирующий режим. Я уверен, что наступило время для нового цикла политической эволюции Бразилии. Пора восстановить в стране демократические права, избирательную систему, допустить участие народа в политической жизни, пересмотреть экономическую политику, как того требует конъюнктура международного и национального рынков»⁸.

Отход предпринимательских кругов от курса на всемерную поддержку режима с еще большей очевидностью обнажил коренные изъяны существующей политической системы. Военно-бюрократическая элита режима, использовавшая все способы, чтобы удержаться у власти, непосредственно опиравшаяся на мощный госсектор, постепенно превратилась в глазах местной буржуазии в конкурента, в угрозу «свободе частного предпринимательства». Кроме того, допускавшиеся военными «перегибы» в трудовой политике явно грозили социальным взрывом.

Эти опасения заставили таких видных теоретиков «бразильской модели», как Р. де Оливейра Кампос, М. Э. Симонсен, Ж. П. Рейс Веллозу и др., настаивать на непосредственном, без вмешательства государства, диалоге предпринимателей с рабочими, на поиске новых форм взаимодействия с профсоюзами, которые все чаще с боевых позиций защищали справедливые требования трудящихся об изменении политики в области заработной платы, о праве на забастовку и свободный коллективный договор. По мнению предпринимательских кругов, в сложившейся ситуации дальнейшее экономическое развитие не могло сохратить необходимый темп, если ему не будет сопутствовать «социальный толчок», т. е. более активное сознательное участие рабочих в осуществлении намеченных экономических программ. Однако, по справедливому замечанию журнала бразильских деловых кругов «Банас», появление подобных взглядов не означало фронтальной оппозиции «неокапиталистической формуле, выдвинутой в 1964 г.» Скорее речь шла о поиске компромисса с окрепшим профсоюзным и рабочим движением, о стремлении придать существующей модели большую «социальную направленность», заставить правящую группировку прислушаться к требованиям момента⁹.

Идея навязать социальное партнерство рабочему классу особенно четко прослеживалась в развернутой

программе — «Манифесте восьми», — сформулированной признанными буржуазными лидерами по результатам опроса 5 тыс. предпринимателей, проведенного газетой «Меркаптил». В документе обосновывалась важность реформ в экономической и социальной областях. В социальной части манифеста были изложены требования справедливой политики в области заработной платы, модернизации профсоюзной структуры, введения коллективных договоров без опеки государства¹⁰.

Признаки недовольства политикой правительства постепенно стали ощущаться и в среде высшей бюрократии. В начале 1977 г. ушел в отставку призывавший к политическим реформам министр промышленности и торговли Северо Гомис. Опрос бывших министров военных правительств 1964—1976 гг. показал, что значительная их часть поддерживает мнение С. Гомиса о необходимости восстановить «правовое государство в полном смысле этого слова», что, по их мнению, явилось бы первым шагом на пути к демократическим преобразованиям в стране¹¹.

Впервые за многие годы критика в адрес правительства прозвучала и из рядов националистически настроенного офицерства, представители которого создали Конституционное военно-демократическое движение: 110 полковников подписали в 1977 г. письмо Э. Гайзелу с призывом положить конец военному правлению¹².

В условиях продолжающихся экономических трудностей, роста влияния оппозиционных сил, недовольства в самом правящем социальном блоке группировка Гайзела была вынуждена начать активное маневрирование с целью не допустить краха режима, добиться смягчения противоречий с оппозицией, стабилизировать — причем на долговременной основе — политическую ситуацию в стране. Развитие событий показало, что уже в середине 70-х годов наиболее дальновидные представители правящей военно-технократической верхушки Бразилии, в том числе и президент Гайзел, пришли к выводу о необходимости разработать последовательную программу уступок и компромиссов, постепенного перехода от открытой военной диктатуры к ограниченной буржуазной демократии. Забегая вперед, скажем, что в прессе и научной литературе этот процесс перехода получил название «либерализация».

Однако прежде, чем приступить к практическому осуществлению своей программы, Гайзел и его сторонники должны были преодолеть немало препятствий. Главным, наиболее серьезным из них на том этапе были ультраправые военные круги. Они пользовались немалым влиянием. За годы военного правления многие ранее никому не известные офицеры сделали карьеру за счет безудержного антикоммунизма, «чисток» и жестоких преследований всех «инакомыслящих» военных и гражданских элементов. Некоторые из этих офицеров являлись непосредственными организаторами и участниками пыток и убийств коммунистов, членов других запрещенных партий и организаций. В условиях, когда правительство Гайзела, маневрируя, осудило практику пыток и похищений политических противников, а политическая атмосфера свидетельствовала о возрождении демократических тенденций в бразильском обществе, силы крайней реакции всячески препятствовали позитивным внутривнутриполитическим сдвигам. Не последнюю роль при этом играл их страх за собственную судьбу.

Положение в бразильской военной верхушке во второй половине 70-х годов определялось борьбой трех основных соперничающих группировок. Наиболее реакционная часть офицерства (сторонники безоговорочного сохранения и ужесточения контроля армии над политической жизнью страны, крайне консервативные, правонационалистические и профашистские элементы) представляла «жесткую линию», или течение «жестких». Группировка «умеренных» представляла круги, связанные с монополистическим капиталом и новой военно-технократической госэлитой, которые выступали за постепенный, плавный, осторожный отход армии от непосредственного участия в политической жизни при сохранении ее контроля над наиболее важными решениями в этой области. Наконец, «националисты» — находившееся в меньшинстве оппозиционное течение среди военных — выступали за смену экономической стратегии, против засилья иностранного капитала, за расширение внутреннего рынка и более равномерное распределение доходов в бразильском обществе. Политически это течение было еще более неоднородным, чем два других. Оно объединяло практически всех — от консерваторов и сторонников военного правления до приверженцев достаточно широкой демо-

кратизации. В историческом плане «националисты» являлись как бы наследниками мощных популистских идейно-политических течений 40—60-х годов, затронувших и бразильскую армию при правительствах от Варгаса до Гуларта.

Преобладающим влиянием среди военных с середины 70-х годов стали пользоваться «умеренные», которых представляли такие известные деятели, как президент Гайзел, главный идеолог режима генерал Голбери ду Коуту-э-Силва, будущий преемник Гайзела на посту президента — начальник Национальной службы информации генерал Фигейреду. Большое влияние сохранили и «жесткие». Их оплотом были армейские репрессивные органы: служба безопасности, военная полиция, а также расквартированные на юге страны в стратегически важных штатах Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Риу-Гранди-ду-Сул II и III армии.

Направленный на смягчение политических противоречий курс Гайзела, его попытки избавиться от наиболее скомпрометированных в глазах бразильского общества атрибутов диктатуры вызвали резкое сопротивление ультрареакционных милитаристских кругов. В январе 1976 г. в связи с тем, что достоянием гласности стали факты пыток и убийств противников режима армейскими спецслужбами в Сан-Паулу, Гайзел был вынужден пойти на открытое столкновение с «жесткими». В отставку был уволен их видный лидер — обладавший огромными полномочиями командующий II армией генерал Э. д'Авила Мело, которого в прессе называли «вице-королем Сан-Паулу». По оценкам бразильской печати, этот эпизод стал первой крупной победой «умеренных» на пути отказа от самых одиозных сторон диктатуры.

Дальнейшее упрочение контроля «умеренных» над армией было связано с отставкой в конце 1977 г. могущественного министра сухопутных войск генерала С. Фроты, пытавшегося восстановить влияние «жестких» и стать преемником Гайзела на посту президента. Смещение Фроты планировалось как крупная военная операция, в обстановке строжайшей секретности. На случай вооруженного сопротивления его сторонников были мобилизованы надежные воинские части. Это само по себе достаточно красноречиво свидетельствовало о силе «жестких», которые лишь после смещения Фроты утратили часть своего влияния.

Следует отметить, что курс правительства Гайзела на постепенный отход от диктаторских форм правления был весьма осторожным, проводился с постоянной оглядкой на военную верхушку. Маневрируя, правительство стремилось сохранить в своих руках эффективные рычаги управления страной в чрезвычайных обстоятельствах. Ярким примером этого является принятие так называемого «апрельского пакета» законодательных мер в 1977 г. Он включал две поправки к конституции и 8 декретов-законов антидемократического характера. «Апрельский пакет» предусматривал продление до 6 лет президентского мандата, приостановку на 4 года намеченных ранее на 1978 г. прямых выборов губернаторов штатов, назначение правительством (вместо избрания) сенаторов и еще более строгие ограничения доступа оппозиции к средствам массовой информации. Эти меры, давшие военной верхушке дополнительные гарантии сохранения в своих руках контроля над процессом внутривнутриполитических перемен, вызвали возмущение демократической общественности страны. «Апрельский пакет» обозначил точные границы шагов в направлении политической «либерализации», на которые были готовы пойти бразильские правящие круги на том этапе.

В полном виде программа правительства Гайзела по «либерализации» внутривнутриполитической жизни была сформулирована лишь к концу его пребывания у власти, в июне 1978 г. (так называемый «июньский пакет»). Она включала отмену репрессивного, наделавшего президента диктаторскими полномочиями Институционального акта № 5 и некоторых других антидемократических законов. В частности, отменялась смертная казнь за политические преступления, ранее введенная диктатурой. Предусматривались восстановление ряда юридических норм, отмена цензуры печати. В более далекой перспективе программа намечала восстановление многопартийности взамен действовавшей с 1966 г. двухпартийной системы.

До конца своего пребывания во дворце Планалту Гайзел провел в жизнь лишь часть перечисленных мер — отменил цензуру печати и ряд репрессивных законов, что в целом было положительно встречено бразильской общественностью. Печать подчеркивала, что отмена Институционального акта № 5 «разрядила бомбу с часовым механизмом, каковой он являлся для

режима»¹³. В то же время коммунисты, другие представители демократических сил указывали, что «июньский пакет» заслуживает критики за то, что не предусматривает многих давно назревших внутривнутриполитических преобразований. Еженедельник «Исто э» подчеркивал, что «демократические устремления общества отнюдь не удовлетворены правительственным проектом»¹⁴. Нарастало и недовольство экономическим положением страны. Сохраняющаяся политическая и социальная напряженность особенно явно обозначилась в 1978 г. в ходе весенних выступлений рабочего класса, прежде всего в Сан-Паулу, и в итоге ноябрьских парламентских выборов.

В обстановке нарастания оппозиционных настроений произошли заметные перемены и в профсоюзном движении, остававшемся до середины 70-х годов практически под полным контролем правительства. С первых дней своего существования режим стремился ограничить сферу деятельности профсоюзов рамками проблем социального обеспечения, культурных и спортивных мероприятий. Забастовки — важнейшее оружие их борьбы, длительное время находились под запретом; выборы профсоюзных руководителей строго контролировались. Первоначально среди форм выступлений трудящихся преобладали «мирные» — петиции, воззвания, встречи с правительственными чиновниками. Однако во второй половине 70-х годов бразильский пролетариат все чаще стал обращаться к таким действенным методам борьбы, как митинги, демонстрации, стачки, забастовки.

Кризис военного правления сопровождался серьезными сдвигами в сознании наиболее передовых отрядов пролетариата, более активной позицией в защиту своих классовых интересов рабочих основных промышленных центров. Политические выступления профсоюзов, «работа по правилам» (фактические забастовки на рабочих местах) получили распространение уже в 1975—1977 гг. После выборов 1974 г. стали более тесными связи профсоюзов с легальной политической оппозицией.

Понимая необходимость ломки жестких рамок существующей профсоюзной структуры, отмены контроля со стороны государства, рабочие лидеры все настойчивее требовали от правительства создания условий для свободной деятельности профсоюзов, в том числе

права на забастовку и свободный коллективный договор с предпринимателями, призывали трудящихся бороться за их осуществление. Так, в интервью прогрессивному еженедельнику «Опиниану» руководители восьми крупнейших профобъединений «Большого» Сан-Паулу единодушно высказались за предоставление профсоюзам автономии, большей самостоятельности, подчеркнув недопустимость вмешательства властей буквально во все аспекты их деятельности — от финансовых вопросов до выборов руководства.

Далеко не все профлидеры стояли на радикальных позициях, о чем свидетельствовал бурный характер профсоюзных конференций, съездов. Чрезвычайно резким столкновением мнений был отмечен V съезд Национальной конфедерации трудящихся промышленности (НКТИ), состоявшийся в 1978 г. в Рио-де-Жанейро. В ходе съезда сформировалась профсоюзная оппозиция, объединившая около 400 делегатов, в том числе руководителей ряда входящих в конфедерацию профсоюзов. В обнародованной ими Хартии принципов отвергался соглашательский курс руководства конфедерации. Авторы документа требовали свободы деятельности и автономии профсоюзов, ликвидации контроля над ними со стороны государства, превращения съездов объединений в подлинные руководящие органы профсоюзного движения. Хартия заявляла о необходимости бороться за право на забастовку и прямые переговоры с предпринимателями, а также развивать систему рабочих комиссий на предприятиях — местных профсоюзов, стихийно возникавших в процессе активизации борьбы трудящихся каждого отдельного предприятия. Эти организации олицетворяли стремление трудящихся избавить профессиональные объединения от контроля «сверху», приблизить их к рабочим местам и сделать подлинными выразителями своих интересов.

Рабочие комиссии первоначально возникли на крупнейших предприятиях иностранных и международных компаний наиболее передовых отраслей промышленности — автомобилестроения, металлообрабатывающей, электронной и электротехнической, химической, расположенных в основном в Сан-Паулу и его пригородах. Требование о праве на создание профсоюзов по месту работы поддержала Бразильская коммунистическая партия, которая в трудных условиях под-

люлия продолжала неустанную работу среди трудящихся.

Рост недовольства своим положением, дальнейшее ухудшение экономической ситуации, сдвиги в сознании пролетариата и его завоевания в перестройке изжившей себя профсоюзной структуры — все это подготовило почву для качественного скачка в развитии борьбы трудящихся. О скачке заговорили с 1978 г., памятного прежде всего самыми массовыми за все годы существования режима забастовками в Сан-Паулу.

В мае—июле 1978 г. в этом крупнейшем индустриальном центре Бразилии забастовало более 100 предприятий. В забастовках участвовало одновременно около 400 тыс. человек, причем только в «треугольнике ABC» (по первым латинским буквам названий трех крупных промышленных пригородов Сан-Паулу: Санту-Андре, Сан-Бернарду и Сан-Каэтану) бастовало 75 тыс. рабочих-автомобилестроителей. Правда, требования бастующих ограничивались в основном улучшением условий труда, повышением заработной платы, а политически — профсоюзными свободами и некоторыми изменениями в трудовом законодательстве, тем не менее они потрясли самые основы режима. Быстрый рост забастовочного движения явился полной неожиданностью для предпринимателей и властей. Бастующих рабочих поддержала оппозиционная партия МДБ, демократическое крыло церкви, другие организации. Правительство же, объявив забастовки вне закона на основании антирабочих актов первых лет диктатуры, не решилось прибегнуть к силе для их подавления, учитывая массовый характер выступлений и наметившийся демократический подъем в стране. Как отметил в ноябре 1978 г. Пленум ЦК Бразильской компартии, первые за годы военного режима массовые забастовки в Сан-Паулу послужили предпосылкой дальнейшего подъема бразильского рабочего и революционного движения на рубеже 80-х годов¹⁵. С мая 1978 по май 1979 г., по данным профсоюзов, в забастовках по всей стране приняло участие более 1 млн трудящихся.

Еще одной важной победой антидиктаторских сил Бразилии в этот период стали результаты состоявшихся в ноябре 1978 г. парламентских выборов, которые как бы подводили политический итог пребыванию Гай-

зела у власти. Рост оппозиционных настроений после муниципальных выборов 1976 г. заставил правительство внести изменения в саму избирательную процедуру, чтобы еще больше ограничить возможности оппозиции. Однако углубление кризиса всей политической системы военного режима обусловило неудачу этих маневров. Вопреки им, МДБ удалось выступить в роли подлинного единого фронта антидиктаторских сил. На выборах в сенат оппозиция получила 48% голосов. За нее отдали голоса 18,9 млн бразильцев — на 5 млн больше, чем за правительственную партию АРЕНА; 15,5 млн человек (40%) проголосовало за кандидатов МДБ в нижнюю палату Национального конгресса¹⁶. Оппозиция победила во всех столицах штатов и городах с населением свыше 100 тыс. человек. Впервые после 1964 г. кандидат от МДБ — известный представитель военных-националистов генерал Э. Бентес участвовал в президентских выборах. В силу навязанного властями избирательного законодательства победа оппозиционного кандидата была практически исключена. Однако его участие в выборах при поддержке ряда видных гражданских и военных деятелей свидетельствовало о глубине кризиса «верхов», переживаемого режимом.

В целом итоги парламентских выборов 1974—1978 гг., размах забастовочной борьбы в этот период говорили об усилении тенденции к сплочению оппозиционных антидиктаторских сил. Режим, контролируя ситуацию в целом, вынужден был в то же время постоянно прибегать к разного рода ухищрениям, чтобы сохранить хотя бы видимость своего «демократического фасада» — регулярно проводимые выборы. Борьба вокруг выборов выявила основные линии политической конфронтации на последующие годы. Размежевание, раскол на сторонников и противников военного правления затронули, как отмечала бразильская пресса, «практически все слои общества, включая и круги, наиболее близкие к режиму»¹⁷. Это стало важным социально-психологическим показателем его упадка.

Нельзя не сказать и о внешнеполитических факторах, способствовавших углублению кризиса диктатуры. Их наличие ускорило поиск «выхода из тупика» бразильскими правящими кругами и подкрепило борьбу демократических сил страны. Это прежде всего сама атмосфера разрядки международной напряжен-

ности во второй половине 70-х годов. Разрядка стала мощным глобальным фактором «потепления» политического климата. Благодаря этому силам реакции, и том числе и бразильским ультраправым, все труднее становилось отыскивать предлоги для оправдания репрессий против «инакомыслящих». Сторонники же демократизации бразильского общества получили мощный аргумент в свою пользу. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК Бразильской компартии Жюоконду Диас, «успехи международной разрядки во второй половине 70-х годов... способствовали росту сил, заставивших диктатуру пойти на уступки»¹⁸.

Думается, не случайно и то, что отход от жестких антикоммунистических догм военной диктатуры при правительстве Гайзелла наиболее явно проявился именно во внешней политике Бразилии. Не останавливаясь подробно на эволюции внешнеполитического курса страны, который будет рассмотрен отдельно, отметим лишь, что во второй половине 70-х годов Бразилия заняла независимую позицию в ООН по таким международным проблемам, как ближневосточное урегулирование, признание права народов колониальных территорий, в частности Намибии, на самоопределение. Она одной из первых признала независимость бывших африканских колоний Португалии: Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и др. При одной из очередных попыток Соединенных Штатов оказать политический нажим на правительство Гайзелла в 1977 г. с его стороны последовал разрыв соглашения о военном сотрудничестве с США и отказ от американской военной помощи. Одновременно расширились торгово-экономические отношения Бразилии с социалистическими странами. Все это свидетельствовало о возросшей независимости бразильской внешней политики. Однако нельзя преувеличивать «антиимпериалистическую» направленность всех этих шагов. Скорее можно говорить о попытках окрепшего бразильского капитализма обеспечить себе «место под солнцем» в ряду других капиталистических государств. Бразилия, претендуя на роль лидера развивающихся стран, умело играла на противоречиях между империалистическими и освободившимися государствами. Истинные же симпатии значительной части бразильских правящих кругов и в этот период достаточно ясно проявились в поддержке ими (в том числе финансовой и политической) кровавого режима Пино-

чета, военных диктатур в Аргентине, Боливии, Парагвае, Уругвае. Окрепшая в годы «чуда» бразильская монополистическая буржуазия, шовинистически настроенные милитаристские круги продолжали претендовать на гегемонию в масштабах всей Южной Америки, видели свою «историческую миссию» в распространении «бразильской модели» на соседние страны.

Противоречие между двумя отмеченными линиями бразильской внешней политики лишь кажущееся. Претендуя на статус «нарождающейся великой державы» и одновременно испытывая острую потребность в топливе, сырье, рынках для своих товаров, пытаясь поддерживать свивжающиеся темпы экономического развития, военно-технократическая верхушка Бразилии при Гайзеле вынуждена была «ретушировать» свой облик на международной арене, идти на переориентацию внешней политики. Поэтому, конечно, прав французский ученый М. Шоайан, который писал, что «Гайзел вывел бразильскую внешнюю политику из паралича идеологического догматизма»¹⁹, отказавшись от заостренных идеологических догм «холодной войны», на которых строили внешнеполитический курс его предшественники. Это, в свою очередь, не могло не способствовать «потеплению» политического климата в самой Бразилии.

Нельзя сбрасывать со счетов и воздействие на бразильских военных «уроков» Португалии и Испании — двух стран, традиционно оказывающих значительное влияние на политическую жизнь Латинской Америки. Опасаясь повторения «португальского опыта» — революционного взрыва всенародного недовольства диктатурой Салазара-Каэтану в 1974 г., бразильские военные стали все больше склоняться к примеру и опыту более плавного, постепенного и безболезненного для правящих кругов отхода от политического наследия франкизма в Испании 70-х годов.

Таким образом, серьезные политические сдвиги, предстоявшие Бразилии на рубеже 70-х и 80-х годов, были подготовлены взаимодействием множества факторов: экономических, внутри- и внешнеполитических, социальных и многих других, всем ходом политической жизни страны в середине и во второй половине 70-х годов.

В начале 1979 г., когда президент Гайзел собирался уступить место во дворце Планалту своему преем-

нику генералу Ж. Фигейреду, он мог считать довольно успешными политические итоги своего правления. Закрепили позиции «умеренных» — сторонников осторожных перемен в верхушке правящего режима. Возрос авторитет институтов парламентской демократии. Был сделан шаг к институционализации президентской власти. Показательно, что Гайзел был первым за 50 лет — с 1926 г. — бразильским президентом, «нормально», в заранее установленные сроки получившим полномочия от предшественника и передавшим их преемнику. Пребывание Гайзела у власти завершило период безраздельного господства военно-технократической верхушки в политической жизни Бразилии. Одновременно оно было как бы вступлением к развернувшемуся в начале 80-х годов процессу собственно перехода от диктатуры к буржуазной демократии. Этот процесс, подготовленный сложными социально-экономическими сдвигами, многолетней тяжелой борьбой рабочего класса, всех оппозиционных и демократических сил Бразилии, развитием международной обстановки, приобрел более ясные очертания в последующие годы.

Либерализация: выход найден?

Выше говорилось о тех многообразных факторах, которые во второй половине 70-х годов подготовили и обусловили поворот Бразилии к либерализации. Прежде чем продолжить рассказ о бурных непростых процессах, определявших политическую жизнь Бразилии в начале 80-х годов, необходимо выяснить, что же такое либерализация.

Это определенный тип перехода от диктатуры к режиму формальных политических свобод — к буржуазной демократии. Либерализация двойственна по своей природе. Это попытка «усовершенствования», модернизации диктатуры самими стоящими у власти социальными силами. Тем самым предопределяется постепенность, поэтапность, частичность преобразований. Каждый шаг на пути либерализации контролируется «сверху», обставляется предохранительными мерами. Этим гарантируется преемственность власти, сохранение ее основных рычагов в руках прежних правящих групп. Либерализация не предполагает резкого разрыва с уходящим диктаторским режимом. Ее цель —

плавный, мирный переход к ограниченной буржуазной демократии, гарантирующий не только сохранение, но даже укрепление, «нормализацию» существующей социально-экономической структуры общества. Но это лишь одна сторона процесса. Другая же заключается в том, что либерализация — шаг вынужденный, последняя возможность для правящей элиты находящегося в кризисе режима относительно безболезненно «выпустить пар из котла», разрядить недовольство широких народных масс. Это реформы, направленные на предотвращение социального взрыва. Поэтому обычно либерализация осуществляется преимущественно «сверху», но обязательно под давлением масс, отвергающих диктатуру. Это одновременно и уступка господствующим классам трудящимся, народным массам, требующим широкой демократии, и стратегия правящей верхушки, нацеленная на сглаживание противоречий и на «социальный мир», стабилизацию социально-политической ситуации и обеспечение приемлемых условий дальнейшего капиталистического развития. В этой двойственности — диалектика либерализации как особого типа перехода от диктатуры к буржуазной демократии.

Наряду с либерализацией можно выделить другие варианты подобного неревolutionного перехода. В испаноязычной литературе встречается термин «диктабланда» (в буквальном переводе «мягкая диктатура»). Эта ситуация более близка к уходящему диктаторскому режиму, чем либерализация, предполагающая не наделение граждан формальными политическими правами и свободами, а лишь отказ от широкомасштабных репрессий, «смягчение» режима. Политические свободы в такой ситуации частично приобретаются гражданами де-факто, без формального признания их правящим режимом. Так было, например, в Испании конца 60-х годов. Сходной была ситуация и в Бразилии при правительстве Гайзелы.

Третий тип перехода — демократизация. Это процесс более глубоких и последовательных буржуазно-демократических преобразований, чем при либерализации и тем более при «диктабланде». В нем широко участвуют массовые демократические движения, которые и определяют ход и полноту демократизации. Такой процесс гораздо труднее контролировать «сверху». Поэтому в ходе демократизации не только возмо-

нии, но и вероятен разрыв с прежним режимом. Процесс демократизации общества наблюдался, в частности, после «революции гвоздик» 1974 г. в Португалии. Правда, там он не был доведен до конца, ибо у мисс не хватило на это сил.

Как видим, либерализация занимает промежуточное положение по отношению к двум другим типам переходных политических ситуаций. И хотя границы при этом довольно расплывчаты, а само деление весьма условно, все же эта схема дает некоторые практически полезные ориентиры.

Процессы, происходившие в конце 70-х годов в Бразилии, нельзя полностью «подогнать» ни под один из приведенных типов. Однако доминирующей тенденцией политического процесса стала именно либерализация, как подчеркивали бразильские коммунисты¹.

Объективной материальной основой для либерализации явились социально-экономические итоги периода военной диктатуры. Характеризуя их, тов. Ж. Диас писал: «Социально-экономическое развитие Бразилии сегодня всецело определяется капиталистическим способом производства. Хозяйственная структура страны претерпела качественную трансформацию под воздействием ускоренной концентрации капитала — процесса, который целенаправленно поощрялся режимом...»². После 1964 г. выросла и приобрела современный облик бразильская промышленность, а вместе с нею — пролетариат. Сформировался финансовый капитал. Военно-технократическая верхушка слилась с монополистическими кругами и образовала новую госэлиту, которая проявила стремление к внешней политической и экономической экспансии на основе особой, «субимпериалистической» идеологии и соответствующего ей политического курса. Все это свидетельствовало, что к середине 70-х годов произошел качественный скачок в развитии бразильского капитализма. Начался новый этап его развития. Речь идет о государственно-монополистическом этапе (ГМК). И хотя есть немало различий между государственно-монополистическим капитализмом крупных империалистических держав и формирующимся ГМК Бразилии, все же в основном, определяющем они совпадают.

В основном обеспечив переход, скачок к государственно-монополистическому капитализму в Бразилии путем ускоренной концентрации капитала, усиленного

ограбления трудящихся, подавления их освободительного движения, военная диктатура выполнила, с точки зрения местной буржуазии и международного монополистического капитала, свою главную задачу. В результате перед правящей верхушкой встал вопрос о необходимости создания такой политической надстройки, которая обеспечила бы ровное, устойчивое, без рывков дальнейшее капиталистическое развитие. Неотложность этого определялась тем, что жесткая политическая система диктатуры, приспособленная для «чрезвычайных» условий, репрессий, ломки старого бюрократического аппарата, короткого «рывка» в капиталистическом развитии, оказалась явно не в состоянии обеспечить длительное устойчивое развитие, тот «классовый мир», к которому стремились монополии и бразильские «верхи». В условиях нарастающей борьбы трудящихся и экономического спада диктатура из опоры стала превращаться в обузу для крупного капитала, который больше не нуждался в такой «политической подпорке». Укрепив свои позиции в годы «экономического чуда», бразильская «новая элита» теперь была не прочь постепенно перейти к более гибкой политике. Она была готова сделать своим основным методом управления не репрессии, а кое-какие уступки народным массам, лавирование.

Однако готовность бразильских правящих кругов к либерализации, обусловленная явлениями социально-экономического порядка, означала лишь *возможность* постепенного отказа господствующих классов от диктатуры в пользу буржуазно-демократического режима. Конкретные же характеристики этого перехода — глубина демократических сдвигов, их темпы и результаты — зависели от многих факторов, прежде всего от соотношения политических сил на пороге 80-х годов. Важна была степень решимости и сплоченности демократических сил, их способность возглавить процесс преобразований. В противном случае правящий режим мог навязать свои условия и масштабы реформ.

Борьба вокруг проблемы либерализации началась еще в середине 70-х годов, при правительстве Гайзелла. Наибольшей же остроты она достигла при его преемнике генерале Фигейреду, в преддверии нового десятилетия.

Вряд ли кто-нибудь решился бы назвать безоблачной политическую атмосферу Бразилии в начале 1979 г., в момент вступления в должность пятого после военного переворота 1964 года президента страны — генерала Жоао Батисты Фигейреду. Предпринятые Э. Гайзелом шаги по смягчению наиболее одиозных сторон диктатуры: отмена цензуры, реакционного Институционального акта № 5, обещание дальнейших реформ — способствовали некоторому ослаблению внутривнутриполитической напряженности. Однако стремление широких слоев бразильского общества к демократии было удовлетворено этим далеко не в полной мере.

Дело в том, что, хотя в последние годы пребывания Гайзела у власти и наметились действительно существенные сдвиги в направлении либерализации внутривнутриполитической жизни страны, правительственный проект реформ не коснулся многих жизненно важных сторон бразильской действительности. В частности, проект сохранил множество оговорок, обеспечивающих легкую обратимость демократических перемен, возможность возврата к диктатуре, например право объявлять без согласования с парламентом чрезвычайное положение и др. Проект реформ не затрагивал самых одиозных антидемократических законов режима³, сохранял корпоративистское трудовое законодательство, основы которого были заложены еще в эпоху Варгаса и дополнены в годы диктатуры реакционными поправками. Был сохранен в неприкосновенности репрессивный аппарат режима, повинный в гибели и преследованиях тысяч демократов и остававшийся оплотом махровой реакции. Ничего не говорилось в этом проекте и о восстановлении процедуры прямых выборов президента страны⁴. Все это вызывало законное недовольство широких слоев общественности.

В условиях роста демократических настроений бразильского общества, ухудшавшегося экономического положения в стране, ведущего к массовому недовольству трудящихся, политический кризис режима продолжал развиваться. На правительство Фигейреду с самого начала оказывалось сильнейшее давление. С одной стороны, оно не могло не считаться со все более мощными оппозиционными силами, объединившимися накануне парламентских выборов 1978 г. в анти-

диктаторский Фронт борьбы за восстановление демократии и требующими глубоких и последовательных преобразований, а с другой — испытывало влияние вновь поднимавшей голову оппозиции «справа», прежде всего военной, напуганной резко возросшей в условиях начала либерализации политической активностью бразильского общества. Ультраправые военные требовали жесткого подавления оппозиции и обвиняли правительство в «предательстве идеалов революции 1964 года». Активизировались и националистические военно-предпринимательские круги, также резко осуждавшие политику режима, прежде всего экономическую.

В этой обстановке правительство Фигейреду и связанная с ним военно-технократическая «неокастелистская» группировка в первые месяцы своего пребывания у власти предприняли ряд энергичных мер по ускорению либерализации. Их целью было перехватить у оппозиции политическую инициативу, расколоть антидиктаторские силы и по возможности расширить свою общественно-политическую базу. Как свидетельствовала влиятельная газета бразильских деловых кругов «Эстаду де Сан-Паулу», стратегическая линия правительства на этом этапе была направлена на достижение трех основных целей: деполитизации армии и постепенного возврата военных в казармы при сохранении в то же время достаточной степени их влияния в обществе и контроля с их стороны за ходом политического процесса; раскола оппозиции и привлечения некоторых ее течений на сторону правительства; победы на парламентских выборах 1982 г. и обеспечения контроля над сменой президентов в начале 1985 г.⁵

Следуя этому курсу, президент Фигейреду объявил в августе 1979 г. амнистию большинству осужденных или находившихся в эмиграции политических противников режима. Одновременно был принят закон о переходе с января 1980 г. к реформе системы политических партий и о восстановлении многопартийности. Правительство назначило на ноябрь 1982 г. проведение — впервые после 1965 г., когда они были запрещены, — прямых выборов губернаторов штатов одновременно с парламентскими и муниципальными выборами. Были сделаны шаги к фактическому признанию права трудящихся на забастовку, отрицавшегося предыдущими военными правительствами, и к восстанов-

лению влиятельной молодежной организации — Национального союза студентов, — запрещенной властями в 1968 г. Таков был правительственный проект — «пакет», как его называли бразильцы, — первого этапа внутриполитической либерализации.

Политические цели правительственной программы реформ наглядно проявились уже в ходе осуществления амнистии — хронологически первого шага Фигейреду на пути к либерализации. Амнистия совершенно явно была направлена на лишение оппозиции ее наиболее действенных и популярных антидиктаторских лозунгов. Следует учитывать, что в Бразилии 70-х годов под флагом борьбы за амнистию сформировалось одно из наиболее мощных оппозиционных общественных движений, включавшее десятки светских и религиозных организаций различной политической ориентации. Обезоруживая его, амнистия одновременно позволяла повысить международный престиж правительства. Она распространялась на большинство осужденных по политическим мотивам и ссыльных, но не касалась лиц, обвиненных в вооруженном терроризме. Кроме того, по настоянию правых военных кругов амнистия предусматривала гарантию от судебного преследования в будущем агентов репрессивных органов, повинных в пытках и убийствах патриотов. Правительство же, включив в закон об амнистии этот пункт, не только избежало открытого разрыва с ультраправыми военными, но и придало всему законопроекту оттенок «всепрощения», импонировавший религиозным взглядам части населения.

Несмотря на эту ограниченность, амнистия, безусловно, оказала важное демократизирующее воздействие на бразильское общество. Были освобождены из тюрем политзаключенные. Осенью 1979 г. смогли вернуться в страну видные политические деятели, находившиеся в эмиграции, в том числе руководители Бразильской компартии и другие лидеры антидиктаторских сил.

Практически одновременно с амнистией началась подготовка к проведению реформы системы политических партий. Эта мера была не только важнейшим по своим политическим последствиям шагом правительства Фигейреду в деле либерализации, но и наиболее ярким проявлением двойственности, внутренней противоречивости самого этого процесса. Правительственный

проект партийной реформы позволял, по замыслу стратегов из окружения Фигейреду, добиться сразу нескольких целей. Прежде всего реформа мыслилась как зримый символ возврата страны к парламентской демократии. Это должно было помочь правительству лишить оппозицию одного из ее основных лозунгов и важнейшего политического «козыря» в условиях, когда, как отмечала бразильская печать, «лишь одна карта — демократия — представлялась имеющей цену в политической игре»⁶. Не менее важно для режима было то, что реформа, восстанавливая многопартийность, позволяла тем самым расколоть ряды оппозиции. По словам газеты бразильских коммунистов, именно раскол МДБ, являвшей собой «объединение оппозиции, способное внести большой вклад не только в борьбу у избирательных урн и в парламенте, но и в достижение демократии»⁷, был основной целью режима в ходе этой реформы. Кроме того, по замыслу авторов правительственного проекта, реформа позволяла избавиться от инакомыслящих в самом правительственном лагере, число которых в годы кризиса режима сильно выросло. Выполнение всех этих задач открывало перед правящими кругами перспективу упрочения своей политической базы и хотя бы частичной институционализации, «узакопления» режима в глазах общественности.

Условия образования новых партий* были обнародованы в декабре 1979 г., а с января 1980 г. началась официальная регистрация их. По новому закону каждой партии, чтобы получить официальное признание, необходимо было обеспечить себе поддержку как минимум 10% депутатов Национального конгресса (48 голосов) либо образовать партийные комитеты в 20% муниципалитетов не менее чем 9 штатов. Такой высокий ценз позволял правительству сразу же «отсеять», вывести из игры все нелегальные и поэтому относительно малочисленные левые партии.

Место упраздненной АРЕНА в новой партийной системе Бразилии заняла правительственная Социально-демократическая партия (ПДС)⁸. Однако, несмотря на функциональное сходство старой и новой правительственных партий, их программы разительно отли-

* Ниже аббревиатуры названий партий, образовавшихся в результате реформы 1980 г., даются по их португальским названиям, за исключением БКП, для которой сохраняется традиционная русская аббревиатура.

чались друг от друга. Если документы АРЕНА носили, как правило, ярко выраженный консервативный, охранительный характер, правда, со значительной долей социальной демагогии, то уже в первых программных заявлениях ПДС явно отразилась обстановка демократического подъема, который переживала Бразилия в конце 70-х — начале 80-х годов.

Начиная от официального девиза новой партии «Реформы и преобразования», все ее лозунги были пронизаны безудержной политической спекуляцией на демократических устремлениях бразильского общества. Как отмечала уже в январе 1980 г. оппозиционная печать, исходя из этих документов, неопытный человек мог бы подумать, будто речь идет о левой партии. Опубликованный в конце января 1980 г. программный манифест ПДС использовал почти все основные политические лозунги оппозиции. Будучи направленной на привлечение главным образом средних слоев, программа ПДС включала, в частности, призывы к достижению демократии, социальной справедливости, гарантий прав и свобод граждан, конституционных реформ. На привлечение не только средних слоев и буржуазии, но и части трудящихся были рассчитаны содержащиеся в этих же документах лозунги социально-экономического характера: более справедливое распределение доходов, участие трудящихся в прибылях, укрепление позиций национальных средних и мелких предприятий, ликвидация непроизводительных латифундий и др. Одновременно в документах ПДС и выступлениях ее лидеров сохранялся и ряд положений реакционной «доктрины национальной безопасности».

Оценивая программные положения, выдвинутые на этом этапе ПДС, следует отметить прежде всего их крайне демагогический характер, значительно более широкое, чем у ее предшественницы — АРЕНА, использование типично популистских политических приемов, большинство которых предназначалось для камуфлирования реального курса правительства. В этом аспекте программа ПДС явилась прямой наследницей демагогической, сильно окрашенной корпоративизмом и патернализмом социальной политики военных правительств начала 70-х годов.

Правительство Фигейреду сохранило на вооружении антидемократические элементы «доктрины национальной безопасности». В то же время ряд документов

ПДС и высказываний ее лидеров были направлены против монополий, в защиту национальной промышленности, в поддержку профсоюзных свобод и прав трудящихся. Практические же меры правительства далеко не всегда соответствовали этим словесным декларациям. Так, например, крупная забастовка металлистов Сан-Паулу в начале 1980 г. была подавлена силой, правительство ввело войска в промышленные районы, арестовало профсоюзных лидеров и распространило на них действие репрессивного «закона о национальной безопасности». Под предлогом необходимости сбалансированных реформ, а на деле из страха перед возможной победой оппозиции были отменены назначенные на ноябрь 1980 г. муниципальные выборы. И таких примеров можно привести немало,

Эта сторона политики режима неоднократно разоблачалась бразильскими коммунистами, которые подчеркивали: «Попытки спасения режима сопровождаются его постоянными усилиями, направленными на то, чтобы парализовать борьбу оппозиции, выдавая за свои собственные инициативы самые важные боевые лозунги демократических сил»⁹. В то же время даже буржуазная печать неоднократно обращала внимание на то, что рекламируемая правительством как широкая и демократическая партийная реформа не содержала ни малейшего намека на возможность легализации Бразильской компартии — наиболее последовательной выразительницы демократических устремлений бразильского народа на протяжении всех лет диктатуры.

Таким образом, основанные на социальной демагогии программа и тактика ПДС отразили потребность режима в укреплении своей политической базы, расколе оппозиции, а также двойственность стратегии и реформистских устремлений «неокастелистской» группировки Фигейреду. Они вполне соответствовали общему стратегическому курсу режима, направленному на удержание контроля над политическим процессом и лишение оппозиционных сил политической инициативы.

Этот курс вызвал бурю протестов в оппозиционных кругах, где хорошо поняли истинную направленность подобных политических маневров. Видные деятели оппозиции, признавая в реформах Фигейреду определенное демократическое содержание, одновременно единодушно обвиняли правительство в демагогии и спеку-

ляции на популярных лозунгах. Благодаря этим приемам президенту тем не менее удалось существенно повысить свой престиж, завоевать поддержку определенной части населения. Так, в середине 1979 г. почти половина опрошенных из числа буржуазии и средних слоев оценили правление Фигейреду как «хорошее»¹⁰. Оппозиция же на том этапе оказалась раздробленной и была не в состоянии реально противостоять маневрам правящих кругов.

Нося в целом, как неоднократно подчеркивала БКП, благоприятный для демократических сил характер¹¹, либерализация, по замыслам стратегов режима, должна была в то же время разъединить оппозицию, расколоть фактически сложившийся к 1978 г. единый фронт антидиктаторских сил. Его раскол и привлечение на сторону правительства колеблющихся оппозиционных течений являлся одной из первоочередных стратегических целей группировки Фигейреду. Достижению этой цели объективно способствовало следующее обстоятельство: в условиях двухпартийной системы оппозиционные силы практически не имели альтернативы объединению вокруг единственной легальной оппозиционной партии — МДБ; восстановление же многопартийности сразу воздвигло межпартийные барьеры, организационно оформившие расчленение этих сил. Уже в начале 1980 г. в Бразилии вместо прежней единой оппозиционной партии МДБ образовалось четыре: Партия бразильского демократического движения (ПМДБ), две трабальистские — Бразильская трабальистская (ПТБ) и Демократическая трабальистская (ПДТ) и центристская Народная партия (ПП). К этому надо добавить, что официально признана была и созданная вне рамок прежней двухпартийной системы, «снизу» Партия трудящихся (ПТ) во главе с известным профсоюзным лидером Л. Инасиу да Силва (Лулой), занявшая левый фланг легальной оппозиции. В то же время Бразильская коммунистическая партия не была легализована.

Крупнейшей оппозиционной партией Бразилии после реформы стала ПМДБ, унаследовавшая от своей предшественницы МДБ не только название, но и многие программные положения. С момента создания в основе ее курса лежало стремление сохранить поддержку максимально возможного числа бывших сторонников МДБ, и в первую очередь ее радикального крыла — «истинных». Национальный председатель вновь

созданной партии У. Гимараэс, в прошлом занимавший тот же пост в МДБ, был близок именно к этому крылу.

На состоявшемся в январе 1980 г. I съезде ПМДБ были сформулированы основные цели и программа партии, предусматривавшие ликвидацию остатков режима военной диктатуры, искоренение нищеты, аграрную реформу, создание системы всеобщего бесплатного образования, расширение участия трудящихся в политической жизни страны. В программу были включены также требования восстановления всеобщих прямых выборов при тайном голосовании на всех уровнях, неограниченной и всеобщей политической амнистии, восстановления в полном объеме демократических прав и свобод, проведения независимой внешней политики и солидарности с борющимися народами. Одним из важнейших лозунгов партии стало требование созыва с соблюдением демократических норм представительства учредительной конституционной ассамблеи¹².

Для ПМДБ, как и для других легальных оппозиционных партий, довольно острым на начальном этапе либерализации являлся вопрос о легализации БКП и сотрудничестве с коммунистами. Сказались долгие годы нагнетания антикоммунистической истерии в стране. Сразу же после создания ПМДБ центристы и деятели, близкие к правительству, предприняли атаку на эту партию, критикуя ее за «слишком либеральное» отношение к коммунистам. Лидер правительственного большинства в нижней палате парламента Н. Маршеван уже в 1979 г., т. е. до официального провозглашения ПМДБ, заявил в интервью газете «Глобу», что сотрудничество с левыми деятелями делает ее «радикальной партией, неприемлемой для нации»¹³. Хотя в этом и подобных заявлениях звучала слабо завуалированная угроза в адрес оппозиции, ПМДБ продолжала выступать за легализацию БКП и сотрудничество с коммунистами в рамках единого фронта демократических сил страны.

Немалое значение для объединения усилий оппозиции в борьбе за углубление демократических преобразований имело выдвижение в середине 1980 г. проекта программы единых действий демократических сил Бразилии. Проект ПМДБ предусматривал проведение уже в марте 1981 г. выборов в учредительную конституционную ассамблею, немедленное устранение всех

ограничений свободы политической деятельности и высказывания политических взглядов, широкую дискуссию по вопросу об окончательных сроках полного возврата страны к демократии и обсуждение всеми силами оппозиции программы-минимум своих требований к правительству¹⁴. Эти требования были поддержаны бразильскими коммунистами и, хотя на практике осуществить их не удалось, первая серьезная попытка заложить основу единого демократического фронта в Бразилии после начала либерализации была сделана.

Значительное место в складывающейся системе политических партий Бразилии на первом этапе либерализации¹⁵ занимала центристская Народная партия. Ее ядро составили влиятельные деятели — выходцы из стратегически важного в политическом и экономическом отношениях штата Минас-Жерайс, представлявшие крыло «умеренных» в прежней МДБ. ПП создавалась как умеренно-реформистская партия центра, выражающая интересы значительной части крупной и средней национальной буржуазии (недаром в народе она сразу же получила наименование «партии банкиров»), а также региональные интересы крупного капитала штата Минас-Жерайс. Защищая интересы бразильской буржуазии, ПП в то же время выдвигала и ряд требований более широкого характера, способных привлечь под ее знамена часть средних городских слоев.

Немаловажную роль среди оппозиционных сил Бразилии после партийной реформы играли национал-реформисты — сторонники трабальистской * политической доктрины. Они традиционно опирались на поддержку части трудящихся, умело используя в своей пропаганде авторитет, завоеванный этим политическим течением во времена националистических популистских правительств Варгаса—Гуларта. Ссылками на роль нынешних трабальистов как «продолжателей исторической миссии Варгаса и Гуларта», на их приверженность интересам народа в противовес продажному буржуазному политиканству было пронизано большинство выступлений трабальистских лидеров Л. Бризолы, И. Варгаса и др.

---

* От португ. trabalho — труд

Воссоздание в Бразилии сильной трабальистской партии могло представлять серьезную опасность для режима, учитывая ее популярность среди трудящихся. Поэтому власти в ходе партийной реформы сделали все возможное, чтобы не допустить объединения трабальистов. Такая политика правительства в сочетании с внутренней неоднородностью трабальистских рядов привела к расколу этого течения на две соперничающие партии. Большинство трабальистов пошло за возглавившим Демократическую трабальистскую партию (ПДТ) бывшим губернатором важного штата Риу-Гранде-ду-Сул и одним из известнейших политических деятелей времен правительства Гуларта, Л. Бризолей, впоследствии (в 1982 г.) избранным губернатором штата Рио-де-Жанейро. Лидером Бразильской трабальистской партии (ПТБ) стала И. Варгас — родственница создателя политической доктрины трабальизма Ж. Варгаса.

Политику правительства Фигейреду по отношению к трабальистам хорошо иллюстрирует такой факт: группировка И. Варгас на этапе формирования новых партий оказалась явно непредставительной, однако именно ей решением Высшего избирательного трибунала было присвоено традиционное и пользующееся большим престижем наименование Бразильская трабальистская партия, что привлекло под знамена И. Варгас многих известных политических деятелей, в частности бывшего президента Ж. Куадроса¹⁶. Таким приемом правительство достигло сразу двух целей: ослабило трабальистское движение в целом, способствуя его расколу, и нанесло удар по более радикальному и опасному для режима крылу сторонников Л. Бризолы, вынужденных избрать неизвестное избирателям (что особенно важно в сельских районах) наименование Демократическая трабальистская партия.

Программа сторонников Бризолы носила в целом социал-демократический характер, предусматривала защиту интересов трудящихся как путь к «демократическому социализму», проведение аграрной реформы, защиту национальной экономики от ТНК, участие трудящихся в управлении предприятиями при сохранении частной собственности на средства производства, бесплатное образование, ликвидацию всех форм дискриминации на производстве¹⁷. Она включала также требования полного восстановления демократических свобод

и созыва Национальной учредительной ассамблеи, проведения Бразилией антиимпериалистического внешнеполитического курса.

По сравнению с платформой сторонников Л. Бризоллы характер программы созданной И. Варгас ПТБ был значительно консервативнее. По отдельным внутривнутриполитическим проблемам позиции ее сторонников на начальном этапе либерализации были настолько близки к правительственным, что ряд оппозиционных деятелей, обвинив ПТБ в «разыгрывании правительственной карты», отказались от какого-либо сотрудничества с нею.

Своеобразным явлением как в рядах бразильской оппозиции, так и в политической жизни страны в целом стала Партия трудящихся, сложившаяся в промышленном поясе Сан-Паулу в конце 70-х годов. Успехи стачечного движения трудящихся этой зоны, с особой силой развернувшегося в 1978—1980 гг., привели к резкому повышению политической роли профсоюзов, прежде всего боевого и хорошо организованного профсоюза металлургов и металлистов Сан-Паулу. Во главе этого профсоюза стоял признанный рабочий вожак Л. И. да Силва. В условиях кризиса военного режима и начала либерализации политическое ядро этого профсоюза, к которому примкнули наиболее радикальные идеологи крыла «истинных» МДБ, быстро выкристаллизовывалось в руководство новой политической партии — ПТ. Авторитет и влияние ПТ в промышленных районах страны основывались на ее реальном и последовательном участии в защите интересов трудящихся, а также на радикальных антидиктаторских требованиях программы этой партии. Выступления руководителей и опубликованные документы ПТ свидетельствовали о том, что свою задачу партия видит в отстаивании непосредственных интересов пролетариата, борьбе против антирабочего и репрессивного законодательства, за профсоюзные свободы и улучшение жизненных условий трудящихся¹⁸. Это обусловлено прежде всего ее своеобразием как политической организации, низовыми ячейками которой фактически являются профсоюзы.

В качестве стратегических целей ПТ выдвинула построение справедливого общества равноправия, ликвидацию эксплуатации трудящихся, укрепление государственного сектора в экономике, упразднение латифундий и аграрную реформу, демократизацию системы

образования, здравоохранения и социального обеспечения, расширение участия трудящихся в управлении государством, полное восстановление демократии и наказание виновных в преследовании демократов.

Многие положения программы ПТ оказались близкими к политической платформе БКП. В то же время в идеологии ПТ отразилась и ее классовая неоднородность (рабочие, интеллигенция, мелкобуржуазные элементы), сосуществование в рамках партии различных групп — от чисто синдикалистских до анархистских и маоистских, а также реальные трудности поиска правильных ответов на вопросы, которые ставила быстро меняющаяся бразильская действительность.

Наряду с искренней защитой интересов рабочих, боевой антидиктаторской направленностью многих партийных документов, в ПТ проявились антикоммунистические предрассудки, экономическая ограниченность требований, попытки противопоставить пролетариат другим категориям трудящихся, демократическим силам в целом.

Быстрый рост политического влияния ПТ доставил серьезное беспокойство правящим кругам. Стремясь не только ослабить саму эту партию, но и разобщить наиболее последовательные антидиктаторские силы оппозиции в целом, они настойчиво пытались «вбить клин» между ПТ, ПМДБ и бразильскими коммунистами. О небезуспешности этих попыток свидетельствовали антикоммунистические высказывания некоторых лидеров ПТ. Одновременно эmissары правительства пытались наладить непосредственные контакты с руководством этой партии и крупнейших профсоюзов, поддерживающих ее, добиться их участия в «политическом диалоге» с режимом и в конечном счете втянуть ПТ в орбиту правительственной политики либерализации «сверху».

Наряду с партиями видное место в политической жизни Бразилии на этапе либерализации заняли организации и объединения непартийного характера: демократическое крыло католической церкви, профсоюзные объединения, организации бразильской интеллигенции, молодежное, женское и другие общественные движения. Следует отметить своеобразие роли этих организаций в жизни современной Бразилии вследствие их очень высокой политической активности. Объяснение этому следует искать в том, что традиционная, не

преодоленная и сегодня узость массовой базы бразильской партийной системы в целом заставляет политическую энергию масс искать иные русла.

Особенно очевидным это стало в условиях военной диктатуры. Навязанный режимом двухпартийная система воспринималась большинством общественно активного населения страны как незаконная и искусственная. В этих условиях по мере нарастания демократического подъема политическая активность общества все больше концентрировалась в русле непартийных объединений, которые в конце концов стали выступать в роли своеобразных «партий»¹⁹.

После реформы партийной системы параллельно с признанными и нелегальными, но действующими партиями, например БКП, сохранили значение и эти «псевдопартийные» объединения. Наиболее активные из них выступали под эгидой демократического крыла католической церкви (Христианские базовые общины — ХБО, Комиссии справедливости и мира), объединений бразильской интеллигенции (Орден адвокатов Бразилии, Ассоциация бразильской печати, Центр демократическая Бразилия), в рамках молодежного движения (Национальный союз студентов), организаций солидарности, борьбы за мир, женских и ряда других.

Особенно показательна в этом плане эволюция демократического течения бразильской католической церкви, занявшего в ходе антидиктаторской борьбы весьма значительное место среди сил легальной оппозиции. Как отмечалось в опубликованных в 1981 г. в рамках подготовки к VII съезду БКП «Тезисах к общенациональной дискуссии коммунистов относительно легализации БКП», «католическая церковь сыграла выдающуюся роль в борьбе против диктатуры, в защиту прав человека, в поддержку требований наиболее обездоленных слоев населения. В самый мрачный период фашистских репрессий она оставалась практически единственной силой, способной публично выступить с обличением преступлений и произвола диктатуры, и она твердо и решительно шла по этому пути... Защита ею интересов беднейших слоев — населения фавел и периферийных районов, острый политический характер движения христианских базовых общин, а также поддержка церковью борьбы профсоюзов и других общественных организаций... сделали ее одной из наиболее представительных политических сил нашего общества»²⁰

Будучи чутким барометром изменений общественных настроений, церковь в числе первых почувствовала начавшуюся во второй половине 70-х годов утрату режимом массовой политической базы. Чтобы сохранить авторитет среди верующих, церковь оказалась перед необходимостью резко «политизироваться». В ее лоне быстро сформировалось мощное, хотя и неоднородное, демократическое направление, дальнейшее усиление которого стало следствием начавшегося процесса либерализации.

В 1978—1979 гг. влиятельная Национальная конференция епископов Бразилии (КНББ) приняла ряд документов в поддержку аграрной реформы, в защиту коренного индейского населения, официально одобрила создание Христианских базовых общин, публично выдвинула ряд прогрессивных социально-экономических требований. Многие видные церковные иерархи в 1978—1980 гг. публично выступили с резкой критикой политического курса режима²¹. Демократическое крыло церкви активно поддержало массовые забастовочные выступления пролетариата Сан-Паулу в 1978—1980 гг.

Такая политическая эволюция значительной части церковной иерархии вызвала крайнее раздражение в правительственных кругах, представитель которых сенатор Ж. Пассаринью даже заявил в 1980 г., что «позиция священников-социалистов — это самая серьезная проблема, с которой сталкивается бразильское правительство»²².

Вряд ли, однако, эти слова, произнесенные в пылу политической борьбы, отражали действительную точку зрения правящих кругов. Трения с церковью, какими бы острыми они ни были, по своей опасности для режима не могли идти в сравнение с мощным подъемом борьбы бразильских трудящихся, ознаменовавшим конец 70-х — начало 80-х годов.

Уже в 1978 г., после первых массовых забастовок в промышленном поясе Сан-Паулу (так называемый район АВС), в бразильской прессе высказывалось мнение, что «рабочие АВС сделали важный, возможно решающий с точки зрения перспектив, которые он открывает, шаг к достижению реальной демократии в Бразилии»²³; 1979—1980 годы — пик забастовочного движения. В этот период мощное демократизирующее воздействие борьбы пролетариата на все бразильское общество стало особенно очевидным.

Инициаторами «весеннего наступления» трудящихся в 1979 г. снова стали мощные и хорошо организованные профсоюзы металлургов и металлистов штата Сан-Паулу. Вслед за ними в борьбу включились государственные служащие, работники просвещения и здравоохранения, сферы обслуживания того же штата. Общая численность бастующих превысила 200 тыс. человек. К ним присоединились трудящиеся других районов Бразилии. Так, в Рио-де-Жанейро в апреле 1979 г. бастовали работники больниц, банковские служащие, водители автобусов, учителя начальных школ.

Большую поддержку бастующие встретили со стороны демократического крыла церкви и оппозиционных режиму сил. Их представители присутствовали на собраниях трудящихся, выступали в их защиту в печати, публиковали официальные заявления. Церковь организовала для бастующих сбор средств и продовольствия по всей стране. В движение солидарности с трудящимися включились различные общественные организации, представители студенчества, интеллигенции, женских союзов.

Хотя правительство объявило забастовки незаконными и сместило с занимаемых постов участвовавших в них профсоюзных лидеров, ему не удалось сломить решимость рабочих. Боясь дальнейшего обострения конфликта в неустойчивой политической ситуации того времени, власти и предприниматели пошли на компромисс: удовлетворили экономические требования бастующих в обмен на их отказ от радикальных политических требований. Одновременно правительство Фигейреду попыталось выработать эффективную антизабастовочную политику. Это был типичный курс «кнута и пряника»: против наиболее активных отрядов пролетариата по-прежнему применялись репрессии, но одновременно допускались и некоторые экономические уступки. Частью такого маневрирования стала введенная в конце 1979 г. новая система регулирования заработной платы. Ее уровень был поставлен в зависимость от роста инфляции, дважды в год в шкалу заработной платы вносились соответствующие поправки. Начали проводиться и двусторонние переговоры между рабочими и предпринимателями.

Сущность новой правительственной трудовой политики ясно проявилась весной 1980 г., когда в Сан-Паулу поднялась очередная волна стачечной борьбы.

На этот раз ведущую роль играли трудящиеся автомобильной промышленности, где в течение 40 дней бастовало 150 тыс. человек — $\frac{3}{4}$ всех занятых. Правительство не только объявило забастовку незаконной: бастующие пригороды были окружены войсками, 11 профсоюзных лидеров арестованы, экономические требования забастовщиков отвергнуты. «Жесткая» позиция режима в определенной степени объясняется некоторым ослаблением стачечной борьбы в условиях введения широко разрекламированной новой системы регулирования зарплаты. Несмотря на неудачу, забастовки 1980 г. имели серьезные политические последствия. По всей стране развернулась кампания солидарности с бастующими, в которой приняли участие все оппозиционные партии, общественные организации, церковь. Под их давлением власти вынуждены были освободить арестованных руководителей профсоюзов. О несломленной воле бразильских трудящихся свидетельствовали и прошедшие в августе—ноябре того же года массовые выступления медицинских работников г. Сантоса, 70 тыс. учителей штата Минас-Жерайс, университетских преподавателей и учителей штата Риу-Гранде-ду-Сул, рабочих сахарных плантаций северо-востока страны.

Важной чертой забастовочного движения на рубеже 70-х и 80-х годов стало включение в него женщин-тружениц, составляющих около 30% экономически активного населения Бразилии. Они не только поддерживали общие лозунги, но и выдвинули свои требования, включая равную оплату за равный труд с рабочими-мужчинами. Об активизации женского движения свидетельствовало и проведение в эти годы конференций и съездов трудящихся женщин, создание женских отделов в профсоюзах.

Настоящей школой классовой борьбы выступления конца 70-х — начала 80-х годов стали для молодых тружеников. Многие из них, впервые в жизни участвуя в стачечной борьбе, на практике убедились в действенности согласованной борьбы пролетариата. В целом забастовки 1978—1980 гг. характеризовались широким размахом, боевым настроем, значительно более высокой, чем раньше, политической зрелостью их участников. Тон в забастовочном движении задавали представители так называемого «пролетариата филиалов» — трудящиеся крупнейших предприятий иностранных

компаний и транснациональных корпораций, действующих в наиболее передовых отраслях промышленности: металлообрабатывающей, автомобилестроительной, химической, электротехнической и электронной. Их выступления — яркая страница в хронике событий этого периода. Как подчеркнул в мае 1980 г. Пленум ЦК Бразильской компартии, выступления трудящихся в преддверии 80-х годов свидетельствовали о серьезных политических сдвигах в сознании бразильского рабочего класса, росте его организованности и готовности бороться за свои экономические и политические интересы²⁴.

В начале 80-х годов, хотя размах забастовочного движения сократился²⁵, продолжались массовые выступления безработных, сельских тружеников, первомайские манифестации, национальные дни протеста против сокращения заработной платы. Забастовки нередко выходили за рамки одного предприятия, распространяясь на заводы целой отрасли в различных городах и регионах страны. В этот период активное движение протеста охватило аграрные районы Бразилии, издавна страдавшие под гнетом латифундизма. Военные правительства не решили ни одной проблемы сельских тружеников. Напротив, за 1960—1970 гг. общая площадь крупных владений (от 1 тыс. до 10 тыс. га) возросла на 30%, а к 1978 г. увеличилась еще на 65% — до 345 млн. га! Огромных масштабов достигло разбазаривание земель — по официальным данным, в конце 70-х годов иностранным владельцам принадлежало 34 млн га. И это в стране, где большинство крестьян имели наделы от 5 до 50 га, а число безземельных (включая арендаторов) превысило 10 млн человек! Сельские труженики подвергались самой беззастенчивой эксплуатации: на них не распространялись законы о социальном обеспечении, почти 70% аграрных рабочих имели лишь минимальную заработную плату, 80% — работали без какого-либо оформленного трудового договора с нанимателем. Причем среди женщин эта цифра достигла 87%, среди детей 10—14 лет (составлявших почти треть наемной силы, занятой в сельском хозяйстве) — 95%.

Неудивительно, что в сельской местности в начале 80-х годов выросло число конфликтов с властями, в том числе вооруженных: в 1981 г. в них участвовало 200 тыс. человек, в 1982 г. — 1,9 млн. человек! Руково-

дители большинства организаций сельских тружеников настойчиво добивались проведения немедленной и всеобъемлющей аграрной реформы с участием трудящихся, видя в этом единственную возможность ликвидировать напряженность в сельских районах. Особенно решительно выступили по данной проблеме участники III Национального съезда трудящихся сельского хозяйства (май 1979 г.).

Национальная конфедерация трудящихся сельского хозяйства (КОНТАГ), объединившая 6 млн крестьян и батраков, провела в 1981 г. специальную встречу по земельным конфликтам, в ходе которой был принят документ, освещающий положение в сельском хозяйстве и подчеркивающий необходимость немедленной аграрной реформы, перераспределения земель в масштабах всей страны в интересах сельских тружеников и с их участием. В документе отмечалось, что осуществление этих требований возможно лишь при условии коренных изменений экономической политики, полного восстановления демократии и политических свобод.

Важнейшей тенденцией бразильского рабочего движения в рассматриваемый период стало стремление к объединению усилий в борьбе за жизненные интересы трудящихся. Особое место в развитии этой тенденции, сплочении профсоюзов, повышении их политической роли принадлежало I Национальной конференции трудящихся классов (I КОНКЛАТ), состоявшейся в конце августа 1981 г. вблизи Сан-Паулу.

Конференции предшествовала активная шестимесячная подготовительная кампания, в ходе которой прошли встречи трудящихся основных промышленных районов и всех штатов страны. Наряду с профсоюзами в подготовке I КОНКЛАТ участвовали оппозиционные партии, включая коммунистов, многие общественные организации.

На I КОНКЛАТ прибыло свыше 5 тыс. делегатов, представляющих более 1 тыс. объединений промышленных и сельскохозяйственных рабочих, служащих, интеллигенции. Весь ход форума, все его документы подчеркивали мысль о необходимости организационного единства профсоюзного движения. Важным результатом I КОНКЛАТ стало создание национальной подготовительной комиссии по формированию Единого профцентра трудящихся (КУТ) и ее постоянно действующего исполкома, в состав которого вошли наиболее

авторитетные рабочие лидеры, включая коммунистов. Резолюции I КОНКЛАТ включали требования пересмотра социально-экономической политики правительства, свободных прямых выборов во все органы власти, созыва национальной учредительной конституционной ассамблеи и ряд других. Были созданы комиссии профсоюзов по проблемам права на труд, социального обеспечения, заработной платы и экономической политики, общенациональных и профсоюзных проблем. Конференция приняла решение о проведении в дальнейшем подобных встреч на регулярной основе²⁶.

Результаты I КОНКЛАТ стали важным шагом к объединению бразильского профсоюзного движения. Они свидетельствовали о новой, более высокой степени его зрелости. Как отмечала газета бразильских коммунистов «Воз да унидади», проведение конференции «после 18 лет изоляции, навязанной профсоюзному движению диктатурой, позволяет восстановить его лучшие традиции». «I КОНКЛАТ,— подчеркивала газета,— исторический рубеж в борьбе трудящихся»²⁷.

Таким образом, конец 70-х — начало 80-х годов — это время качественного сдвига в борьбе бразильских трудящихся. Рост забастовочного движения, участие в нем новых категорий тружеников, усиление политической направленности выступлений, стремление к единству действий — таковы основные тенденции этого периода. Они особенно ярко проявились в ходе подготовки и проведения I КОНКЛАТ. Подъем рабочего движения стал одним из важнейших факторов ускорения кризиса диктатуры, ускорения процесса демократизации бразильского общества в начале 80-х годов.

Стремление к демократизации постоянно сталкивалось с попытками правящих кругов ограничиться половинчатыми реформами, расколоть оппозиционные силы, посеять рознь между ними. Мы уже говорили о такой направленности партийной реформы, проведенной в начале 1980 г. правительством Фигейреду. Этот курс привел к временному разобщению оппозиции.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, успех режима был лишь временным. Уже к середине 1980 г. наметились контакты между новыми оппозиционными партиями, и, как отмечал орган бразильских коммунистов «Воз да унидади», «недавно созданные партии-наследницы МДБ выдвинули перед народом свои политические программы, сохраняющие

антидиктаторскую сущность... что свидетельствует об общих интересах и целях оппозиции»²⁸.

Все же с точки зрения режима на том этапе перспектива возрождения единства демократических оппозиционных сил была не самой главной угрозой проекту либерализации «сверху». В середине 1980 г. всерьез дали о себе знать ухудшение экономического положения и резкая активизация оппозиции «справа» — крайне реакционных, профашистских военных кругов и связанных с ними террористических банд.

Экономическая политика правительства в начале 80-х годов была направлена прежде всего на борьбу с быстро возрастающей внешней задолженностью Бразилии, галопирующей инфляцией, уже в 1979 г. составившей 77,2%. Первоначальным проектом экономического курса Фигейреду предусматривалось остановить инфляцию за счет ограничения внутренних кредитов, займов МВФ и фактического спада производства. Авторы этого проекта — министр планирования М. Э. Симонсен и известный финансист К. Ришбитер попытались повторить опыт экономической «шоковой терапии», предпринятый за счет трудящихся в 1964—1967 гг. «дуэтом отцов бразильского чуда» Р. Кампосом и О. Бульозсом при первом военном правительстве Кастанелу Бранку.

Этот экономический курс вызвал, однако, сильное противодействие со стороны могущественной промышленной буржуазии Сан-Паулу и части военных. Правительству пришлось пойти на «смену караула» в руководстве экономической политикой. В результате у руля бразильской экономики в конце 1979 г. встал один из видных представителей «паулистской» буржуазно-технократической элиты, «творец чуда» 1968—1973 гг. — так его рекламировала буржуазная печать — А. Делфин Нету. Он предложил более амбициозную, импонирующую националистическим устремлениям бразильских «верхов» программу «нового экономического чуда». Она предусматривала сочетание радикальных мер по борьбе с инфляцией с достаточно высокими темпами роста производства. Достичь этого мыслилось прежде всего за счет ускоренного развития сельскохозяйственных отраслей экономики. Предусматривалось также снижение дефицита внешнеторгового баланса, уменьшение безработицы и существенные уступки частному капиталу — передача ему части предприятий

госсектора. Эта программа, носившая прагматический характер и отвечавшая чаяниям предпринимательских кругов, стремившихся к «экономической либерализации», тем не менее не могла дать ожидаемого эффекта в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры тех лет. В 1980 г. инфляция достигла колоссального уровня 120 % (в тот период — 1-е место в Латинской Америке и 2-е в мире), а внешняя задолженность выросла к середине того же года до 60 млрд долл.²⁹

На фоне продолжавшегося ухудшения экономического положения резко возросла опасность «справа», усилилась угроза свертывания либерализации и возврата страны к открытой военной диктатуре. Используя в качестве предлога высокую активность демократической оппозиции, а также рост социальной напряженности вследствие недовольства не только трудящихся, но и части предпринимателей экономической политикой правительства, крайне правые круги развернули активную борьбу против демократических преобразований, включая и линию правительства Фигейреду на либерализацию. Их главным оружием стал политический террор. Террористическая кампания началась с нападений на редакции прогрессивных изданий в середине 1979 г., а затем стала приобретать все более широкий размах. В начале 1980 г. в бразильской буржуазной печати появилась целая серия публикаций подстрекательского характера. Так, в апреле 1980 г. газета «Ултима ора» опубликовала статью выразителя взглядов правых военных кругов Адирсона де Барроса, в которой утверждалось, что «в Бразилии все готово к левому народному восстанию»³⁰. За этим последовал целый ряд серьезных террористических актов ультраправых против прогрессивных общественных организаций, редакций левых газет, видных оппозиционных деятелей. Бомбы были взорваны в помещении влиятельного Ордена адвокатов Бразилии (ОАБ), в редакции газеты «Трибуна да импренса операриа». Террористические банды приступили к систематическому уничтожению киосков, где продавались издания левой ориентации (так называемая альтернативная пресса). В ходе расследования этих акций обнаружилась причастность к ним военно-полицейских органов, о чем косвенно свидетельствовала и обнаружившаяся «полная беспомощность» властей в поисках преступников.

Бразильской общественности цель этих акций была совершенно очевидна: накалить обстановку в стране и заставить правительство если не остановить, то по крайней мере затормозить процесс перемен³¹. За участниками взрывов и нападений стояли достаточно влиятельные военные круги, в частности имевшиеся в каждом штате Бразилии центры военных служб безопасности, а также ультраправые генералы — командующие армиями, расквартированными в южных штатах.

Влиятельные покровители террористов неоднократно выступали в прессе с заявлениями провокационного характера, утверждая, будто «коммунисты все более проникают в гражданские учреждения и правительственные органы и даже военным институтам грозит постоянная опасность»³²; способствовали распространению фальшивок о якобы имеющей место вооруженной поддержке «международным коммунизмом» левых повстанческих групп в Бразилии³³.

В условиях резкого обострения внутривнутриполитической обстановки в августе-сентябре 1980 г., вызванного волной правотеррористических актов, правительство Фигейреду пошло по пути «тайной дипломатии»: переговоров с лидерами «жестких» военных, компромиссов с ними. В результате взрывы и нападения временно прекратились. Главную роль в преодолении кризиса сыграла лояльность высшего военного командования по отношению к либерализаторскому курсу Фигейреду.

В связи с волной правого террора и одновременным усилением антидиктаторской оппозиции «слева» прояснилась расстановка сил в военной верхушке. Как указывалось выше, с середины 70-х годов здесь стал ощущаться перевес «умеренных» — сторонников ограниченных демократических перемен. Их взгляды все чаще встречали одобрение представителей военного командования в целом. Однако собственно милитаристский «истэблишмент» — замкнутая корпорация генералов и старших офицеров — продолжал занимать сугубо консервативные позиции. Острота ситуации для правительства усугублялась тем, что помимо оппозиции «справа» сохранялась и постоянно активизировалась и военно-националистическая группировка. Некоторые акции «националистов» получили большой резонанс: выступления их основных лидеров генералов Э. Бентеса и У. Абреу против избрания Фигейреду

президентом, резкие разоблачения деятельности международных монополий в Бразилии, предпринятые влиятельным националистически настроенным генералом А. Андрада Серпа. Лидерами военных и гражданских националистов был подписан документ «В защиту нации, которой грозит опасность», направленный против засилья иностранных монополий в экономике страны, призывающий к достижению ею экономической самостоятельности³⁴.

Благодаря умелому маневрированию правительству Фигейреду удалось добиться осенью 1980 г. некоторой стабилизации обстановки, фактически не поступившись ничем существенным из своей программы либерализации. На уступки пошли «жесткие», лидеры которых А. Бандейра и М. Таварес де Соуза вскоре оказались вынужденными уйти в отставку. Однако политический кризис 1980 г. впервые со времени начала либерализации наглядно продемонстрировал и ограниченность ее возможностей. Активизация правых элементов, хотя и осужденная формально военной верхушкой, в какой-то мере свидетельствовала о ее недовольстве «слишком радикальным» курсом президента в первые месяцы его правления. Это особенно отчетливо проявилось в дальнейшем.

В декабре 1980 г. под давлением ультраправых военных было запрещено проведение праздника газеты бразильских коммунистов «Воз да унидади». Реакционное крыло военной верхушки воспользовалось этим для дальнейшего нагнетания антикоммунистической истерии. В такой обстановке репрессивные органы режима заявили, что до окончания президентского мандата Фигейреду компартия не будет легализована.

Тем не менее в январе—феврале 1981 г., во время официальных визитов во Францию и Португалию, президент сделал ряд заявлений по внутривнутриполитическим вопросам, подтверждающих его приверженность курсу на либерализацию. Большой резонанс получили слова о готовности правительства к диалогу со всеми оппозиционными силами, включая и коммунистов³⁵. Хотя эти заявления носили весьма расплывчатый характер и были предназначены прежде всего «на экспорт», т. е. для создания благоприятного представления о бразильском правительстве в либеральных политических кругах Западной Европы, в самой Бразилии они произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Немедленно

активизировалась оппозиция, последовала целая волна разоблачений по поводу участия военных репрессивных органов в пытках и преследованиях демократов. Такое развитие событий крайне болезненно восприняли военные «верхи», значительная часть которых в годы диктатуры была непосредственно причастна к репрессиям. В результате «военная корпорация» в целом быстро «качнулась» вправо.

Уже в середине февраля 1981 г. министры—командующие видами вооруженных сил выступили с обвинениями оппозиции в подрыве политики либерализации. Бразильская печать расценила эти заявления как «красный сигнал» на пути демократических преобразований, как свидетельство нового резкого обострения внутриполитической обстановки³⁶. Сдвиг значительной части военной верхушки «вправо» в начале 1981 г. почти тотчас же вызвал новый подъем активности ультраправых террористических группировок, стремящихся путем эскалации насилия запугать население, создать в стране атмосферу хаоса и заставить правительство свернуть процесс перемен. Напряженность достигла максимума после того, как во время попытки организовать террористический акт на массовом митинге демократической общественности по случаю дня 4 Мая в Рио-де-Жанейро один из агентов армейской службы безопасности погиб, а другой был тяжело ранен собственной бомбой.

Правительство Фигейреду впервые получило явные доказательства причастности военных верхов к правотеррористической деятельности. Оно оказалось перед выбором: либо довести до конца расследование, что означало бы либо сильнейший удар по репрессивным органам режима, фактический разрыв с влиятельной военно-политической группировкой «жестких», а также возможность серьезно углубить процесс демократических перемен, либо еще раз пойти на компромисс с ультраправыми и затормозить либерализацию. Последнее было чревато быстрым объединением и усилением оппозиции. Фактически эта альтернатива начала складываться еще в середине 1980 г., но после «эпизода Риосентро» выбор стал для правительства неизбежным.

В армейской верхушке в этой связи произошло размежевание сил. Наиболее последовательные приверженцы курса на либерализацию во главе с идеологом режима Голбери ду Коуту-э-Силвой выступили за нака-

знание виновных и серьезные меры в отношении правоэкстремистской военной группировки. Другая влиятельная часть военного командования, прежде всего командующие армиями, резко воспротивилась проведению явного расследования. Правительству пришлось лавировать. Пытаясь сохранить хотя бы видимость единства военных, не допустить открытого раскола, оно вновь пошло на компромисс, на деле означавший серьезную уступку ультраправым. Несмотря на настоятельные требования подавляющего большинства политических партий и общественности, расследование «эпизода Рио-сентро» фактически так и не было доведено до конца. Правительство и консервативные военные пришли к молчаливому соглашению «забыть» этот случай. На практике это означало и негласное решение «верхов» затормозить, «заморозить» сам процесс демократических преобразований в обмен на прекращение правыми террористической деятельности.

Надо сказать, что такое развитие событий не было случайным или неожиданным. В условиях нарастающей политической напряженности, экономических трудностей, расширяющихся выступлений демократических сил, усиливающейся борьбы трудящихся правительство Фигейреду не могло продолжать прежними темпами курс либерализации без риска утратить контроль над ситуацией в стране. Не желая идти на подобный риск, правящие круги предпочли компромисс с правыми военными кругами и замедление хода преобразований.

Так завершился первый этап либерализации в Бразилии (конец 1978—середина 1981 г.). Его «заключительным аккордом» стал уход в отставку в июле 1981 г. основного «архитектора» данного курса — Голбери ду Коуту-э-Силвы. Если конец 70-х — начало 80-х годов, когда разворачивался первый этап либерализации, были временем бурного роста демократических сил, то с середины 1981 г. наступило время «подтягивания тылов» в развитии этого процесса. Правительство пыталось стабилизировать состояние экономики и тем самым обеспечить базу для продолжения своего курса.

Хотя в этой области были достигнуты некоторые обнадеживающие результаты (объем экспорта увеличился в 1981 г. на 15,7%, а положительное сальдо внешней торговли впервые достигло 1,2 млрд долл.), обнаружились и крайне тревожные явления. Впервые за послевоенные годы в 1980 г. существенно сократил-

ся объем промышленного производства. Правительству не удалось справиться с ростом внешней задолженности, безработицы, массового недовольства трудящихся своим экономическим положением. Продолжала расти инфляция. Это предопределило сохранение высокого уровня социальной напряженности как серьезной угрозы режиму на ближайшее будущее. В частности, резко обострилась классовая борьба в бразильской деревне. Последовала целая волна захватов безземельными крестьянами-поссейрос* помещичьих латифундий. Это вновь привлекло внимание широкой бразильской общественности к нерешенности аграрной проблемы. Правительство было вынуждено предпринять ряд шагов для смягчения напряженности в деревне, и в октябре 1981 г. был обнародован очередной, на этот раз довольно широкий законопроект об аграрной реформе.

Наряду с поисками решения многочисленных эко-
номических проблем страны, с маневрированием в социальной области с середины 1981 г. все более пристальное внимание как правящих кругов, так и широких демократических сил стала привлекать проблема предстоящих в ноябре следующего, 1982, года парламентских, муниципальных и губернаторских выборов. От их результатов — и это хорошо понимали и в правительственных, и в оппозиционных кругах — зависело многое в дальнейшем развитии процесса демократических перемен.

От выборов 1982 года — к гражданскому правительству

Итак, с середины 1981 г. на первый план политической жизни Бразилии выдвинулась проблема предстоящих в ноябре 1982 г. парламентских, губернаторских и муниципальных выборов. Можно смело сказать, что все шаги и правительства, и оппозиции на протяжении последующих полутора лет делались с «прицелом» на выборы. Для этого имелись веские причины.

Прежде всего сам факт проведения выборов должен был подтвердить продолжение курса либерализации,

---

* Безземельные крестьяне, обрабатывающие пустующие участки, не имея на них юридических прав.

темпы которой в 1981 г. замедлились, что порождало множество слухов. Внимание привлекало и то обстоятельство, что впервые за годы военного правления прямым голосованием избирались губернаторы штатов, наделенные в условиях федеративного устройства Бразилии немалыми полномочиями. До этого на протяжении 18 лет губернаторов назначало правительство, т. е. предстоящие выборы должны были стать первыми после поворота к либерализации. Избирательной кампании предшествовали амнистия большинства политических противников режима, упразднение искусственной двухпартийной и восстановление урезанной — поскольку не была легализована Бразильская коммунистическая партия (БКП) — многопартийной системы. Результаты выборов должны были прояснить расстановку политических сил в стране.

Имелось еще одно, может быть, самое важное обстоятельство, на которое в первую очередь обращали внимание правительство, оппозиция и зарубежные наблюдатели. Депутатам Национального конгресса, избранным 15 ноября 1982 г., предстояло совместно с представителями всех штатов (по шесть человек от каждого) утвердить в начале 1985 г. кандидатуру преемника президента Фигейреду. Предсказывалось, что итоги голосования 1982 г. будут отражаться на политической жизни страны вплоть до 90-х годов.

Все это объясняет, почему и правящие круги, и оппозиция возлагали на выборы большие надежды. Правительство рассчитывало с их помощью обеспечить себе не только твердый, но, по возможности, и узаконенный, институционализированный контроль над Национальным конгрессом. Это означало бы контроль над коллегией выборщиков будущего президента, а следовательно, и успешное продолжение постепенной внутривластной «декомпрессии». Оппозиция же стремилась на деле доказать, что она пользуется поддержкой подавляющего большинства населения, отвергающего военный авторитаризм. Ее лидеры пытались овладеть реальными политическими рычагами давления на правительство в целях ускорения процесса демократических преобразований.

Неудивительно поэтому, что подготовка к выборам протекала в обстановке чрезвычайно острой и напряженной борьбы. Лозунги, программы, выступления лидеров, пропагандистские акции (для оппозиции значи-

тельно затрудненные продолжающим действовать репрессивным «законом Фалкао» о пропаганде) были четко ориентированы на завоевание максимально возможной части избирателей. Не обошлось и без предвыборной демагогии, щедро раздаваемых обещаний, рекламы реальных и ожидаемых достижений правительственной и оппозиционных буржуазных партий. Ультраправые милитаристские круги угрожали непризнанием результатов голосования в случае победы оппозиционных кандидатов.

Уже в середине 1981 г. правительству было ясно, что объединенные силы оппозиции в состоянии завоевать абсолютное большинство депутатских мест в парламенте и ключевые губернаторские посты. Это могло подорвать всю стратегию либерализации, которая подразумевала сохранение правительственного, т. е. буржуазного, контроля над Национальным конгрессом и последующей сменой президентов. В этой ситуации Фигейреду прибег к приему, ранее неоднократно применявшемуся его предшественниками в критических для режима ситуациях (в последний раз — правительством Гайэла в 1977 г.) — к пересмотру избирательного законодательства. В конце 1981 г. на рассмотрение Национального конгресса, большинством в котором располагало правительство, был представлен комплекс новых законодательных мер.

Основными его положениями стали запрещение партийных коалиций на выборах и обязательное голосование по единому «вертикальному» списку кандидатов от каждой партии на любой пост — от муниципального советника до губернатора, депутата, сенатора. Первая из этих мер должна была лишить оппозицию возможности единых действий. Вторая позволяла правительству, обладавшему гораздо большими, чем оппозиция, средствами воздействия на избирателей периферийных районов (субсидии, программы регионального развития и т. д.), влиять на исход выборов.

Изменения в избирательном законодательстве нанесли тяжелый удар оппозиции. Несколько месяцев шли бесплодные дебаты в Национальном конгрессе, в ходе которых депутаты от различных партий тщетно пытались внести поправки к новому закону, смягчить его действие. В итоге лидеры оппозиции осознали, что для противодействия маневрам правительства необходим прочный союз их партий на новой основе. В фев-

рале 1982 г. съезды наиболее крупных организаций — Партии Бразильское демократическое движение (ПМДБ) и Народной партии (ПП) — приняли решение объединиться под флагом ПМДБ. В марте, несмотря на ожесточенное сопротивление правительства, Верховный избирательный трибунал утвердил это слияние.

Правящим кругам пришлось искать новые пути обеспечения контроля над результатами выборов. В ход были пущены все средства массовой информации, правительство устраивало красочные представления и митинги, президент, министры и губернаторы торжественно открывали новые школы, медпункты и автобусные линии, рекламируя свои достижения. Возможности оппозиции в этом плане были, естественно, значительно скромнее. Не довольствуясь пропагандой, правительство приняло новую, чрезвычайно усложненную процедуру голосования: избиратели от руки должны были вносить целый ряд записей в свои бюллетени. В Бразилии, где высок процент неграмотных, эта мера вела к значительному числу аннулированных из-за неправильного заполнения бюллетеней, которые по закону засчитывались в пользу правительства.

И тем не менее к концу избирательной кампании, по данным регулярно проводившихся во всех штатах Бразилии опросов общественного мнения, правительственная Социально-демократическая партия (ПДС) и оппозиционная ПМДБ шли почти вровень. К этому времени выявилась и другая тенденция — поляризация политических сил. Избиратели отдавали голоса в основном двум крупнейшим партиям как наиболее вероятным победителям на выборах. Так, если в марте 1980 г. за ПДС высказалось 14% опрошенных, то к концу сентября 1982 г. — 33%. За ПМДБ соответственно 10 и 30%. Поддержка же небольших партий резко уменьшилась — например, Партии трудящихся (ПТ) — с 18 до 5%; Бразильской трабальстской партии (ПТБ) — с 22 до 4%¹. В результате во многих штатах выборы фактически превратились в двухпартийный плебисцит, на котором избиратели должны были сказать «да» или «нет» правительственной политике. Шире вопрос стоял так: сохранить медленные темпы, постепенность, верхушечный характер процесса либерализации или перейти к более решительным, более глубоким и последовательным демократическим преобразованиям?

В этих условиях БКП призвала рабочий класс, все демократические силы сплотиться вокруг ПМДБ. Поддержав именно эту партию (а не ПТ или ПДТ, занимавшие по ряду вопросов более радикальные позиции), коммунисты исходили из того, что лишь ПМДБ могла реально противопоставить на выборах демократическую альтернативу политическому проекту режима в общенациональном масштабе. Лишь крупнейшая оппозиционная партия могла рассчитывать на достаточное число голосов избирателей, чтобы на практике осуществить поддержанный коммунистами лозунг создания на местах (в штатах и муниципалитетах) правительств широкой демократической коалиции с участием всех антидиктаторских сил. Кандидаты от БКП были включены в избирательные списки ПМДБ.

С иных позиций выступила накануне выборов Партия трудящихся. Отвергнув курс на объединение с другими оппозиционными силами, претендуя на роль единственного представителя интересов бразильского пролетариата, руководство ПТ сконцентрировало основные усилия на завоевании для своего лидера — популярного профсоюзного деятеля Л. И. да Силвы (Лулы) важного поста губернатора Сан-Паулу, а также на избрании максимально возможного числа своих представителей в Национальный конгресс от этого штата и в местные органы управления. Такой подход в целом не привлек симпатий избирателей.

Самостоятельно участвовала в выборах и ПДТ. Ее лидер, Л. Бризола, баллотировавшись на пост губернатора Рио-де-Жанейро, рассчитывал на свою личную известность среди избирателей этого штата, где разворачивалась его политическая деятельность в конце 50-х — начале 60-х годов. Бризола умело использовал как негативное отношение населения к кандидатам правительственной ПДС, так и промахи в избирательной тактике местного отделения ПМДБ, в частности непопулярность ее кандидата на губернаторский пост М. Тейшейры.

В день голосования 58,5 млн бразильских избирателей выстроились в длинные очереди на 200 тыс. избирательных участков, расположенных более чем в 4 тыс. муниципалитетов страны (за неучастие в выборах налагался большой денежный штраф). Они пришли, чтобы избрать — согласно подробнейшим стати-

стическим выкладкам прессы — губернаторов 22 штатов (в недавно образованном штате Рондония выборы не проводились), треть членов верхней палаты Национального конгресса, всех депутатов нижней палаты, 974 депутата законодательных ассамблей штатов, 4034 судьи и 37 894 муниципальных советника. Выборы были наиболее представительными за всю историю Бразилии.

Результаты голосования показали, что в стране существует сильное стремление к демократическим переменам. В Сан-Паулу, крупнейшем экономическом центре не только Бразилии, но и всей Латинской Америки (12 млн избирателей), губернатором стал один из лидеров оппозиционной ПМДБ Франко Монтору, известный своей последовательной защитой демократических преобразований. Важный в политическом и экономическом отношении штат Минас-Жерайс (более 6 млн избирателей) возглавил бывший лидер ПП, вице-президент ПМДБ Танкреду Невис. В крупнейшем политическом центре страны Рио-де-Жанейро (около 6 млн избирателей) губернатором был избран Леонел Бризола. Помимо этих трех штатов, где сосредоточена почти половина бразильских избирателей, губернаторы от оппозиции были избраны еще в семи. В целом оппозиция получила почти 60% голосов. Доля правительства в нижней палате Национального конгресса сократилась с 53,8 до 48,8% депутатов.

Завоевав контроль над исполнительной властью в 9 штатах (в руках правительственной ПДС осталось 12), значительно увеличив свое представительство в Национальном конгрессе (со 167 до 201 депутата в нижней палате) и местных органах власти, ПМДБ превратилась в реальную, влияющую на ход политического процесса в стране силу. Другие партии оппозиции получили соответственно: ПДТ — 23 места в конгрессе, ПТБ — 13 и ПТ — 8. По спискам ПМДБ в Национальный конгресс, законодательные ассамблеи штатов и местные органы власти было избрано несколько десятков представителей БКП.

Оценивая результаты голосования, бразильские коммунисты указывали, что демократическим силам «в большинстве случаев удалось оказать противодействие предпринятым режимом усилиям по расколу демократического фронта». Выборы, «хотя и не привели к изменению сущности правящего режима... еще

больше сократили для него возможности маневрирования, сузили его социально-политическую базу... В сочетании с проблемами, выдвинутыми экономическим кризисом... эти результаты открывают путь к решению национальных проблем путем *политического диалога*»². Этот вывод имел принципиальное значение для дальнейшей стратегии и тактики левых сил Бразилии. Развитие событий подтвердило его правильность. Итоги ноябрьских выборов 1982 г. стали важным свидетельством крепнущей воли бразильского народа к последовательной демократизации страны.

Вместе с тем, при всем важном внутривнутриполитическом значении выборов, их результаты не могли ни заменить, ни приблизить поиск решения серьезнейших экономических и социальных проблем, стоящих перед страной. В пылу предвыборных баталий эти проблемы временно как бы забылись, отошли на второй план. Но как только накал политической борьбы несколько остыл, они вновь заявили о себе со всей остротой.

Уже в начале 1983 г. на первые полосы бразильских газет вновь вернулись устрашающие цифры гигантской задолженности страны иностранным, прежде всего американским, банкам. Она достигла к этому времени 90 млрд долл. и поглощала львиную долю валютных поступлений. Не менее тревожной для бразильцев оставалась проблема инфляции. Прочно «закрепившись» выше 100-процентной отметки, она резко усилилась в условиях экономического спада и безработицы. К этому надо добавить последствия невиданной засухи в самых бедных и густонаселенных северо-восточных штатах. Это бедствие буквально вышвырнуло в промышленные центры огромные массы обнищавших, голодающих сельских бедняков, которые и в городах не находили никакой работы. После совсем недавнего и казавшегося многим бразильцам таким прочным «чуда» экономика страны очутилась на грани банкротства. «Теперь будет чудом, если мы выживем», — саркастически озаглавила в 1983 г. один из своих экономических обзоров популярная газета «Фолья де Сан-Паулу». Французская газета «Ви увриер» свидетельствовала: «В Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Белу-Оризонти — этих промышленных центрах Бразилии — в настоящее время насчитывается 25% безработных. Трудящиеся предприятий, принадлежащих транснациональным корпорациям, т. е. работники, которые

еще совсем недавно считались „привилегированными“, столкнулись с обратной стороной бразильского „чуда“: закрытием заводов и фабрик, массовыми увольнениями. Повсеместная нищета соседствует с вызывающей роскошью фаворитов режима. Еще не так давно квалифицированные и даже неквалифицированные рабочие фирмы „Фольксваген“ могли платить за недорогую квартиру. Теперь же, когда занятость стала ненадежной... они вытеснены в трущобные кварталы. В Сантосе (пригород Сан-Паулу), этом центре черной металлургии и тяжелого машиностроения, такие хрупкие нагромождения из досок и листового железа быстро растут среди болот, экскрементов, отходов и ядовитых отходов промышленного производства»³.

Пытаясь справиться с кризисом, правительство Фигейреду обнародовало в январе—марте 1983 г. целую серию мер жесткой экономии, согласованных с Международным валютным фондом (МВФ) — основным кредитором Бразилии. Предусматривалось сокращение на 20% государственных расходов, периодические девальвации национальной валюты, обеспечивающие конкурентоспособность бразильских товаров на мировом рынке. Вводились ограничения в законодательство, в соответствии с которым дважды в год автоматически повышали зарплату (для компенсации роста стоимости жизни) миллионам бразильских трудящихся. Эти и другие меры были выдвинуты МВФ в качестве условия предоставления Бразилии новых, жизненно необходимых ей кредитов. Заранее предвидя взрыв недовольства широких масс населения правительственной программой экономии, президент Фигейреду уже в январе призвал оппозицию и профсоюзы к «временному перемирию» с правительством ввиду тяжелого экономического положения.

Однако это предложение было отвергнуто ведущими оппозиционными партиями, лидеры которых заявили, что никакое перемирие без изменения экономического курса и восстановления демократии в полном объеме, включая прямые президентские выборы, невозможно⁴. В связи с планами правительства и предпринимателей и дальше снижать реальную заработную плату трудящихся, крупнейшие профсоюзы заявили о своей готовности начать всеобщую забастовку протеста. В апреле 1983 г. в Сан-Паулу вспыхнули стихийные выступления тысяч бедняков, доведенных до

отчаяния ростом безработицы и стоимости жизни. При их подавлении полицией имелись убитые и десятки раненых.

В обстановке резкого обострения финансово-экономического кризиса за пересмотр экономического курса, грабительских соглашений с МВФ и за мораторий на выплату процентов по внешней задолженности выступили широкие слои бразильской общественности, включая значительную часть предпринимателей и националистически настроенных военных. Иностранная пресса свидетельствует: «„Нет!“ — так озаглавлен последний памфлет бразильского экономиста Селсу Фуртаду. „Нет!“ — это возмущенный крик целого общества, подавляемого транснациональными корпорациями и Международным валютным фондом. Эти три буквы знает любой неграмотный Северо-Востока или безработный индустриального Юга, и лозунг „Долой МВФ!“ виден повсюду — на стенах домов, на флажках, в газетных заголовках»⁵.

Даже сами западные банки—кредиторы Бразилии были встревожены масштабами кризиса и угрозой социального взрыва в Бразилии. «Мы должны гарантировать,— писал в этой связи орган деловых кругов США „Уолл-стрит джорнэл“,— чтобы политика затягивания поясов, навязанная странам-должникам, не привела к обратным результатам и не вызвала ответной реакции»⁶. Ему вторила влиятельная «Крисчен сайенс монитор», которая, учитывая взрывоопасную социальную ситуацию в стране, расценивала программу, навязанную ей МВФ, как «крайне рискованную»⁷.

Попытки правительства Фигейреду преодолеть экономические трудности традиционным для Бразилии путем — за счет трудящихся — вызвали резкий подъем забастовочного движения в середине 1983 г. В июне в Рио-де-Жанейро состоялся марш 50 тыс. рабочих против экономической политики правительства. В июле в Сан-Паулу бастовало более 75 тыс. металлистов и нефтяников. По аграрным северо-восточным штатам прокатилась волна выступлений сельских поденщиков и арендаторов, захватывавших владения помещиков и блокировавших дороги. Они были жестоко подавлены полицией. 21 июля по призыву профсоюзных объединений по всей стране прошел Национальный день забастовок и манифестаций, который продемонстрировал возросшую мощь рабочего и профсоюзного движения.

Только в Рио-де-Жанейро в этот день участвовало в демонстрациях 50 тыс. трудящихся. Забастовки и манифестации прошли также в рабочих пригородах Сан-Паулу, в Порту-Алегри, Ресифи и других городах⁸.

В то же время к началу августа стал очевиден и раскол в бразильском профсоюзном движении. Разногласия приобрели особенно острый характер по вопросу о созыве II Национальной конференции трудящихся. (Первый такой форум состоялся близ Сан-Паулу в августе 1981 г.)

Несмотря на возражения многих ведущих профсоюзов, часть влиятельных профцентров, в основном контролируемых Партией трудящихся, провела 26—28 августа 1983 г. «свою» конференцию. Ее участники создали Единый профцентр трудящихся (КУТ) и призывали все профсоюзы начать общенациональную забастовку против экономического курса правительства. Однако, поскольку далеко не все бразильские профсоюзы участвовали в августовском конгрессе и поддерживали идею забастовки, ее проведение оказалось практически неосуществимым.

Хотя раскол в профсоюзах ослабил возможности их воздействия на политическую жизнь страны, правящие круги и политические партии не могли не учитывать резко отрицательное отношение трудящихся к экономической программе правительства. В сентябре—октябре Национальный конгресс, куда были направлены для утверждения правительственные законопроекты в области регулирования заработной платы, отверг их. Парламентарии не испугались открытых угроз со стороны военной верхушки, с ведома которой в столице было объявлено чрезвычайное положение. Отпор конгресса явился серьезным ударом по позициям правительства.

Растущая активность и политическая зрелость бразильских трудящихся наглядно проявились и в ходе состоявшегося 4—6 ноября 1983 г. форума, созванного профсоюзами, не участвовавшими в августовском конгрессе. На нем были представлены 1256 профсоюзных объединений Бразилии. Были приняты резолюции по наиболее актуальным экономическим и политическим проблемам, утверждена программа борьбы профсоюзов за насущные интересы трудящихся. Резкому осуждению подвергся курс правительства. В принятой

декларации подчеркивалось, что власти «остаются глухими к голосу всего общества, которое уже не просит, а требует положить конец диктаторским режимам, провести прямые выборы на всех уровнях, созвать свободную и суверенную учредительную конституционную ассамблею»⁹.

Детально рассмотрев экономическую ситуацию в стране, участники форума пришли к неутешительному выводу: «Последствия так называемого бразильского чуда не могли быть более драматическими — стоимость жизни достигла рекордного уровня, в стране миллионы полностью и частично безработных, в промышленности занято столько же рабочих, что и 10 лет назад, происходит невиданный рост числа банкротств... официальный минимум зарплаты позволяет лишь на треть удовлетворить основные потребности трудящихся и их семей... происходит полное подчинение экономической политики диктату Международного валютного фонда (МВФ) и международных банкиров в целях погашения неслыханного внешнего долга в 100 млрд долл.». Это ведет к «еще большему застою, к росту безработицы и дальнейшей утрате национального суверенитета»¹⁰. Потребовав отмены заплашированных правительством мер по денационализации госсектора и дальнейшему снижению уровня жизни трудящихся, ноябрьский форум выдвинул программу, включающую пересмотр соглашений с МВФ, мораторий на выплату внешнего долга, эффективную аграрную и налоговую реформу, отмену замораживания заработной платы, ограничение деятельности иностранных монополий и поддержку национальных предприятий, выравнивание диспропорций между регионами страны и другие требования.

Новой важнейшей чертой ноябрьского форума бразильских трудящихся стало ясное осознание ими политических задач переживаемого страной момента. Принятые резолюции включали требования отмены закона о национальной безопасности и чрезвычайного законодательства в целом, проведения прямых президентских выборов, официального признания права на забастовку и автономии профсоюзов, легализации всех партий, включая коммунистическую. Было уделено большое внимание проблеме профсоюзного единства, которая приобрела в 1983 г. особую остроту. Результаты ноябрьского форума имели важное значение для

бразильского рабочего движения, способствовали активизации демократических сил.

Под давлением этих сил правительство и Национальный конгресс были вынуждены в декабре 1983 г. пересмотреть и несколько смягчить репрессивный закон о национальной безопасности, что явилось важной победой антидиктаторской оппозиции.

Политические итоги 1983 г. — рост недовольства экономическим положением страны, активные выступления оппозиции, нарастание борьбы трудящихся — свидетельствовали о начале нового мощного подъема демократических настроений. Проанализировав ситуацию, бразильские коммунисты выдвинули свою программу действий в новых политических условиях. В документах БКП отмечалось, что «экономические итоги 1983 г. разоблачают курс правительства как политику национальной катастрофы, не ведущую к выходу из кризиса». Лишь его пересмотр, подчеркивали коммунисты, может приблизить решение стоящих перед страной проблем. Среди политических итогов года БКП выделила рост антиправительственных настроений, влияния оппозиции, стремления масс к демократии. Были подчеркнуты важные сдвиги, происшедшие в 1983 г. в рабочем и профсоюзном движении, — усиление борьбы трудящихся за свои права, против антирабочего законодательства и экономического курса правительства, за национальный суверенитет и профсоюзную автономию.

БКП оценила предстоящий 1984 год как решающий в борьбе за полное восстановление демократии, против антинациональной экономической политики правящих кругов¹¹. Партия выдвинула конкретную программу действий демократических сил. Предложенный коммунистами проект включал в политической области — созыв конституционной ассамблеи, прямые выборы на всех уровнях, отмену антидемократического законодательства, легализацию всех политических партий, признание автономии профсоюзов, права на забастовку, соблюдение прав человека и всех демократических свобод; в экономической — изменение финансово-экономической ориентации, пересмотр соглашений с МВФ, мораторий на выплату внешнего долга, меры по расширению внутреннего рынка, аграрную, финансовую и налоговую реформы, поддержку национальных предприятий, передачу природных богатств страны в

их исключительное пользование; в социальной — пересмотр в интересах трудящихся политики заработной платы и системы социального страхования, политики цен, планов развития городского хозяйства, образовательной системы и здравоохранения, ряд других мер¹².

С особой силой демократический подъем, начавшийся в 1983 г. с выступлений трудящихся и оппозиции, проявился в небывалой по масштабам, поистине все-народной кампании за восстановление прямых президентских выборов и гражданского правления. Резкое усиление внимания всех слоев бразильского общества к проблеме выборов началось в последние месяцы 1983 г., когда, по словам парижской «Монд», избрание следующего главы государства превратилось в исключительную, центральную тему политической жизни страны¹³. Непосредственным толчком к этому послужили заявления президента Фигейреду во время его ноябрьского визита в Нигерию. Президент высказался в пользу прямого избрания своего преемника, не уточнив, однако, какие сроки выборов он имеет в виду. Оппозиция сумела использовать усилившийся интерес общественности к проблеме выборов, сконцентрировав на ней все свои пропагандистские усилия. В начале декабря 1983 г. очередной (V) съезд крупнейшей оппозиционной партии ПМДБ потребовал немедленно восстановить прямые президентские выборы. «Нация имеет право быть выслушанной», — так озаглавили свое обращение с призывом восстановить прямые выборы шесть губернаторов штатов от оппозиции¹⁴.

С аналогичными призывами выступили профсоюзы и демократические общественные организации Бразилии. Их действия вызвали резкую реакцию военнобюрократической верхушки. Выступая 7 декабря перед 123 генералами в Морском клубе Рио-де-Жанейро, Фигейреду заявил, что, несмотря на давление «безответственных политических деятелей и профессиональных агитаторов», его преемник будет избран прямым путем — контролируемой правительством коллегией выборщиков в составе 680 человек. С аналогичными заявлениями в последующие дни выступили военные министры и главный политический советник президента Лейтан де Абреу.

Высказывания руководящих деятелей правительства вызвали настоящую лавину протестов, причем не

только со стороны оппозиции. Протестовали видные предприниматели, депутаты парламента, губернаторы и мэры городов от самой правительственной ПДС, не говоря уже о профсоюзах, общественных организациях и деятелях культуры. Согласно проведенным опросам общественного мнения в конце 1983 г. более 80% бразильцев высказывались за немедленный возврат к прямым президентским выборам¹⁵.

Такая наглядная демонстрация отрицательного отношения подавляющего большинства населения к политическому проекту правительства последовала вскоре после его поражения в Национальном конгрессе по вопросу о политике в области заработной платы. Это привело к серьезной деморализации «верхов». Даже общепризнанные «столпы» режима стали один за другим заявлять, что военное правление привело Бразилию к невиданному кризису. Начавшееся брожение перешло в открытый раскол не только верхушки ПДС, но и ближайшего окружения самого президента. Попытки правящей группировки сплотить своих сторонников под испытанным, хотя и изрядно потрепанным знаменем «отражения угрозы коммунистического проникновения», равно как и очередные призывы к «перемирию» с оппозицией, на этот раз также оказались безуспешными.

Не дожидаясь формального выдвижения кандидата в президенты от правящей партии, которое по закону должно было состояться до 15 сентября 1984 г., уже в январе ряд видных деятелей ПДС объявили себя кандидатами в президенты. В конечном счете официальным кандидатом был провозглашен бывший губернатор Сан-Паулу — депутат П. Малуф, беззастенчиво использовавший в предвыборной борьбе свое огромное состояние. Он опередил таких известных деятелей, как вице-президент А. Шавис, министр внутренних дел М. Андреаса, сенатор М. Масиел.

Немаловажным фактом предвыборной кампании 1984 г. стало нарушение всех неписаных канонв прошедших 20 лет военного правления — ни один из перечисленных кандидатов не был генералом. Более того, трое из них вообще никогда не были кадровыми военными. Это являлось отнюдь не случайностью, а знаменем времени. Наиболее дальновидная часть правящих кругов отлично понимала, что ее долгосрочным интересам отвечала передача президентского поста

гражданскому лицу, связанному с элитой режима. Значительная часть военных также соглашалась с этим, надеясь отвести от себя огонь критики со стороны оппозиции, обвинявшей военных в провале «бразильского чуда» и закабалении страны иностранными банками.

Однако при всей важности политических комбинаций в верхах не они существенно отличали предвыборную кампанию 1984 г. от всех предыдущих. Если первый после переворота 1964 года военный президент Кастело Бранко был «избран» блоком разнородных сил бразильской контрреволюции, если в роли «электората» его преемников Коста-э-Силвы, Медиси и Гайзела выступила военная верхушка, а Фигейреду «избрал» его предшественник Гайзел, то в кампании 1984 г. с самого начала заявили о себе широкие слои бразильского общества. В условиях нарастающего, становящегося невыносимым для основной массы населения социально-экономического кризиса требование передачи власти в руки демократически избранного гражданского правительства стало поистине всенародным. Это в конечном счете и обусловило несостоятельность тщательно разработанных стратегами режима схем сохранения власти в руках прежних правящих группировок, предопределив восстановление гражданского правления в начале 1985 г. События, предшествовавшие этому, развивались весьма динамично.

С середины января 1984 г. по всей Бразилии началась массовая кампания в поддержку прямых президентских выборов. Она проходила по призыву оппозиционных партий в рамках подготовки к назначенному на 25 апреля голосованию в Национальном конгрессе предложенной оппозицией конституционной поправки, предусматривающей восстановление всеобщих прямых выборов. Уже на первой из массовых акций этой кампании, проведенной 12 января в столице штата Парана, г. Куритиба, присутствовало 40 тыс. человек. Дальше последовало впечатляющее нарастание волны народных манифестаций: 25 января — 300-тысячный митинг в Сан-Паулу; 16 февраля — манифестация с участием 50—60 тыс. человек в Рио-де-Жанейро и Белене, столице северо-восточного штата Пара; 26 февраля — 300-тысячная демонстрация в крупном индустриальном центре Юга — Белу-Оризонти. 21 марта 200 тыс. человек провели в Рио-де-Жанейро «ге-

неральную репетицию» назначенных на апрель основных акций кампании ¹⁶.

Размах выступлений начала 1984 г. оказался неожиданным не только для правительства, но и для многих оппозиционных лидеров. «Кто бы мог ожидать этого всего пять месяцев назад!» — восклицала оппозиционная газета «Фолья де Сан-Паулу» ¹⁷. Волна манифестаций серьезно напугала правительство и военную верхушку. Режим тем не менее еще пытался сопротивляться давлению со стороны народных масс. Весной 1984 г. последовал ряд угрожающих заявлений военных министров, давших понять, что они не допустят утраты правительством контроля над ситуацией в стране. В речи, посвященной 20-летию переворота 1964 года, министр сухопутных войск генерал Пирис обвинил участников массовых выступлений в «предательстве национальных интересов и разжигании в народе несбыточных надежд на институционные перемены как панацею от всех бед» ¹⁸. Правая печать стала публиковать провокационные статьи, сравнивая выступления 1984 г., с массовым движением кануна переворота 1964 года. Подстрекательские заявления сделали и некоторые парламентарии — члены ПДС.

Одновременно продолжал углубляться раскол в правительственном лагере. Все откровеннее высказывался в пользу прямых выборов вице-президент А. Шавис. Разногласия коснулись высшего военного командования. Поддержавший требования о восстановлении демократии министр ВМФ адмирал М. Фонсека в конце марта вынужден был уйти в отставку. В этих условиях, пытаясь сбить накал политической борьбы, президент Фигейреду поспешил объявить о предстоящем направлении в Национальный конгресс правительственного проекта конституционной поправки по вопросу о прямых выборах. Поспешность президента объяснялась, во-первых, обеспокоенностью предстоявшей 10 апреля 1984 г. грандиозной манифестации в Рио-де-Жанейро, после которой, по оценке бразильских спецслужб, кризис мог стать необратимым; во-вторых, необходимостью повлиять на колеблющихся депутатов Национального конгресса перед голосованием 25 апреля по проекту конституционной поправки.

Ситуация, однако, уже вышла из-под контроля правительства. 5 апреля Национальный надпартийный комитет за прямые выборы, в который вошли 180 влия-

тельных организаций, призвал к проведению в день голосования общенациональной политической забастовки. 10 апреля в Рио-де-Жанейро состоялась крупнейшая в истории Бразилии политическая манифестация за прямые выборы, собравшая более 1 млн человек. Манифестация, в которой принимали участие все основные лидеры оппозиции, отличалась необычайно высоким уровнем организованности. Она буквально потрясла страну. «10 апреля,— писал популярный еженедельник „Исто э“,— ровно через 20 лет после публикации организаторами переворота 1964 года первого списка лиц, лишенных политических прав, народ сказал в Рио-де-Жанейро свое слово... и вся страна увидела, что курс ее истории изменился»¹⁹. 16 апреля столь же многочисленная манифестация состоялась в Сан-Паулу.

Массовые выступления в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу оказали серьезное влияние на ход политической борьбы. Находившийся в это время с визитом в Испании Фигейреду заявил, по словам официального представителя, что «прямые выборы — его знамя», и выразил сожаление, что правительственная ПДС позволила оппозиции вырвать это знамя из своих рук.

16 апреля 1984 г. был обнародован правительственный проект конституционной поправки о выборах. Он предусматривал сокращение президентского мандата с 6 до 4 лет, прямые выборы в 1988 г. (т. е. избрание таким путем не преемника Фигейреду, а следующего за ним президента.— Авт.); дальнейшее ограничение права президента издавать чрезвычайные декреты — законы; восстановление прямых выборов префектов столиц штатов и ряд менее значительных мер²⁰. В обращении к нации в связи с направлением проекта в Национальный конгресс Фигейреду вынужден был признать, что правительство не в состоянии более игнорировать стремление народа к демократическим переменам. В то же время он подчеркнул необходимость продолжить курс поэтапной либерализации и обвинил оппозицию в «отказе вести диалог с правительством и выдвигании заведомо неприемлемых условий»²¹.

В целом содержание проекта представляло собой очередную попытку компромисса. Его основные цели: сплотить проправительственный лагерь, избежать немедленного проведения прямых выборов и вынудить оппозицию к переговорам — не были секретом для де-

мократических сил. Нежелание правительства согласиться на восстановление прямых выборов также имело очевидную причину. Как отмечал популярный политической обозреватель К. Кастело Бранко, «выборы сломают стратегию медленной и поэтапной либерализации и вынудят правительство оспаривать первенство в момент, когда его кандидат не имеет шансов получить предпочтение избирателей. Экономические, социальные и юридические проблемы обрекают правительственного кандидата на неизбежное поражение у избирательных урн»²².

Готовясь к ответственному голосованию 25 апреля 1984 г. в Национальном конгрессе, правительство, в дополнение к попыткам с помощью своего «контрпроекта» сплотить фракцию ПДС и расколоть оппозицию, объявило чрезвычайное положение в Бразилиа и девяти соседних муниципалитетах. Это позволяло не допустить в столицу накануне голосования тысячи участников направлявшегося туда со всех сторон по призыву оппозиции «Каравана за прямые выборы». Кроме того, в условиях чрезвычайного положения легче было оказывать давление на колеблющихся парламентариев. Все эти меры принесли правительству временный успех. 25 апреля предложение оппозиции о немедленном восстановлении прямых выборов было отклонено незначительным большинством голосов депутатов Национального конгресса.

Однако, несмотря на это тактическое поражение, оппозиция уже достаточно прочно владела политической инициативой, чтобы не поддаться деморализации. Хотя массовая кампания за восстановление прямых выборов не достигла своей непосредственной цели, она буквально потрясла основы режима и оказала весьма серьезное влияние на дальнейшую предвыборную борьбу. Наглядная демонстрация активно отрицательного отношения подавляющего большинства населения к правительственному политическому проекту ускорила раскол правящей группировки. Из ПДС вышла обширная центристская группировка в составе вице-президента страны, председателя партии, ряда губернаторов и около 100 парламентариев. В этих условиях, проанализировав складывающуюся конъюнктуру, руководство антидиктаторских сил приняло решение продолжить борьбу за власть на условиях, навязанных стратегами режима, т. е. в русле непрямого избрания главы госу-

дарства коллегией выборщиков. Как показал дальнейший ход событий, в обстановке стремительного разложения военно-авторитарной структуры власти такая линия оппозиции была вполне оправданной.

С середины 1984 г. объединенные усилия антидиктаторских сил были сосредоточены на достижении необходимого перевеса в коллегии выборщиков. Справедливо считая залогом победы возможно более широкое единство, основная сила оппозиционного лагеря — ПМДБ сумела сначала заручиться поддержкой остальных партий оппозиции (за исключением ПТ, отказавшейся участвовать в голосовании), а затем и создать коалицию с вышедшей из ПДС влиятельной центристской группировкой «либералов» *. Объединение ПМДБ и ПФЛ получило наименование Демократический союз. Оно выдвинуло совместных кандидатов в президенты и вице-президенты: Танкреду Невиса (ПМДБ) и Жозе Сарнея (ПФЛ). От правительственной ПДС им противостояли уже упоминавшийся П. Малуф и опытный политический деятель Ф. Марсилиу.

Сразу же после выдвижения стало очевидным заметное, причем с тенденцией к увеличению, преимущество кандидатов Демократического союза. Поэтому правительство, вынужденное действовать в неблагоприятных условиях, попыталось добиться признания юридически незаконным этого объединения. Когда данные попытки провалились (ноябрь 1984 г.), окружение Фигейреду, фактически смирившись с неизбежностью поражения своих кандидатов, предприняло атаку на левые силы, поддерживавшие Демократический союз и активно участвовавшие в его деятельности. Цель атаки была двоякой: скомпрометировать оппозиционных кандидатов перед консервативно настроенными членами коллегии выборщиков и изолировать их от коммунистов и представителей других левых течений. Милитаристские круги, встревоженные возможностью легализации БКП при новом правительстве, предприняли ряд грубых антикоммунистических провокаций. Демократические силы Бразилии решительно осудили эти происки реакции.

Представляя коалицию разнородных классовых и политических сил, кандидаты Демократического союза

* Эта группировка в декабре 1984 г. была оформлена в партию Либеральный фронт (ПФЛ), лидером которой был провозглашен сенатор Ж. Сарней.

располагали и соответствующей, весьма широкой и неоднородной, массовой базой, включавшей подавляющее большинство мелкой и средней буржуазии, влиятельные фракции крупного капитала, значительную часть рабочих, крестьян, представителей народных низов в целом. Эти силы, каждая со своих классовых позиций, связывали с кандидатами коалиции надежды на перемены в жизни страны. Обнародованная Демократическим союзом предвыборная платформа (впервые она была сформулирована в августе 1984 г. в документе «Обязательство перед нацией») давала определенные основания для таких надежд со стороны народных масс. Она бесспорно носила прогрессивный по сравнению с политикой военных правительств характер. Платформа включала многие важнейшие требования левых сил. Несмотря на наличие в ней ряда консервативных положений — следствия неоднородности самого Демократического союза, БКП поддержала программу в целом и кандидатов этого объединения.

15 января 1985 г. в помещении сената Национального конгресса в Бразилиа состоялось голосование, за ходом которого напряженно следила буквально вся страна, хотя его итоги и были заранее предрешены сложившейся к тому времени реальной расстановкой политических сил. За кандидатов Демократического союза проголосовали 480 выборщиков из 686. Их соперникам из лагеря покидающего политическую сцену военного режима удалось набрать лишь 180 голосов. Итоги голосования как бы «подвели черту» под 20-летним периодом военно-авторитарного правления в Бразилии. Страна оказалась в преддверии нового этапа своего политического развития. На 15 марта была назначена церемония вступления на высшие государственные посты представителей Демократического союза.

Необычно «гладкий», по меркам бурной бразильской политической жизни, процесс передачи власти новому правительству оказался омрачен неожиданным поворотом событий. За несколько часов до официального вступления в должность избранный президентом 75-летний Т. Невис был срочно госпитализирован. Продолжавшиеся более месяца усилия врачей, пытавшихся спасти его жизнь, закончились неудачей. 22 апреля, в соответствии с конституцией, президентом Бразилии неожиданно стал партнер Невиса по избирательной коалиции Ж. Сарней, до этого более месяца

временно исполнявший обязанности главы государства.

Такова краткая хроника событий, приведших к восстановлению гражданского правления в Бразилии.

Анализируя ныне переживаемый страной период, нельзя не согласиться с оценкой известного социолога сенатора Ф. Э. Кардозу, назвавшего его «мостом» между авторитарным прошлым и будущим²³. Сам приход Демократического союза к власти — вопреки планам и воле военной верхушки, но в рамках навязанного ею механизма не прямых президентских выборов — пример компромисса, столь характерного для бразильской политической традиции. Происходящие ныне в жизни страны перемены, будучи бесспорной победой сил, выступающих за демократию, одновременно во многом вписываются и в схему «либерализации сверху», начатой двумя последними президентами-генералами. Военные сохраняют негласное влияние на деятельность правительства, парламента, партий и политическую жизнь в целом. По мнению многих бразильских и зарубежных органов печати, армейской верхушке все еще принадлежит своего рода «право вето» по ряду ключевых политических вопросов.

Переходный характер нового бразильского правительства достаточно четко отразился в его неоднородном составе. В кабинете представлены либеральные центристские деятели, влиятельные региональные группировки, за которыми стоят политические и экономические интересы предпринимательских объединений Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Риу-Гранди-ду-Сул. Ряд министров — известные деятели ПМДБ, активно боровшиеся против диктатуры. В правительстве соседствуют консервативные и близкие к профсоюзам и левым партиям элементы.

Нынешний этап, в ходе которого определяются границы, масштабы, глубина процесса преобразований, чрезвычайно важен для демократических сил Бразилии. Особое значение приобретает четкость их собственного представления о задачах на ближайшие годы. В ходе предвыборной кампании левые партии и профсоюзы поддержали кандидатов и избирательную платформу Демократического союза, содержавшую немало прогрессивных положений и требований. Сегодня, когда Демократический союз находится у власти, бразильские коммунисты и другие наиболее последовательные демократические течения поддерживают практические

шаги по претворению этих положений в жизнь. Они подчеркивают важность сохранения единства правительственной коалиции и на данном этапе, видя в таком единстве заслон на пути контртакта реакции²⁴.

В обнародованной в начале 1985 г. правительственной программе «Новая республика» (это название широко применяется бразильской печатью и для обозначения нынешнего периода в целом) абсолютный приоритет отдан решению острейших экономических проблем — внешней задолженности, инфляции и безработицы, оказывающих крайне негативное воздействие на все стороны жизни общества. Особо подчеркивается необходимость борьбы с ними без дальнейшего ущемления интересов народных низов. В этой связи в Бразилии часто вспоминают слова покойного президента Т. Невиса, который подчеркивал, имея в виду внешний долг, что за деньги расплачиваются деньгами, а не голодом и нищетой народа²⁵. Среди экономических методов правительства — проекты развития с быстрой окупаемостью, сокращение внутреннего государственного долга, экономия бюджетных средств.

Социальный аспект курса кабинета Ж. Сарней основан на так называемом «социальном пакте» — своего рода трехстороннем соглашении о перемирии между государством, предпринимателями и профсоюзами для решения самых неотложных проблем страны. Многие наблюдатели, однако, выражают сомнения в жизнеспособности данного проекта, особенно с учетом масштабов нищеты и социальной напряженности в современной Бразилии.

Ж. Сарней и члены его правительства неоднократно заявляли о решимости воплотить в жизнь программу, завещанную Т. Невисом. Практические шаги правительства в целом подтверждают серьезность этих намерений. Приведен в действие чрезвычайный план по борьбе с голодом, улучшению медицинской помощи населению и созданию новых рабочих мест, пресечению роста преступности и развитию сельских районов. Несмотря на экономические трудности, только в 1985 г. на эти неотложные меры было ассигновано около 2,5 млрд долл. Важное значение имеют принятые по инициативе правительства Национальным конгрессом конституционные поправки, восстанавливающие прямое избрание президента, муниципальных властей в столицах штатов и в так называемых «зонах нацио-

нальной безопасности». Созданы условия для легализации левых партий, которые до сих пор официально находились под запретом, хотя и действовали полулегально. Это относится прежде всего к Бразильской коммунистической партии (БКП) — старейшей политической партии страны, последовательно отстаивавшей дело демократии в годы военной диктатуры. Впервые в истории Бразилии в официальном правительственном вестнике были опубликованы полные тексты программных документов БКП; ее отделения и первичные организации открыто действуют во всех штатах и большинстве городов, регулярно выходят партийные периодические издания. В 1986 г. впервые в истории БКП ее руководители получили доступ к национальной телевизионной сети, что имеет большое значение, учитывая все еще высокую неграмотность среди бразильского населения.

Помимо перечисленных мер, по инициативе правительства принят закон о предоставлении права голоса неграмотным (свыше 20 млн человек). Одобрен законопроект о созыве Национального учредительного конгресса (выборы делегатов 15 ноября 1986 г.), и назначена комиссия по подготовке текста новой конституции. Все эти шаги, направленные на укрепление демократического строя, вызывают одобрение широкой общественности страны.

Пристальное внимание в Бразилии и за ее пределами привлек обнародованный Ж. Сарнеем план широкой аграрной реформы, осуществление которого началось в 1985 г. В целом им предусмотрено наделение 7,1 млн крестьян почти 500 млн га земли в течение 15 лет; 1,4 млн человек должны получить землю уже в ближайшие 4 года — при нынешнем правительстве²⁶. Чтобы оценить остроту аграрной проблемы, на решение которой направлена реформа, достаточно сказать, что в стране, где, по официальным данным, помещикам-латифундистам принадлежат 409,5 млн га земли, только в 1984 г. в земельных конфликтах погибло более 200 человек. Поэтому неудивительно, что правительственный проект реформы был с надеждой воспринят многомиллионными массами сельских тружеников, но вызвал резкое сопротивление землевладельцев, которые в ряде мест открыто приступили к формированию вооруженных банд, чтобы не допустить передела земель. Правительство, хотя и вынуждено было не-

сколько уступить давлению латифундистов (в ближайшее время реформа затронет только государственные земли), заявляет о решимости довести аграрную реформу до конца.

Демократический союз пришел к власти на волне широкой общественной поддержки. По данным опросов, в начале 1985 г. почти $\frac{2}{3}$ бразильцев связывали с ним надежды на смягчение экономических трудностей, а $\frac{4}{5}$ — на расширение в ближайшем будущем демократических свобод. Эти надежды — мощный стимул и опора для прогрессивных преобразований. Однако они же могут превратиться в катализатор социального напряжения, если народные ожидания будут обмануты. Большинство населения одобряет деятельность Ж. Сарнея и его кабинета на протяжении первого года пребывания у власти, о чем свидетельствует устойчивая поддержка правительственных начинаний более чем 50% опрошенных. Как показывает безболезненное принятие в начале 1986 г. довольно радикального закона о защите демократического государства, у правительства сохраняется реальная возможность и дальше относительно «гладко» осуществлять программу политических преобразований. Залог того — широкий размах демократических настроений бразильского общества.

Гораздо сложнее стоящие перед гражданскими властями задачи в экономической и социальной областях, где им предстоит справиться с крайне тяжелым «наследством» военного режима. Нельзя не сказать, что и здесь в активе нового правительства имеются определенные успехи. Так, за первые 12 месяцев пребывания у власти ему удалось обеспечить высокие темпы общеэкономического роста, составившие 7,4%. Создано около 1,5 млн новых рабочих мест, что позволяет несколько смягчить острейшую проблему безработицы. Активное сальдо внешнеторгового баланса страны в 1985 г. составило 12,6 млрд долл. Дал первые результаты и обнародованный в марте 1986 г. антиинфляционный план, предусматривающий одновременное введение новой денежной единицы «крузадо» (равной 1 тыс. прежних крузейро), замораживание цен и заработной платы. Хотя потенциально этот план может повлечь ряд негативных последствий для бразильских трудящихся, большинство профсоюзов согласилось на него ввиду настоятельной необходимости обуздать инфляцию, бьющую по всем слоям бразильского обще-

ства. Однако, при всей бесспорности этих достижений, ясно, что выполнение важнейших обещаний Демократического союза: сочетание высоких темпов экономического роста с обузданием инфляции и улучшением условий жизни народа; внешнеэкономический курс в национальных интересах, включая решение сложнейшей проблемы более чем 100-миллиардной задолженности иностранным кредиторам — неизбежно влечет конфликты с МВФ, за которым стоят Соединенные Штаты, с иностранными, также в первую очередь американскими, частными банками. И хотя на сегодняшний день Бразилии удастся сравнительно успешно лавировать между «рифами» внутренних и внешних экономических проблем, вряд ли существует легкий путь к их преодолению.

Многие факты свидетельствуют о взрывоопасности социальной обстановки в стране. 1985 год был отмечен новыми волнами забастовок. В мае состоялось более 200 выступлений трудящихся главных индустриальных центров, прежде всего промышленной зоны Сан-Паулу, охвативших металлургическую промышленность, транспорт и ряд других отраслей. В сентябре бразильская финансовая система оказалась на несколько дней парализованной из-за забастовки 700 тыс. банковских служащих. Правительству в целом довольно успешно удавалось сглаживать противоречия за счет компромиссов с рабочими и предпринимателями в рамках «социального пакта», обещаний, ускоренной выработки нового трудового законодательства. Однако очевидна недостаточность всех этих мер. Выполнение предвыборных обещаний трудящимся может быть обеспечено только за счет реального включения профсоюзов, демократических партий и организаций в политическую жизнь, их участия в выработке экономических решений. Если этого не произойдет, «социальный пакт» окажется лишь очередным механизмом сохранения нынешней системы господства, элитарного «статус-кво». Именно за более широкое участие народа в политической жизни, в управлении обществом выступают сегодня левые силы Бразилии. Их усилия наталкиваются на ожесточенное сопротивление реакции, господствующих классов в целом.

Наглядным проявлением этой напряженной борьбы стали состоявшиеся в ноябре 1985 г. муниципальные выборы в столицах штатов, федеральных территорий и

176 других муниципалитетах, которые при прежнем режиме считались «зонами национальной безопасности», в связи с чем их местные власти назначало федеральное правительство. В политических кругах выборы рассматривались как «разведка боем» перед избранием делегатов Национального учредительного конгресса в ноябре 1986 г. Учитывалась и перспектива последующих всеобщих (впервые за четверть века) президентских выборов, дату которых должен назначить этот конгресс.

В целом выборы стали очередным шагом к демократизации внутриполитической жизни Бразилии. В них впервые открыто участвовала Бразильская компартия. Подтвердила свои позиции ПМДБ, одержавшая победу более чем в 100 муниципалитетах, что свидетельствует о народной поддержке проводимым преобразованиям. Вместе с тем проявились и тревожные тенденции. Префектом (мэром) Сан-Паулу стал выступивший под антикоммунистическими лозунгами бывший президент Ж. Куадрос, вокруг которого объединились разношерстные правые группировки, а также местная организация входящей в правительственную коалицию ПФЛ. Итоги голосования в Сан-Паулу способствовали оживлению сил реакции, вновь выявили внутреннюю неоднородность правящей коалиции. Обратила на себя внимание также победа кандидатов Демократической трабальстской партии — сторонников претендующего на президентский пост на будущих выборах губернатора Рио-де-Жанейро Л. Бризолы в важных политических центрах Рио-де-Жанейро и Порту-Алегри.

Панорама жизни Бразилии остается пестрой и противоречивой. Сменились действующие лица на ее политической сцене. Ушел в небытие военный режим. Впереди — нелегкий путь к решению стоящих перед крупнейшей латиноамериканской страной проблем.

Внепняя политика военных правительств

Бразилия относится к числу наиболее активных во внешнеполитическом плане государств современного мира. Эволюция бразильской внешней политики за последнее 20-летие, изменения в подходе крупнейшей ла-

тиноамериканской страны к ключевым международным проблемам в полной мере отражают сложные внутренние процессы в самой Бразилии — экономические, политические и социальные сдвиги там.

Переход власти в руки военных в апреле 1964 г. привел к резкому изменению внешнеполитического курса. Новые правители сразу же отмежевались от антиимпериалистической внешней политики свергнутого президента Ж. Гуларта. Они не хотели иметь ничего общего с прежней позицией, основанной на идеях всестороннего сотрудничества, разоружения и деколонизации. Особенно раздражало военных стремление правительства Ж. Гуларта наладить контакты с социалистическими государствами и укрепить взаимопонимание с освободившимися странами. Уже в первых своих документах военный режим недвусмысленно заявил о принадлежности Бразилии к «западному христианскому миру» и о равнении на США как его «неоспоримого лидера». Идейной основой нового внешнеполитического курса стала доктрина национальной безопасности, которая в качестве официальной идеологии определяла практически все стороны деятельности первых военных правительств.

Согласно ключевому для бразильского варианта этой доктрины тезису о взаимосвязи безопасности и развития военные сконцентрировали свои внешнеполитические усилия на двух задачах: во-первых, они стремились создать «заслон» на пути проникновения «враждебной идеологии» (так называемая концепция «идеологических границ»); во-вторых, добивались тесной экономической, политической и торговой ассоциации с США и другими странами Запада. Целью являлось обеспечение бразильской экспортной продукции кредитами, рынками сбыта, а также доступ к секретам промышленной и военной технологии. Успешное выполнение этих задач должно было, по их замыслу, сделать Бразилию «великой державой XXI века».

В рамках этого курса военные сразу же после прихода к власти разорвали дипломатические отношения с Кубой, закрыли торговое представительство КНР и арестовали его сотрудников, выслали из страны представителей национально-освободительных движений тогдашних португальских колоний в Африке, прервали связи с рядом латиноамериканских стран (Мексика, Венесуэла). Были пересмотрены законы, ограничивав-

шие деятельность иностранных компаний в Бразилии. Монополии, прежде всего американские, получили свободный доступ практически ко всем природным богатствам страны.

Первое военное правительство Кастело Бранко (1964—1967) особенно рьяно следовало курсу «равнения на США». Оно заняло воинствующую проамериканскую позицию в Организации американских государств (ОАГ), активно поддержало санкции против Кубы, приняло участие в сколоченных США в 1965 г. для вторжения в Доминиканскую Республику интервенционистских «международных силах», потопивших в крови освободительное движение народа этой небольшой страны. Такая жесткая проамериканская линия военных правителей Бразилии в те годы объяснялась как их ярким антикоммунизмом, проимпериалистической ориентацией, так и — не в последнюю очередь — слабостью самого режима, еще не утвердившего в достаточной мере свои позиции внутри страны и нуждавшегося для этого во внешней опоре — США.

Однако, будучи «свидетельством лояльности» по отношению к «старшему партнеру», слепой проамериканский курс в то же время вызывал недовольство националистически настроенных военных. Они справедливо усматривали в подобной политике подрыв национального суверенитета Бразилии. Кроме того, по мере укрепления военного режима, ускорения темпов экономического развития страны все более очевидным становилось, что зависимый курс наносит немалый ущерб международному престижу Бразилии, объективно сужает сферу ее внешнеполитических интересов и возможностей.

Бурный экономический подъем конца 60-х годов способствовал усилению националистических настроений в стране, а также переориентации бразильской внешней политики с идеологических на экономические приоритеты. Уже в 1967—1969 гг., в рамках так называемой «дипломатии процветания», во главу угла были поставлены внешняя торговля, экономическое сотрудничество, передача технологии, получение кредитов. Предпринятые в эти годы попытки разнообразить внешнеэкономические связи страны, получить выход к новым рынкам и источникам сырья привели к известному охлаждению бразильско-американских отношений. Хотя внешнеполитический курс Бразилии не

только в полной мере сохранил, но и усилил в эти годы свою антикоммунистическую направленность, в нем окрепли националистические ноты.

Наибольшего размаха великодержавные настроения во внешней политике Бразилии достигли в годы «экономического чуда», при правительстве Медиси (1969—1973). Потребности быстрорастущего госсектора экономики и крупного частного капитала в новых рынках и источниках финансирования, подъем националистических настроений среди военных — следствие эйфории от экономических успехов — способствовали тому, что в глазах правящей бразильской верхушки США из политического оплота стали превращаться в главного внешнеэкономического конкурента. Следуя внешнеполитической концепции, воплощенной в колоритном лозунге «Бразилия прежде всего», правительство Медиси, в частности, отказалось подписать договор о нераспространении ядерного оружия и стало форсировать собственную программу в этой области. Несмотря на яростное противодействие американцев, была установлена 200-мильная зона бразильских территориальных вод. Именно Бразилия предложила в ООН план «коллективной экономической безопасности», направленный на объединение развивающихся стран против неокOLONиалистской экономической политики Запада. Изменился сам стиль бразильской дипломатии. Она приобрела гораздо более наступательный характер.

Особенно показательна в этом плане быстрая активизация связей Бразилии со странами Латинской Америки и Африки. При этом самое крупное государство латиноамериканского региона стало претендовать на роль местного «центра силы». Это вызвало двойственное отношение Соединенных Штатов. С одной стороны, американский империализм не мог не поощрять все более активное выполнение Бразилией жандармских функций в Латинской Америке, ее вмешательство на стороне сил реакции в события в Боливии (1971 г.), Уругвае (1973 г.), Чили (1973 г.); с другой — американские монополии были встревожены неуклонным усилением националистической, нередко перераставшей в антиамериканскую, окраски внешнеполитического курса страны.

Для характеристики настроений тогдашних правителей Бразилии весьма характерны слова одного из виднейших технократических «столпов» режима,

Р. Кампоса, который писал: «Абсурдно полагать, что то, что хорошо для Соединенных Штатов, хорошо и для Бразилии, так как наши интересы различны...»¹. Ему вторил известный дипломат Ж. Мейра Пенна: «Бразилия уже достигла достаточной политической зрелости, чтобы без страха торговать с любой страной и не ограничивать торговлю идеологическими узами»².

Экономическое усиление Бразилии, ее более автономный от США внешнеполитический курс способствовали повышению международного престижа страны. Сами Соединенные Штаты, стремясь сохранить свое влияние в стране, которой отводилось важное место в их внешнеполитической стратегии, вынуждены были считаться с изменившейся реальностью, с большей самостоятельностью ранее вполне послушного союзника. В отношениях Бразилии с развивающимися государствами усилились проявления экспансионизма, что вызвало растущее противодействие со стороны ее латиноамериканских соседей, а также ряда государств Африки.

Дальнейшая эволюция бразильской внешней политики связана с крайне неблагоприятным для нее изменением мировой экономической конъюнктуры в середине 70-х годов. Энергетический кризис, резкий взлет цен на нефть — основную статью импорта Бразилии — и поразивший в 1974—1975 гг. мировую капиталистическую систему глубочайший за послевоенные годы спад покончили с «бразильским чудом». Многочисленные внутренние проблемы еще более обострились. Экономические трудности сделали очевидной для бразильских правящих кругов необходимость поиска новых экономических партнеров, установления более тесных контактов с нефтедобывающими государствами. Чтобы преодолеть недоверие развивающихся стран к прозападному курсу Бразилии и ее великодержавным притязаниям, руководители страны были вынуждены ускорить процесс переориентации внешней политики. Этого объективно требовали и успехи разрядки международной напряженности в 70-е годы. В условиях «потепления климата» в мире догмы «холодной войны», которыми руководствовался военный режим в начальный период, выглядели явным анахронизмом.

Новый этап бразильской внешнеполитической активности начался после прихода к власти правительства Гайзелла (1974—1979). Отказавшись от ряда ан-

тикоммунистических штампов в своем политическом лексиконе, новое правительство взяло курс на более широкое взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами мира, независимо от их социального строя. Этот курс, получивший наименование «доктрины ответственного прагматизма и неавтоматических союзов», исходил из практических интересов страны, прежде всего экономических и торговых, из необходимости рационально использовать имеющиеся ресурсы. Вместе с тем «ответственный прагматизм» означал и дальнейшее развитие глобальных геополитических притязаний бразильских правящих кругов. По словам самого президента Гайзелера, он выражал «чувство ответственности великой нации, к голосу которой уже прислушиваются»³, свидетельствовал о стремлении придать бразильской внешней политике мировое «звучание».

Практическими последствиями нового курса стали уменьшение доли США в бразильской внешней торговле, соответствующее увеличение доли Западной Европы, Японии и развивающихся стран. Последовало и дальнейшее обострение бразильско-американских противоречий. Трения между обеими странами нарастали исподволь, отражая меняющуюся реальность — превращение Бразилии из аграрно-сырьевого придатка империалистических держав в новую экономическую силу, в пусть еще неравноправного, но конкурента этих держав. Противоречия с Соединенными Штатами достигли наибольшей остроты в 1977 г. когда Бразилия в одностороннем порядке разорвала соглашения о военном сотрудничестве с США и отказалась от американской военной помощи. Параллельно этому был заключен крупнейший контракт о сотрудничестве с ФРГ в области ядерной энергии, что вызвало ярость американских корпораций, действующих в этой сфере, и картеровской администрации.

Тем не менее и США, и другие ведущие капиталистические державы вынуждены были на протяжении 70-х годов признать растущую политическую роль Бразилии. В 1976 г. США и Бразилия подписали «Меморандум о взаимопонимании», предусматривавший регулярные консультации по широкому кругу международных проблем. Это был первый документ такого рода в отношениях ведущей империалистической державы с развивающейся страной. Аналогичная система консуль-

таций начала действовать во взаимоотношениях Бразилии с Великобританией, Францией и ФРГ.

Курс «ответственного прагматизма и неавтоматических союзов» внес большие перемены в отношения Бразилии с развивающимися государствами. Сохранив наступательный характер своей дипломатии, Бразилия в то же время отошла от прежней безоговорочной поддержки диктаторских и явно прозападных режимов (особенно в Азии и Африке). Ее представители в ООН выступили с решительным осуждением всех форм расизма, включая сионизм, разоблачали протекционистскую экономическую политику Запада, солидаризировались по многим вопросам с освободившимися странами. Все эти сдвиги отражали не только общую заинтересованность в сближении с азиатскими и африканскими странами, но и прежде всего чисто прагматическое стремление получить надежный доступ на льготных условиях к ближневосточной и африканской нефти. Показательно, что именно в годы пребывания у власти правительства Гайзела Бразилии удалось успешно решить проблему устойчивых поставок ближневосточной нефти, за которую она расплачивалась главным образом оружием, другой промышленной продукцией и техническим содействием в сооружении экономических объектов (Ирак, Ливия и другие страны).

Одновременно окрепли позиции Бразилии и в Латинской Америке. За счет декларированного отказа от гегемонизма в этом регионе, расширения экономических связей и гибкого подхода к различным политическим режимам Бразилии удалось обеспечить себе более свободный доступ к природным богатствам и рынкам латиноамериканских государств. Были подписаны торговые соглашения и договоры об экономическом сотрудничестве с сопредельными странами. Хорошей иллюстрацией к латиноамериканскому курсу Бразилии в этот период служит такой факт: продолжая связи с режимами Пиночета в Чили, Стресснера в Парагвае и др., Бразилия сразу же прекратила поддержку диктатуры Сомосы в Никарагуа, как только убедилась в ее политической бесперспективности и обреченности. Правительства Гайзела, а позднее — Фигейреду отказались присоединиться к просомосовскому курсу США в ООН и ОАГ. Забегая вперед, скажем, что после победы Сандипистской революции в Никарагуа Бразилия

оказала этой стране безвозмездную материальную помощь, выступила против всех форм иностранного военного вмешательства в Центральной Америке, что вызвало серьезное раздражение рейгановской администрации США. Впоследствии же (декабрь 1984 г.) она присоединилась к латиноамериканской Группе поддержки Контадоры, активно участвующей в усилиях по достижению мирного урегулирования в Центральной Америке.

Наряду с Ближним Востоком и Латинской Америкой, первоочередное внимание в 70-е годы бразильская внешняя политика уделяла Африке. Умело используя пропагандистскую формулу «бразильской модели расовой гармонии», рассуждая о культурной и этнической близости к африканским странам, в особенности бывшим португальским колониям, Бразилия сумела добиться существенного укрепления своих торговых и политических позиций в этом регионе. Достаточно сказать, что в 70-е годы в Африке появилось 35 новых бразильских посольств. Показательно и то, что Бразилия в числе первых признала независимость Анголы, Гвинеи-Бисау, Мозамбика, несмотря на избранный народами этих бывших португальских колоний курс социалистической ориентации.

В 70-е годы начался рост экономических связей Бразилии с СССР и другими социалистическими странами, постепенно восстанавливались практически прерванные переворотом 1964 года культурный обмен и научное сотрудничество.

«Прагматизм, плюрализм, универсализм» оставались принципами бразильской внешней политики и при правительстве Фигейреду (1979—1984). Одобрение в Латинской Америке получила сдержанная, но последовательная поддержка Бразилией Аргентины в вопросе о суверенитете над Мальвинскими (Фолклендскими) островами во время англо-аргентинского конфликта 1982 г. О растущем влиянии Бразилии в международных делах свидетельствуют и настойчивые попытки США улучшить отношения с крупнейшей латиноамериканской страной, предпринятые в начале 80-х годов. За первые полтора года пребывания у власти правительства Фигейреду Бразилию посетило более десятка американских официальных делегаций. Визиты в Бразилию президента Рейгана в 1982 г., вице-президента Буша в 1983 г. и ответный визит Фигейреду в США

в 1982 г. несколько смягчили напряженность в бразильско-американских отношениях. При поддержке влиятельных военных кругов страны США удалось к 1984 г. частично восстановить утраченные в 70-е годы позиции в области военного сотрудничества с Бразилией. Были подписаны соглашения об обмене военной технологией. Основой этого сближения является страх правящих кругов как США, так и Бразилии перед нарастающим освободительным и революционным движением латиноамериканских народов.

Эволюция бразильской внешней политики за 20 лет военного правления — от жестких и догматических концепций «идеологических границ» до более широкого и реалистического подхода последних лет — дает богатый материал для анализа и размышлений. Весьма показательным, что страна, все правительства которой на протяжении двух десятилетий неукоснительно следовали проимпериалистическим «моделям» и «рецептам» ускоренного капиталистического развития, достаточно быстро пришла к отрицанию протекционистской и неоколониалистской по сути экономической политики Запада, к автономному внешнеполитическому курсу. Такова объективная логика современного этапа общественного развития даже таких крупных и развитых, как Бразилия, развивающихся стран. В то же время неоднозначность внешней политики Бразилии в последнее 20-летие — это еще одна сторона сложных социально-экономических и политических сдвигов, происшедших в крупнейшей латиноамериканской стране.

Знакомство, которому полтора века

Россия установила связи с Бразилией раньше, чем со многими другими странами Западного полушария. Русские и бразильцы издавна испытывали интерес друг к другу: в XIX в. корабли российского флота регулярно посещали порты Бразилии, русские путешественники и ученые принимали участие в научных экспедициях по территории далекой экзотической страны.

Наибольший вклад в изучение Бразилии, ее природы и населения, внес российский академик, натуралист и этнограф Г. И. Лансдорф. Привезенная им кол-

лекция фауны и флоры Бразилии, которая хранится в Ленинграде, одна из лучших в мире. Собранные экспедицией Лансдорфа в 1822—1829 гг. материалы сохранили значение и поныне, о чем свидетельствует, в частности, подготовка издания трудов русской экспедиции в самой Бразилии.

Официальной датой установления русско-бразильских межгосударственных отношений считается 3 октября 1828 г., когда был подписан указ о назначении русского посланника в Рио-де-Жанейро. Основным направлением контактов между двумя странами в дореволюционный период было развитие взаимовыгодной торговли. В 90-х годах XIX в. Бразилия являлась единственной латиноамериканской страной, с которой Россия поддерживала регулярные коммерческие связи: общая стоимость ввозимых оттуда товаров составляла 3—4 млн руб. в год¹.

Россия закупала в Бразилии хлопок, кофе, каучук, какао, ваниль. Вывоз из России в Бразилию был по объему примерно в 5 раз меньше и включал в основном традиционные русские товары того времени (лес, парусина, полотно, пшеница, кустарные и ювелирные изделия, некоторые пищевые продукты).

В начале 70-х годов прошлого века возникла еще одна форма контактов между двумя странами — в Бразилию начали прибывать иммигранты—выходцы из России. По некоторым данным, в период до 1905 г. переселилось более 40 тыс. человек, и иммиграция продолжалась вплоть до первой мировой войны². В социальном отношении выходцы из России являлись прежде всего беднейшими крестьянами, в этническом — уроженцами Украины, Польши, Прибалтики. Они искали спасения и от нещадной эксплуатации, голода, безземелья, и от религиозных и национальных притеснений. Среди иммигрантов имелись и участники первой русской революции 1905—1907 гг., в том числе моряки с броненосца «Потемкин».

Вместе с переселенцами из других стран выходцы из России участвовали в освоении районов умеренной зоны Бразилии в штатах Парана, Санта-Катарина, Риу-Гранди-ду-Сул, где производится значительная часть земледельческой продукции Бразилии. Благодаря их труду регион превратился в важнейший по производству пшеницы и сохраняет это значение и поныне. Украинские и польские поселенцы первыми нача-

ли выращивать в далекой латиноамериканской стране гречиху и сою, разводить приусадебные огороды.

Немалый вклад внесли уроженцы России и в развитие несельскохозяйственных отраслей экономики, в частности в строительство и эксплуатацию железных дорог. Их многообразная практическая деятельность способствовала сближению народов двух стран, росту взаимного уважения и интереса.

После Великой Октябрьской социалистической революции официальные круги Бразилии, следуя курсу империалистических держав, прервали дипломатические отношения с Советской Республикой. Однако прогрессивная общественность — представители пролетариата, передовой интеллигенции, студенчества — выступила инициатором развития контактов с Советской Россией. Трудящиеся Бразилии неоднократно проводили акции солидарности с борьбой российского пролетариата, деятели рабочего и демократического движения участвовали в работе Коммунистического Интернационала, Профинтерна, организации «Международная рабочая помощь» («Межрабпом»). В дни празднования X годовщины Великого Октября представители Бразилии прибыли в Москву на Всемирный конгресс друзей СССР.

Устанавливались контакты и по другим каналам: в СССР приезжали бразильские туристы, деятели литературы и искусства, налаживался экономический обмен. Постепенно менялась и позиция деловых, общественно-политических кругов. Газета «А манья» писала в 1926 г.: «Значение, которое приобретает день за днем Россия в политической эволюции мира, не может быть обойдено молчанием... Нельзя теперь недооценивать такую мощную силу, как Москва»³.

Дипломатические отношения между СССР и Бразилией были установлены 2 апреля 1945 г. в обстановке демократизации международной общественно-политической жизни, затронувшей и Бразилию. В тот период обе страны были членами антигитлеровской коалиции. Однако вскоре нагнетание «холодной войны» привело к тому, что бразильское правительство 20 октября 1947 г. в одностороннем порядке разорвало отношения с СССР. Самоизоляция от социалистических стран наносила ущерб национальным интересам. В конце 50-х — начале 60-х годов, в период утверждения тенденций более независимого внешнеполитического кур-

са, вновь возобладали требования бразильской прогрессивной общественности о восстановлении связей со всеми миролюбивыми государствами, включая и Советский Союз.

В 1959 г. было подписано первое советско-бразильское торговое соглашение, а 23 ноября 1961 г. восстановлены дипломатические отношения. В 1962 г. в Рио-де-Жанейро прошла первая советская торгово-промышленная выставка. В это же время начались обмены делегациями на высоком уровне, окрепли научные и культурные связи. Бразилию посетил первый космонавт планеты Юрий Гагарин, горячо принятый общественностью. Президент Ж. Куадрос наградил его высшим бразильским орденом Крузейро ду Сул (Южный Крест). Начала успешно развиваться советско-бразильская торговля, об этом с удовлетворением говорил в 1962 г. президент Ж. Гуларт в интервью корреспондентам «Правды» и «Известий»: «Восстановление дипломатических отношений между СССР и Бразилией уже принесло ценные результаты, например в области торговли... Начавшись в 1958 г. практически с нуля, эта торговля достигла в среднем 31 млн долл. в год за последнее двухлетие...»⁴. В результате этого Бразилия в начале 60-х годов стала одним из ведущих торговых партнеров СССР среди развивающихся государств, товарооборот между двумя странами достиг к 1964 г. 55 млн руб.⁵

Изменение внутривластной обстановки в Бразилии после государственного переворота 1964 г. привело к тому, что ряд взаимовыгодных советско-бразильских договоров оказался нереализованным, объем торговли между двумя странами значительно сократился к 1970 г.; культурные, научные, спортивные и другие контакты практически прекратились.

Все же постепенно в бразильских правящих кругах возобладал более реалистический подход к проблеме отношений с СССР и другими социалистическими странами. При этом важным импульсом послужила разрядка международной напряженности в 70-е годы. Кроме того, бурно развивавшаяся в начале 70-х годов экономика Бразилии требовала расширения внешней торговли и экономических связей. Особенно насущным это стало в условиях энергетического кризиса и экономических трудностей капиталистического мира в середине 70-х годов.

В результате шагов, направленных на стимулирование взаимовыгодного обмена, оборот советско-бразильской торговли в 70-е годы увеличился в 12 раз. Бразилия наряду с Аргентиной вошла в число крупнейших торговых партнеров СССР в Латинской Америке⁶. Развитию советско-бразильских контактов способствовал также обмен торгово-промышленными выставками. Расширились взаимные культурные и научные связи.

В 70-е годы выявились точки соприкосновения двух стран и по международным проблемам: в условиях разрядки напряженности Бразилия выступила в поддержку разоружения, деколонизации, осудила расизм и апартеид. Совместно с другими государствами она поддержала ряд проектов, направленных на укрепление международной безопасности, выступила как соавтор ряда советских проектов резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. Бразильской стороной были подписаны Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении⁷.

В конце 70-х — начале 80-х годов особенно заметно стремление обеих стран к расширению взаимовыгодного обмена и политического сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования. В послании Национальному конгрессу в 1980 г. президент Ж. Фигейреду подчеркивал, что дальнейшее развитие торгово-экономических отношений с СССР и другими социалистическими странами является важной задачей Бразилии⁸. В числе других стран Бразилия не дала администрации США втянуть себя в «санкции» против СССР, не поддержала объявленный правительством США бойкот Московской Олимпиады 1980 г.

Важным событием в советско-бразильских отношениях стал визит в апреле 1980 г. в Бразилию первой в истории двусторонних связей советской парламентской делегации во главе с Э. А. Шеварднадзе. Оценивая итоги визита, бразильские комментаторы единодушно сошлись во мнении, что налицо важный поворот в советско-бразильских отношениях.

Действительно, в начале 80-х годов обмен парламентскими и экономическими делегациями приобрел регулярный характер. В декабре 1980 г. состоялся ответный визит в СССР бразильской парламентской делегации.

В июле 1981 г. СССР посетила представительная торгово-экономическая делегация во главе с министром планирования А. Делфином Нету. В июне 1982 г. в Бразилии побывали представители Верховного Совета СССР во главе с Т. Я. Киселевым.

Были заключены новые соглашения о взаимных поставках на 1982—1986 гг. Советско-бразильская комиссия по торговле была преобразована в Межправительственную советско-бразильскую комиссию по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, заседания которой проводятся достаточно регулярно.

В 1983 г. объем торговли между двумя странами превысил 900 млн долл. СССР поставлял в Бразилию в основном нефть, Бразилия в СССР — сельскохозяйственную и продовольственную продукцию, некоторые промышленные товары⁹. Советский Союз оснастил оборудованием две мощные ГЭС — «Капивара» и «Собрадиньо», а также помог в строительстве завода «альтернативного топлива» — этанола, получаемого из древесины.

Для дальнейшего налаживания кооперации, торговли, сотрудничества в области сельского хозяйства, ирригации, рыболовства в 1982 г. в СССР побывали представители министерства сельского хозяйства Бразилии и делегация Ассоциации развития бразильской промышленности. В Москве открылись постоянные представительства ряда бразильских фирм, в 1983 г. в Сан-Паулу прошла советская торгово-промышленная выставка. В том же году советское океанографическое судно «Профессор Штокман» с большой группой советских и бразильских ученых на борту вошло в устье реки Амазонки и начало комплексную экспедицию по изучению самой полноводной реки мира и природы этого региона.

Дальнейшему укреплению связей между двумя странами, развитию дружественных отношений способствовал состоявшийся в 1984 г. официальный визит в Бразилию делегации Верховного Совета СССР во главе с М. В. Зимяниным. Советский народ, заявил гла-

ва делегации, питает искренние чувства уважения и симпатии к трудолюбивому и талантливому бразильскому народу. Он указал, что СССР готов взаимодействовать со всеми, кто искренне стремится отвести ядерную угрозу, хочет упрочить мир на земле, понимает жизненную необходимость сотрудничества ради мира и прогресса¹⁰.

В современных условиях, когда политика империалистических держав, и прежде всего США, вызвала обострение напряженности на мировой арене, советско-бразильские отношения являются важным стабилизирующим фактором. Они успешно развиваются на основе принципов мирного сосуществования стран с различным общественным строем, закреплённых в Конституции СССР и Новой редакции Программы КПСС.

Большой шаг вперед в этой области был сделан после восстановления гражданского правления в Бразилии. В итоге непосредственных контактов президента Бразилии Ж. Сарнея с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также первого в истории двусторонних отношений официального визита министра иностранных дел Бразилии в СССР (декабрь 1985 г.) выявилась близость позиций обеих стран по целому ряду вопросов. Это относится в первую очередь к проблемам предотвращения ядерной войны и сохранения прочного мира, обеспечения прав всех стран на политическую, социальную и экономическую независимость и самоопределение.

Особое внимание советской общественности привлекло высказанное президентом Ж. Сарнеем с трибуны ООН осуждение человеконенавистнических планов милитаризации космоса. С большим одобрением восприняты в Советском Союзе и слова бразильского президента о стремлении его страны сохранить мирное небо как границу, которую не должен нарушать ни один вид оружия, о поддержке крупнейшим латиноамериканским государством идеи создания безъядерных зон в различных районах мира.

Осенью 1985 г. президент Ж. Сарней направил Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву послание, в котором выражалась надежда на то, что его переговоры с президентом США Р. Рейганом в ноябре 1985 г. смогут способствовать улучшению климата взаимопонимания в отношениях между Востоком и Запа-

дом. Были также высказаны пожелания успеха на переговорах по разоружению.

В ходе визита в СССР в декабре 1985 г. министра иностранных дел Бразилии О. Сетубала стороны подписали меморандум взаимопонимания, учреждающий механизм консультаций по международным проблемам, а также соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. Была достигнута договоренность о совместном издании сборника документов, освещающих историю отношений между обеими странами. По мнению О. Сетубала, его визит в СССР поднял советско-бразильские отношения на новую высоту. «Нужно стремиться придать им более интенсивный, динамичный характер,— заявил министр,— поскольку Бразилия должна иметь более тесные политические, экономические, научно-технические и культурные связи с одной из самых великих стран мира — Советским Союзом»¹¹.

Сменивший в феврале 1986 г. О. Сетубала * на посту министра иностранных дел Роберту Коста ди Абреу Содре в первом же официальном заявлении подчеркнул свою приверженность «динамичной дипломатии», а также отметил важность укрепления связей между Бразилией и СССР¹².

Бразильская общественность и пресса высказали полное одобрение позиции гражданского правительства по отношению к СССР: «Необходимо вести прямой диалог с руководителями СССР, а не выслушивать из уст западных держав... то, что те сочтут нужным сообщить нам,— писала газета „Жорнал ди Бразилиа“,— у нас есть все условия для установления и расширения прямого диалога с Москвой»¹³.

Такой диалог в прямом смысле этого слова состоялся 12 апреля 1986 г.: в память 25-летия космического полета Юрия Гагарина радиомост соединил советских космонавтов Л. Кизима и В. Соловьева, находившихся на околоземной станции «Мир», и миллионы радиослушателей в Бразилии. Это лишь один яркий пример тех разнообразных контактов, которые могут и должны развиваться между нашими странами.

Упрочение политических, торгово-экономических, культурных и научных связей подтвердили возможности взаимного доверия и конструктивного сотрудничества между СССР и Бразилией в интересах народов обеих стран, всеобщего мира и безопасности.

Заключение

Итоги завершившегося 20-летнего «цикла» военного правления в Бразилии, которому посвящена наша работа, неоднoplanовы. Их значение выходит за рамки одной страны и позволяет сделать некоторые обобщения более широкого характера.

Бразильский авторитарный военно-технократический режим 1964—1984 гг. был первым в ряду так называемых «модернизаторских» диктатур в странах Южной Америки, утвердившихся в 70-е годы также в Аргентине, Боливии, Уругвае, Чили. Все они были нацелены одновременно на подавление рабочего, освободительного движения и на укрепление капиталистического строя путем его модернизации. Опыт развития этих латиноамериканских стран с особой наглядностью свидетельствует: «Там, где обычные формы подавления трудящихся не срабатывают, империализм насаждает и поддерживает тиранические режимы для прямой военной расправы с прогрессивными силами»¹.

Бразильский военный режим носил политически реакционный характер, проводил антинародную политику. В этом плане он обладал несомненными чертами общности с другими южноамериканскими диктатурами, для которых служил эталоном. Различия же между ними лежат в другом. В Бразилии военно-технократической верхушке в целом *удалось* осуществить ту модернизацию капитализма, к которой «соседи» лишь бесплодно стремились. Жесткость и решительность режима, последовательность его экономической политики, получившей поддержку крупного частного капитала и иностранных монополий, принесли реальные плоды.

Капитализм в Бразилии шагнул вперед. Стабилизировав политическую ситуацию, надолго подавив сопротивление рабочего класса и демократических сил, обеспечив приток иностранных инвестиций, военные сумели создать условия для резкого ускорения экономического развития. Такое сочетание авторитар-

ных политических методов с быстрым экономическим ростом и составило суть «бразильской модели», подготовившей почву для качественного скачка в капиталистическом развитии — «бразильского чуда» 1968—1973 гг., в результате которого страна шагнула с 28-го на 8-е место в мире по общему объему валового национального продукта (ВНП). Пример Бразилии подтверждает марксистское положение об углублении неравномерности капиталистического развития в эпоху империализма, когда образуются «новые экономические и политические центры соперничества»². Таким новым латиноамериканским «центром силы» и стала за последние два десятилетия Бразилия.

Бразильский опыт подтвердил и то, что никакие экономические успехи, никакие «модификации» и ухищрения не могут опровергнуть общих закономерностей капиталистического развития. В полном соответствии с их диалектикой «бразильская модель» привела к укреплению капитализма и как следствие — к резкому обострению старых и появлению новых социальных противоречий в бразильском обществе. Когда бурный экономический рост сменился спадом, в полной мере проявились негативные последствия «чуда». Страна оказалась опутанной сетью долговых обязательств иностранным кредиторам, более четверти ее трудоспособного населения не имело работы.

Развеявшиеся иллюзии «грядущего благополучия для всех бразильцев» в середине 70-х годов уступили место массовому недовольству практически всех слоев населения. Началось неудержимое нарастание политического кризиса военного режима, приведшего в конце концов к восстановлению гражданского буржуазно-демократического правления. Так завершился этот важный, сложный и противоречивый период бразильской истории.

Кризис бразильского военного режима стал одним из главных элементов общего процесса разложения латиноамериканских диктатур в конце 70-х — начале 80-х годов. «Цепная реакция» нарастания экономических и политических трудностей, активизация демократических сил привели к «уходу со сцены» военных в Аргентине, Боливии, Уругвае. Усилилось сопротивление режиму Пиночета в Чили. Продолжающийся и сегодня подъем демократического и освободительного движения в континентальном масштабе, ярчайшим

проявлением которого стала победа народной Сандинистской революции в Никарагуа, распатывает последние звенья в некогда прочной цепи антинародных диктатур. Самым недавним по времени среди выпавших из этой цепи звеньев является Гаити, где народ в 1986 г. сверг одиозную тиранию клана Дювалье и продолжает борьбу за установление более прогрессивного общественного строя.

Вписываясь в общую картину демократических перемен в Латинской Америке, бразильский путь к демократии отличается в то же время немалым своеобразием. В силу сочетания многих факторов: сравнительно высокой результативности режима и достигнутого уровня капиталистического развития страны, особенностей социально-экономической ситуации, масштабов противоречий, расстановки классово-политических сил, специфики самой бразильской политической традиции — этот путь приобрел компромиссный характер. Процесс восстановления на новом уровне демократических порядков был здесь длительным. Сначала на протяжении ряда лет (1975—1982) его доминирующей тенденцией была либерализация «сверху», в ходе которой правящая верхушка режима владела политической инициативой. Затем в ходе напряженного противоборства с отступающими силами реакции инициатива перешла в руки сторонников более глубоких демократических преобразований. Военная верхушка оказалась вынужденной пойти на компромисс, передать рычаги управления хотя и по своему «сценарию», но не тем деятелям, которых она готовила себе в преемники. Приход к власти коалиционного левоцентристского гражданского правительства ознаменовал начало нового этапа в политическом развитии крупнейшей латиноамериканской страны.

Как и в других государствах региона, освободившихся в последние годы от тиранических режимов, восстановление буржуазно-демократического правления в Бразилии явилось результатом в первую очередь борьбы народа, оппозиционных сил, включая левые партии и профсоюзы. Именно стремление народных масс к демократии, возрастание их роли в политической жизни, превращение народа в субъект исторического развития — важнейший фактор перемен в сегодняшней Латинской Америке. Наряду с экономическими проблемами, общей «усталостью» общества от

авторитаризма, с разложением самой правящей элиты этот фактор лежит в основе отказа реакционных милитаристских кругов от государственной власти во всех странах «южного конуса». В Бразилии, где уступки диктатуры иногда даже как бы «опережали» давление со стороны антидиктаторских сил, не всегда вовремя преодолевавших внутренние распри, завершение длительной «осады цитадели авторитаризма» было сравнительно мирным. Однако это отнюдь не свидетельствует о меньшей роли народных масс в борьбе за демократию, не отменяет известное правило: «добровольная» передача власти авторитарными режимами происходит тогда, когда социально-экономическая напряженность достигает катастрофических масштабов, а критика их правления приобретает всеобщий характер.

Опыт борьбы в условиях диктатуры и в последующий сложный, изобиловавший «приливами» и «отливами» период либерализации содержит ценные уроки для рабочего класса, левых и демократических сил не только Бразилии, но и других латиноамериканских стран, для народов других регионов, находящихся на сходном уровне социально-экономического развития. Как подчеркивает БКП, в Бразилии этот опыт «позволил народу осознать свои возможности, мощь единых массовых выступлений миллионов, ценность демократии и необходимость сплочения всех сил во имя ее защиты и укрепления»³. Успехи массовых выступлений бразильских трудящихся начиная со второй половины 70-х годов, возросшая роль их классовых организаций в политической жизни — показатель нового подъема рабочего движения.

Начало гражданского правления поставило перед демократическими силами вопрос об оценке данного этапа в жизни Бразилии в свете задач, диктуемых новыми условиями. С учетом своеобразия и новизны бразильского пути к восстановлению демократии эти вопросы приобретают не только практическое, но и теоретическое значение. БКП считает главной особенностью нынешнего периода его политически переходный характер и выдвигает в качестве первоочередной задачи «продвижение вперед и углубление демократических преобразований, борьбу за устранение всех пережитков потерпевшего поражение режима, расчистку пути к демократии, экономическому и социальному

прогрессу»⁴. Здесь уже достигнуты определенные успехи.

После передачи власти гражданскому правительству президента Ж. Сарнея в стране происходят позитивные перемены. Укрепилась политическая демократия. Важнейшие шаги в этом направлении включают назначение в 1986 г. выборов в Национальный учредительный конгресс и восстановление прямого избрания президента, практически завершённую легализацию всех партий, включая БКП, расширение профсоюзных свобод, пересмотр репрессивных законов времен диктатуры и другие меры. Предпринимаются усилия по улучшению положения беднейших слоев населения. Началась аграрная реформа. Растущий авторитет завоевывает независимый внешнеполитический курс Бразилии, ее активное участие в борьбе за справедливое решение проблемы внешней задолженности развивающихся стран, за мирное урегулирование конфликта в Центральной Америке, против гонки вооружений и угрозы ядерной войны.

В то же время бразильское общество продолжает буквально раздираться достигшими крайней степени остроты социальными и региональными противоречиями.

Страна сталкивается со множеством трудностей структурного характера, порожденных самим ускоренным капиталистическим развитием двух прошедших десятилетий: внешней задолженностью, технологической и финансовой зависимостью от основных центров империализма, массовой безработицей, обнищанием и миграцией в города миллионов сельских жителей и т. п. Для Бразилии, шагнувшей дальше, чем ее соседи, по пути капиталистического развития, эти трудности неминуемо приобрели более насущный, безотлагательный характер, что предопределяет потенциальную взрывоопасность социальной обстановки в стране. Все это вновь неопровержимо свидетельствует о парадоксальном характере самого прогресса в капиталистическом обществе, где экономические и научно-технические достижения нередко сопровождаются крайними проявлениями политической реакции, усилением эксплуатации. Для Бразилии, как и для других развивающихся государств, отнюдь не утратил актуальности вопрос: «Суждено ли им в полной мере воспользоваться достижениями науки и техники, обрести тем самым

силы в борьбе против неокOLONиализма и империалистической эксплуатации?»⁵

Противоречивость итогов завершившегося периода военного правления ставит перед демократическими силами Бразилии и соседних латиноамериканских стран и другой вопрос — о прочности недавно утвердившейся демократии. На наш взгляд, единого ответа на него нет, необходим дифференцированный подход к каждой отдельной стране, к каждому конкретному случаю. В Бразилии, где проимпериалистические силы насильственными методами в основном сумели за последние десятилетия привести социально-политическую надстройку общества в соответствие с достигнутым уровнем развития его экономического базиса, буржуазная демократия, очевидно, приобретет долговременный характер. В то же время в случае дальнейшего обострения нерешенных внутренних социально-экономических и взаимосвязанных с ними внешних, порожденных империалистической зависимостью проблем и здесь не исключены «рецидивы» авторитаризма, новые попытки реакции навязать народу свой, насильственный «выход» из кризисных ситуаций. Чтобы противостоять этим попыткам, необходимо сохранение и дальнейшее укрепление единства всех сил, выступающих за демократию и социальный прогресс.

«Современный мир сложен, многообразен, динамичен, пронизан противоборствующими тенденциями, полон противоречий». В то же время «история общества — не сумма случайных слагаемых... а закономерный поступательный процесс. Его противоречия не только выражают приговор старому миру, всему, что мешает двигаться вперед, но и являют собой источник, движущую силу общественного прогресса. Прогресса, который разворачивается в условиях борьбы, неизбежной, пока существует эксплуатация и эксплуататорские классы»⁶. Эти слова из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии в полной мере приложимы к нынешнему этапу развития одной из крупнейших стран мира — Бразилии. Завершая краткий рассказ о двух десятилетиях ее истории, авторы надеются, что им удалось донести до читателей насыщенный пульс жизни этой страны.

Примечания

Введение

- ¹ В 60–80-е годы вышел ряд научных и популярных работ советских авторов, посвященных бразильской проблематике: Очерки истории Бразилии. М., 1962; Глинкин А. Н. Новейшая история Бразилии. М., 1961; Коваль Б. И. История бразильского пролетариата. М., 1968; Он же. Бразилия вчера и сегодня. М., 1975; Кобыш В. Бразилия без карпавала. М., 1968; Антонов Ю. А. Бразилия: армия и политика. М., 1973; Мишин С. С. Процесс концентрации капитала в Бразилии. М., 1976; Кламыков Н. П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. М., 1981; Культура Бразилии. М., 1981; Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983; Кучеров В., Петров Г. Жангада поднимает парус: Очерки о современной Бразилии. М., 1984; Хенкин С. М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии, 20–30-е годы XX века. М., 1985.
- ² См.: *Melo Filho M.* O milagre brasileiro. 2a ed. Rio de Janeiro. 1972. P. 8–9.

Немного истории

- ¹ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». М., 1976. С. 88.
- ² Цит. по: Господствующие классы Латинской Америки. М., 1978. С. 198.
- ³ Шульговский А. Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979. С. 178.
- ⁴ См.: Антонов Ю. А. Бразилия: армия и политика. С. 184–185.
- ⁵ Цит. по: Там же. С. 188.
- ⁶ Факто Р. Бразилия XX столетия. М., 1962. С. 60.
- ⁷ *Cardoso F. H., Falleto E.* Dependencia y desarrollo en América Latina. México, 1970. P. 122.

У истоков «бразильской модели»

- ¹ Documentos do Partido Comunista Brasileiro (1960–1975). Lisboa, 1976.
- ² Ibid. P. 142.
- ³ Коваль В. И. Бразилия вчера и сегодня. С. 147.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.
- ⁵ Revista brasileira de estudos políticos, 1966. № 21. P. 78.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ См.: Коваль В. И. Бразилия вчера и сегодня. С. 154.
- ⁸ Наиболее известные из них — Травассос, Родригес, Рибейро да Граса, Делгадо де Карвальо, Да Сидади, Бакхёзер. Под-

- робнее см.: *Rizzo de Oliveira E.* As forças armadas: política e ideologia no Brasil (1964–1969) // Petropolis. Vozes, 1976.
- ⁹ *Rios J. A.* Atualidade do Tenentismo // Cadernos brasileiros. № 38. 1966. Nov.-dez. P. 26.
  - ¹⁰ См.: *Janni O.* O colapso do populismo no Brasil. Rio de Janeiro, 1968. P. 145.
  - ¹¹ *Authoritarian Brazil* / Ed. Stepan A. New Haven; L. 1973. P. 55.
  - ¹² *Schneider R.* The Political System of Brazil. N. Y.; L., 1971. P. 244.
  - ¹³ *Stepan A.* The Military in Politics: Changing Patterns in Brazil. Princeton, 1971. P. 240.
  - ¹⁴ Constituição da República dos EEUU do Brasil (1946), contendo as emendas, 1-Ato Institucional. Rio de Janeiro, 1965. P. 158–162.
  - ¹⁵ *Fiechter G.-A.* O Regime modernizador do Brasil. 1964–1972. Rio de Janeiro, 1974. P. 54–55.
  - ¹⁶ *Mendes Candido.* The Post 1964 Brazilian Regime: Outward Redemocratization and Inner Institutionalization // The Controls of Technocracy. Rio de Janeiro, 1979. P. 190–191.
  - ¹⁷ *Cardoso F. H.* Empresário industrial e Desenvolvimento Econômico no Brasil. São Paulo, 1972. P. 170–172.
  - ¹⁸ *Mendes Candido.* Op. cit. P. 190–191.
  - ¹⁹ Visión, México. 1971. 24 abr. P. 29.
  - ²⁰ Цит. по: *Вернек Содре Н.* Указ. соч. С. 253.
  - ²¹ *Cardoso F. H.* La cuestión del Estado en Brasil // Revista mexicana de sociología, México, 1975. № 3. P. 625.

1964—1968:

**фундамент «экономического чуда»
или смиренная рубашка для страны?**

- ¹ Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. М. 1983. С. 91–92.
- ² Цит. по: *Кобыш В.* Бразилия без карнавала. М., 1968. С. 69.
- ³ *Вернек Содре Н.* Указ. соч. С. 250.
- ⁴ Correio da Manhã. Rio de Janeiro, 1965. 18 dez.
- ⁵ *Mendes Candido.* The Post 1964 Brazilian Regime: Outward Redemocratization and Inner Institutionalization // The Controls of Technocracy. Rio de Janeiro, 1979. P. 192.
- ⁶ Brasil: Constituição, Brasília. 1970. P. 253.
- ⁷ Цит. по: *Кобыш В.* Указ. соч. С. 146.
- ⁸ VI Congresso do Partido Comunista Brasileiro. Informe de balanço. (S. L., S. A.). P. 8.
- ⁹ *Вернек Содре Н.* Указ. соч. С. 140, 196.
- ¹⁰ *Шульговский А. Ф.* Указ. соч. С. 200.
- ¹¹ O Cruzeiro, 1970. 1 jan. P. 26.
- ¹² VI Congresso do PCB. P. 9.
- ¹³ *Вернек Содре Н.* Указ. соч. С. 183, 146.
- ¹⁴ O Cruzeiro, 1970. 1 jan. P. 29.

1968—1974:

**«экономика развивается хорошо,
а народ живет плохо»**

- ¹ Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. С. 73.
- ² Там же. С. 74.

- ³ *Murilo Melo Filho*. O milagre brasileiro. 2a ed. Rio de Janeiro, 1972. P. 13.
- ⁴ Бразилия: тенденции... С. 73.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Quartim J.* Dictatorship and armed struggle in Brazil. L., 1971. P. 104–112.
- ⁷ Consolidação das Leis do Trabalho. P. 589.
- ⁸ *Шульговский А. Ф.* Указ. соч. С. 227.
- ⁹ Authoritarian Brazil. P. 199.
- ¹⁰ Voz operária. 1974. № 114.
- ¹¹ *Вернек Содре Н.* Указ. соч. С. 216, 221.
- ¹² *Мишин М. М.* Бразилия. М., 1978. С. 143.
- ¹³ Revista brasileira de economia. 1972. № 26. P. 32.
- ¹⁴ Jornal do Brasil. 1972. 31 mar.
- ¹⁵ Бразилия: тенденции... С. 75.
- ¹⁶ Капитализм в Латинской Америке. М., 1983. С. 221–222, 231.
- ¹⁷ Visión. México. 1971. 24 ag. P. 29.
- ¹⁸ Бразилия: тенденции... С. 75.
- ¹⁹ Цит. по: Лат. Америка. 1974. № 4. С. 30.
- ²⁰ Voz operária, 1971. Ag.
- ²¹ Carta de Recife. Recife, 1971. P. 2.

1974—1979:

в поисках выхода из тупика

- ¹ Cuadernos del Tercer Mundo (México), 1978. № 23. 15 ag.— 15 sept. P. 16.
- ² Ibid. P. 17.
- ³ Veja (São Paulo), 1978. 16 dez. P. 22.
- ⁴ *Nery S.* As 16 derrotas que abalaram o Brasil // Rio de Janeiro, 1975. P. 98, 103.
- ⁵ Veja. 1979. 14 mar. P. 45.
- ⁶ Jornal do Brasil (Rio de Janeiro). 1976. 18 nov.
- ⁷ The New York Times. 1976. 20 Nov.
- ⁸ Jornal do Brasil. 1977. 4 nov.
- ⁹ Banas. 1978. № 1181. P. 8–9.
- ¹⁰ Visão. 1978. 10 jul. P. 62.
- ¹¹ Jornal do Brasil. 1977. 28 ag.
- ¹² *Viera-Gallo J. A.* Crisis de un modelo militar: interrogantes y perspectivas // Chile-America (Roma). 1977. № 37/38. P. 149.
- ¹³ Veja. 1979. 25 jul. P. 25.
- ¹⁴ Istoé (São Paulo). 1978. 28 jun. P. 9.
- ¹⁵ Declaração do PCB sobre o movimento sindical. S. l., 1976. Nov. P. 1.
- ¹⁶ Veja. 1976. 16 dez. P. 22.
- ¹⁷ Jornal do Brasil. 1981. 10 maio.
- ¹⁸ *Дуас Ж.* Демократизация назрела // Пробл. мира и социализма. 1981. № 11. С. 38.
- ¹⁹ *Shoayans M.* Demain le Bresil? Militarisme et technocratie. P. 1977. P. 38.

Либерализация: выход найден?

- ¹ См.: Правда. 1981. 4 апр.
- ² *Дуас Ж.* Указ. соч. С. 37.
- ³ «Закон о национальной безопасности» (принят в 1967 г. с последующими дополнениями), после отмены Институционального

акта № 5 играл роль основного юридического репрессивного инструмента режима (он позволял подвергнуть судебному преследованию практически любую организацию или лицо на основании расплывчатого понятия «ущерба национальной безопасности»); «Закон Фалкао» (закон о пропаганде) ограничивал возможности оппозиционных сил в использовании средств массовой информации в ходе избирательных кампаний, практически служил частичной заменой цензуры; «Апрельский пакет» — набор конституционных поправок и декретов антидемократического характера, принятый правительством Гайзелла в апреле 1977 г., был призван служить «уздой» для оппозиции в ходе либерализационных мероприятий режима.

- ⁴ Прямые выборы президента и губернаторов штатов были официально отменены в 1966 г. Под давлением широкой демократической общественности режим в 1980 г. вынужден был объявить о восстановлении прямых выборов губернаторов с конца 1982 г. Что касается прямых президентских выборов, то они не были восстановлены до конца правления военных.
- ⁵ O Estado de São Paulo. 1981. 2 jan.
- ⁶ Istoé. 1978. 28 jun. P. 4.
- ⁷ Voz operária. 1979. Jul. № 160. P. 3.
- ⁸ Более точный перевод португальского названия этой партии — Демократическо-социальная, но в нашей периодике уже устоялось название Социально- (или даже Социал-) демократическая, что не отражает ее реальной идеологии.
- ⁹ Voz operária. 1979. Jul. № 160. P. 1.
- ¹⁰ Veja. 1979. 4. jul. P. 88.
- ¹¹ PCB: vinte anos de política (1958–1979): Documentos. São Paulo, 1980. P. 315.
- ¹² O Globo. 1979. 2 dez.
- ¹³ O Globo. 1979. 11 dez.
- ¹⁴ Jornal do Brasil. 1980. 12 jul.
- ¹⁵ До своего объединения в феврале 1982 г. с ПМДБ под флагом последней. Хотя ПП уже не является самостоятельной партией, центристское течение, которое она представляла, сохраняет значительное влияние.
- ¹⁶ Veja. 1981. 29 abr. P. 24.
- ¹⁷ O Estado de São Paulo. 1979. 1 dez.
- ¹⁸ Jornal do Brasil. 1980. 4 nov.
- ¹⁹ Логическим, хотя и нехарактерным для других организаций продолжением этой тенденции стало создание в результате политизации наиболее боевых профсоюзов Сан-Паулу Партии трудящихся, сохранившей связи с профсоюзами и одновременно превратившейся в самостоятельную политическую организацию бразильского пролетариата.
- ²⁰ Teses para um Debate Nacional de Comunistas pela Legalidade do PCB. São Paulo. 1981. P. 92.
- ²¹ O Globo. 1980. 5 dez.
- ²² Jornal do Brasil. 1980. 12 ag.
- ²³ Istoé. 1978. 31 maio. P. 14.
- ²⁴ Voz da Unidade. 1980. 22–28 maio. P. 10.
- ²⁵ В начале 80-х годов, используя новую политику в области заработной платы, правительство смогло снизить уровень за-

бастовочной борьбы. В 1980 г. состоялось лишь 10 забастовок продолжительностью более недели, в то время как в 1979 г. их было 120 (The Financial Times, 1980. 14 nov.).

²⁶ Voz da Unidade. 1981. 21–27 ag. P. 8.

²⁷ Ibid. P. 1.

²⁸ Voz da Unidade. 1980. 22–28 jun.

²⁹ Folha de São Paulo. 1981. 2 set.

³⁰ Última Hora. 1980. 11 abr.

³¹ Avanti. Roma. 1980. 3 dic.

³² Veja. 1981. 18 fev. P. 17.

³³ Última Hora. 1980. 11 abr.

³⁴ O Estado de São Paulo. 1981. 2 jan.

³⁵ Jornal do Brasil. 1981. 4 fev.

³⁶ Veja. 1981. 18 fev. P. 15.

От выборов 1982 года — к гражданскому правительству

¹ Veja. 1982. 13 out. P. 22–23.

² Uma Alternativa Democrática Para a Crise Brasileira. São Paulo, 1984. P. 29–31.

³ La vie ouvrier. P. 1984. 27 janv.

⁴ El Universo. Guayaquil. 1983. 4 mar.

⁵ La vie ouvrier. 1984. 27 janv.

⁶ The Wall Street Journal. 1983. 6 May.

⁷ The Christian Science Monitor. 1983. 8 July.

⁸ Voz da Unidade. 1984. 5 jan. P. 6.

⁹ Revista do CONCLAT, edição especial. São Paulo, Nov. 1983. P. 5.

¹⁰ Ibid. P. 7.

¹¹ Voz da Unidade. 1984. 1 jan. P. 1.

¹² Ibid. 1984. 11 fev. P. 16.

¹³ Le Monde. P. 1983. 27 déc.

¹⁴ Folha de São Paulo. 1983. 27 nov.

¹⁵ Istoé. 1984. 28 dez. P. 54.

¹⁶ Folha de São Paulo. 1984. 22 abr.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Jornal do Brasil. 1984. 31 mar.

¹⁹ Istoé. 1984. 18 abr. P. 30–32.

²⁰ Folha de São Paulo. 1984. 27 abr.

²¹ Ibid.

²² Jornal do Brasil. 1984. 3 abr.

²³ Folha de São Paulo: Suplemento Folhetim especial. 1985. 10 mar.

²⁴ Voz da Unidade. 23 Fev. 1985.

²⁵ Jornal do Brasil. 18 jan. 1985.

²⁶ Полный текст президентского декрета об аграрной реформе см.: Folha de São Paulo, 11 out. 1985.

Внешняя политика военных правительств

¹ Цит. по: Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. С. 250.

² Там же.

³ Там же. С. 254.

Знакомство, которому полтора века

¹ Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 315, 323.

- ² *Королев Н. В.* Страны Южной Америки и Россия (1890–1917 гг.). Кишинев, 1972. С. 49.
- ³ Цит. по: Россия, СССР – Бразилия: 150 лет отношений. М., 1980. С. 177.
- ⁴ Цит по: *Кобыш В.* Бразилия без карнавала. С. 46.
- ⁵ Россия, СССР – Бразилия: 150 лет отношений. С. 84.
- ⁶ Бразилия: тенденции... С. 314.
- ⁷ Там же. С. 318.
- ⁸ Бразилия: тенденции... С. 319.
- ⁹ Внеш. торговля. 1983. № 11. С. 24; За рубежом, 1984. № 27. С. 14.
- ¹⁰ Правда, 1984. 8 мая.
- ¹¹ Правда, 1985. 29 дек.
- ¹² За рубежом, 1986. № 13. С. 15.
- ¹³ Цит. по: За рубежом, 1985. № 16. С. 14.

Заключение

- ¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция // Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 131.
- ² Там же. С. 132.
- ³ Os comunistas e a transição democrática // Voz da unidade. 1985. 23 fev.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXVII съезда КПСС. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 6–7.

Содержание

От редактора	3
Введение	7
Немного истории	9
У истоков «бразильской модели»	25
1964—1968: фундамент «экономического чуда» или смирительная рубашка для страны?	42
1968—1974: «экономика развивается хорошо, а народ живет плохо»	60
1974—1979: в поисках выхода из тупика	72
Либерализация: выход найден?	91
От выборов 1982 года — к гражданскому правительству	120
Внешняя политика военных правительств	145
Знакомство, которому полтора века	153
Заключение	161
Примечания	167

**Татьяна Юрьевна
Забелина,
Анатолий Александрович
Сосновский**

БРАЗИЛИЯ ДО И ПОСЛЕ «ЧУДА»

**Утверждено к печати
редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР**

**Редактор издательства Н. Ф. Лейн
Художник С. А. Резников
Художественный редактор В. Ю. Кученков
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры Т. М. Ефимова, Л. Д. Изотова**

ИБ № 31942

**Сдано в набор 01.07.86
Подписано к печати 22.08.86
Т-13848. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл.печ.л. 9,24. Усл.кр.огт. 9,45. Уч.-изд.л. 9,7
Тираж 19 600 экз. Тип. зак. 2737
Цена 60 коп.**

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90**

**2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6**